

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

4 (59)

журнал выходит четыре раза в год

ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
№ 4 (59), 2023

Научный журнал. Издаётся с 1968 г.
Выходит 4 раза в год.
ISSN 2306-5826

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционная коллегия

*д.ф.н. Б.Ч. Бижоев, д.ф.н. Т.Ш. Биттирова,
к.и.н. А.Х. Боров, д.ф.н. А.М. Гутов, д.и.н. А.Г. Кажаров, к.и.н. З.М. Кешева,
к.ф.н. Д.М. Кумыкова (ответственный секретарь), д.ф.н. Б.А. Мусуков,
к.ф.н. Л.Х. Махиева, к.и.н. Д.Н. Прасолов,
д.ф.н. Х.Т. Тимижев, к.и.н. В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
Тел.: 8 (8662) 42-34-42; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

4 (59)

the journal comes out four times a year

BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH
№ 4 (59), 2023

Scientific journal. Published since 1968
Published 4 times a year.
ISSN 2306-5826

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*; Doctor of Philology *T.S. Bittirova*;
Candidate of History *A.H. Borov*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*;
Candidate of Philology *D.M. Kumykova (exec. secretary)*;
Doctor of Philology *B.A. Musukov*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *D.N. Prasolov*; Doctor of Philology *H.T. Timizhev*;
Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research KBSC RAS
Ph.: 8 (8662) 42-34-42; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

<i>Тхамокова И.Х.</i>	Расследование дела Муцала и Будадея Сунчалеевичей Черкасских (1640 г.)	7
<i>Кожев З.А.</i>	Посольство Казиевой Кабарды в улусы Большого Ногая весной 1640 г.	18
<i>Алоев Т.Х.</i>	«И под сенью Отцовской надежной руки...»: заметки к ранней биографии Бесланого Аслангирея	27
<i>Варивода Н.В.</i>	Возникновение и развитие казачьих общин на Тереке во второй половине XVI–XVII вв.	40
<i>Такова А.Н.</i>	Работа органов государственной власти Кабардино-Балкарской АССР по борьбе с нарушениями законодательства в религиозной сфере как одно из направлений реализации хрущевской антирелигиозной кампании 1958–1964 гг.	49
<i>Гугова М.Х.</i>	Освобождение территории Кабардино-Балкарии от немецко-фашистских войск в 1943 году	57

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Кумыкова Д.М.</i>	Средства создания контраста в кабардино-черкесских паремиях: неконвенциональные оппозиции	62
<i>Къуэдзокъуэ З.В.</i>	«Бзылхугъэ» концептым иджырей къэбэрдей-шэрджэсыбзэм щигъуэта зыужьыныгъэр (лъэпкъ афористикэмрэ паремиологиэмрэ я щапхъэхэмкІэ)	71
<i>Токъмакъ М.Хъ.</i>	Адыгэбзэм и тхыгъэ (тхылъыбзэ) лексикэр	77

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Хакуашева М.А.</i>	Повесть Н. Куека «Превосходный конь Бечкан» в контексте историософии	88
<i>Бухуров М.Ф.</i>	Образ «низкого» героя в адыгском эпосе	95
<i>Гутов А.М.</i>	Об одной особенности образной системы эпического сказания	107
<i>Гутова Л.А.</i>	Мотив сватовства и женитьбы в преданиях историко-героического эпоса. Реальность и вымысел (сопоставительный анализ на материалах разных жанров фольклора	114
<i>Гергокова Л.С.</i>	Об именовании <i>бёрю</i> «волка» в карачаево-балкарском фольклоре	123
<i>Гулиева (Занукоева) Ф.Х.</i>	Чудесные предметы-трансформаторы в карачаево-балкарских волшебных сказках	131
<i>Хагожеева Л.С.</i>	Символика увечья в поэтике адыгского эпоса	140

CONTENT

HISTORY. ETHNOLOGY

<i>Tkhamokova I.H.</i>	Investigation of the case of mutsal and budachey sunchaleevich cherkassky in 1640.	7
<i>Kozhev Z.A.</i>	Embassy of Kazieva Kabarda in the Uluses of Big Nogay in the spring of 1640.	18
<i>Aloev T.Kh.</i>	“And under the shadow of the Father’s reliable hand...”: notes to the early biography of Beslanoko Aslangirey	27
<i>Varivoda N.V.</i>	The Emergence and development of Cossack communities on the Terek in the second half of the XVI–XVII centuries	40
<i>Takova A.N.</i>	The work of the state authorities of the Kabardino-Balkarian ASSR to combat violations of legislation in the religious sphere as one of the directions of the implementation of the Khrushchev anti-religious campaign of 1958–1964	49
<i>Gugova M.Kh.</i>	Liberation of the territory of Kabardino-Balkaria from Nazi troops in 1943	57

LINGUISTICS

<i>Kumykova D.M.</i>	Means of creating contrast in Kabardian-Circassian proverbs: non-conventional oppositions	62
<i>Kodzokova Z.V.</i>	Evolution of the concept “Woman” in the modern Kabardno-Circassian language picture (based on aphorism and proverb)	71
<i>Tokmakova M.H.</i>	Written vocabulary of the kabardino-circassian language	77

LITERARY CRITICISM. STUDY OF FOLKLORE

<i>Hakuasheva M.A.</i>	N. Kuek’s novel «The excellent horse Bechkan» in the context of historiosophy	88
<i>Bukhurov M.F.</i>	The image of a «low» hero in the Adyg epic	95
<i>Gutov A.M.</i>	About one feature of the figurative system of the epic legend	107
<i>Gutova L.A.</i>	The motive of matchmaking and marriage in the legends of the historical and heroic epic. Reality and fiction. (comparative analysis based on materials from different genres of folklore)	114
<i>Gergokova L.S.</i>	About the name of <i>beryu</i> “wolf” in karachay-balkar folklore	123
<i>Gulieva (Zanukoeva) F.H.</i>	Wonderful transformer objects in karachay-balkarian magic fairy-tales	131
<i>Khagozheeva L.S.</i>	Symbolism of mutilation in the poetics of the Adyghe epic	140

Научная статья

УДК 94(470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-7-17

РАССЛЕДОВАНИЕ ДЕЛА МУЦАЛА И БУДАЧЕЯ СУНЧАЛЕЕВИЧЕЙ ЧЕРКАССКИХ (1640 г.)

Ирина Хасановна Тхамокова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, omarakana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6020-7420>

© И.Х. Тхамокова, 2023

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с расследованием дела Муцала Сунчалеевича Черкасского, его брата Будачея, а также Идара Елбузлукова и их узденей в 1640 г. Муцал служил в городе Терки, командуя уроженцами Кавказа – узденями, окончанами, новокрещенами. Ставшие основой дела конфликты Муцала с кабардинскими владельцами Кельмаметом и Ильдаром, а также с воеводами, раскрывают некоторые особенности социально-политических отношений как в Кабарде, так и в городе Терки. Работа основана на анализе архивных документов, в том числе и тех, которые ранее не использовались. Расследование под руководством царя проводили князья Борис Репнин и Федор Волконский, использовавшие воеводские отписки, расспросные речи, челобитные и т.п. Чаще всего они повторяли обвинения в самовольстве: в отправке без царского указа персидского посла из города Терки в Азов, в выезде без разрешения из Терского города в Кабарду, а затем в Москву, в попытке решать конфликты насильственными методами вместо обращения с челобитной к царю и т.д. Муцал и Будачей отрицали большую часть обвинений, но по результатам расследования были сосланы в Галич и Вологду.

Ключевые слова: Город Терки, Кабарда, Муцал Сунчалеевич Черкасский, уздени
Для цитирования: Тхамокова И.Х. Расследование дела Муцала и Будачея Сунчалеевичей Черкасских (1640 г.) // Вестник КБИГИ. 2023. № 4 (59). С. 7–17.
DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-7-17

Original article

INVESTIGATION OF THE CASE OF MUTSAL AND BUDACHEY SUNCHALEEVICH CHERKASSKY IN 1640

Irina Kh. Tkhamokova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, omarakana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6020-7420>

© I.Kh. Tkhamokova, 2023

Abstract. The article deals with issues related to the investigation of the case of Mutsal Sunchaleevich Cherkassky, his brother Budachey, as well as Idar Yelbuzlukov and

their uzdens in 1640. Mutsal served in the town of Terki, commanding natives of the Caucasus – uzdens, okochans and newly baptized people. His relations with Kabardian princes and Terek voivodes reveal the peculiarities of the socio-political situation of the Caucasian peoples of that period. Mutsal's conflicts with Kelmamet and Ildar, as well as with the voivodes, which became the basis of the case, show the complexity and ambiguity of the political situation. The work is based on the study of archival documents, including those that have not been used before. The investigation under the direction of the tsar was carried out by princes Boris Repnin and Fyodor Volkonsky, who used voivode despatches, questioning speeches, petitions, and so on. Most often they repeated accusations of arbitrariness: sending the Persian ambassador from the town of Terka to Azov without a tsar's decree, leaving the town of Terka for Kabarda and then Moscow without permission, attempting to solve conflicts by violent methods instead of addressing a petition to the tsar, etc. Mutsal and Budachey denied most of the accusations but were exiled to Galich and Vologda because of the investigation.

Keywords: Terki, Kabarda, Mutsal Sunchaleevich Cherkassky, uzdens

For citation: Tkhamokova I.H. Investigation of the case of mutsal and budachey sunchaleevich cherkassky in 1640. Vestnik KBIGI = KVINN Bulletin. 2023; 4 (59): 7–17. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-7-17

В 1639–1640 гг. обострились противоречия между кабардинскими князьями, что привело к нескольким крупным конфликтам – к насильственному переселению нескольких сел, к походу терских и астраханских ратных людей под командованием Тимофея Аладьина и Федора Чаплыгина в Кабарду, к противостоянию терских воевод и Муцала, который командовал служившими в Терках узденями, окочанами, новокрещенами. Эти события рассмотрены в нескольких работах [Века совместной истории... 2017: 108–112; Озова 2010: 3–37; Кожев 2018: 32–37; Алоев 2019: 89–99; Тхамокова 2023]. В данном случае речь идет о расследовании действий Муцала Сунчалеевича, его брата Будачея, а также Идара Елбузлукова и их узденей в этот период. Это разбирательство очень кратко упоминается в нескольких научных статьях и монографиях. Однако оно заслуживает более подробного изучения, поскольку раскрывает некоторые особенности социальной структуры кабардинского общества, а также отношений Кабарды и российского государства в тот период. В трудах по истории Северного Кавказа отмечается, что народы региона и Москва в XVI–XVII вв. по-разному понимали договоры, связывавшие их [Века совместной истории... 2017: 89; Озова Ф.А. 2010: 18–19]. Расследование действий Муцала и Будачея – это один из примеров и свидетельств подобных разногласий. Необходимо уточнить хронологию расследования – не вполне понятно, когда и как оно началось и когда закончилось, а также другие обстоятельства – кто его проводил и какие методы при этом применял.

Работа основана на изучении архивных документов, в первую очередь – дела, хранящегося в РГАДА [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1–2], которое до последнего времени не использовалось историками. Оно содержит отписки терских воевод о событиях того времени, многочисленные челобитные, расспросные речи, записанные в ходе следствия, документы, касающиеся ссылки Муцала и Будачея и т.д.

Из всех участников конфликта первыми в Москву приехали Кельмаммет Куденетович и его брат Ильдар. 27 мая 1640 г. они уже были там вместе с 25 своими узденями [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 41]. 7 июня состоялся прием у царя, где они подали челобитную. Они жаловались на Муцала и Будачея, повторяли уже высказывавшиеся ими ранее обвинения в разоренье, в насильственном переселении аулов, в том, что во время похода воеводы Аладьина и Федора Чаплыгина в Кабарду Муцал и Будачей среди ратных людей «великую смуту» сделали, из-за чего астраханские люди многие ушли в Астрахань, что Муцал «с вестью» об этом походе посылал узденей своих в Кабарду и т.п. Другие обвинения заключались в том, что когда в Терки приезжал из Кабарды Мисост Казыев, то Муцал и Будачей насильно забрали его из острога, что Муцал топором замахивался на воевод и т.п.

Жаловались также на то, что 18 марта 1640 г. Будачей со своими узденями напал рядом с Терским городом на Кельмамета и его узденей, хотел их убить или захватить. Об этом же событии писали и терские воеводы [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 31–34, 42–46].

В то время, когда Кельмамет и Ильдар были уже в Москве, Муцал и Будачей находились в Астрахани, но тоже направлялись в Москву. Они ехали туда добровольно и даже вопреки противодействию терских воевод. Муцал и Будачей подавали им челобитную с просьбой отпустить их в столицу, но получили отказ. Тогда они (вместе с Идаром Елбузлуковым) приехали в Астрахань и уже здесь получили от астраханских воевод Юрия Сицкого и Саввы Самсонова разрешение на поездку в Москву. Муцал, Будачей и их уздени 31 мая 1640 г. выехали вместе с представителями Астрахани («станичниками»), отправлявшимися в Москву. Муцал и Будачей собирались сообщить там «о своих великих обидах» и везли аргамаков в подарок царю [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 51–52, 151].

Терские воеводы Иван Хилков и Тимофей Аладьин добрались до Москвы значительно позже. К 8 сентября 1640 г. они еще не доехали туда, поэтому на их поиски был направлен сын боярский Бажен Скорятин. Воеводам городов Поволжья было указано не задерживать его и терских воевод, а отправлять их тотчас к Москве [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 408–409].

К этому времени в Терках уже были новые воеводы – Семен Шаховской и Савва Нарбеков. Одно из первых их дел касалось Муцала. 26 июля 1640 г. они получили царскую грамоту. Им было велено, приехав в Терки (возможно, они тогда еще не доехали до этого города), вызвать к себе Муцала и Будачея и напомнить им обо всех их проступках: о вражде с Кельмаметом и Ильдаром, о переселении аулов, о Мисосте и т. д. Воеводы должны были сказать Муцалу и Будачею, что им и их узденям царское жалованье дается не для того, чтобы они нападали на тех, кто служит царю. После этого следовало держать Муцала и Будачея «за крепкими приставами», а «пущих воров» из числа их узденей надо было посадить в тюрьму. Все это следовало делать, соблюдая осторожность, чтобы в городе было «людно и стройно», и служилые люди ходили с оружием. Муцала и Будачея велено было послать в Астрахань под надежной охраной («в великой крепости») [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 35–38]. Это показывает, насколько серьезно восприняли в Москве происшествия в городе Терки. Но когда терские воеводы получили эти инструкции, Муцал и Будачей, а также Идар мурза Елбузлуков находились уже в Москве.

Они вместе с 47 своими узденями приехали туда 16 июля 1640 г. [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 47]. Они подали челобитную с жалобой на князя Нарчова, на Кельмамета и Ильдара. Жаловались на то, что те хотели их с братьями «побить насмерть», на то, что когда-то князь Нарчов, Кельмамет и Ильдар отняли у них шесть аулов и угрожали и остальными их аулами завладеть. Они вспоминали верную службу царю их отца Сунчалая и брата Шолоха, и свою службу. Они также просили царя, чтобы сыск по их делу проводили не терские воеводы Иван Хилков и Тимофей Аладьин, которые дружили с Кельмаметом и Ильдаром, а любые другие его холопы – русские люди или иноземцы [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 48–49, 84–87]. Муцал подал еще одну челобитную с жалобой на терских воевод, которые, по его словам, ложно обвиняли его в том, что он отпускает из Терка аманатов и не дает заменять их на новых. По его словам, аманаты и в тот момент находились в Терском городе, что было известно всем его жителям [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 50]. Видимо, имелся в виду случай с захватом Мисоста и аманата.

1 августа 1640 г. царь издал указ о расследовании действий Будачея и Муцала и поручил его боярину князю Борису Александровичу Репнину и окольничему князю Федору Федоровичу Волконскому. Первый из них в это время возглавлял

сыскной приказ, занимавшийся розыском закладчиков, беглых посадских людей [Смирнов 1947: 463]. Они, видимо, имели представление о расследовании преступлений. Но руководил следствием лично царь: он выбирал вопросы, на которые следовало обратить особое внимание. В первую очередь он собирался выяснить, почему Муцал послал своих узденей провожать персидского посла из города Терки в Азов, и почему он и его брат Будачей приходили на терских воевод со многими своими людьми и с «великим шумом», хотели их побить и Муцал замахивался на воеводу топором. Сыск проводился при помощи отписок терских воевод, исходя из которых формулировали вопросы. Уже 6 августа царю сообщили ответы Муцала и Будачея, и он указал опросить еще Кельмамета и Ильдара [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 88, 153]. Впоследствии в деле появились и другие вопросы: о передаче в Кабарду сведений о предстоящем походе Тимофея Аладьина, о роли Муцала и его брата Будачея в разорении и переселении аулов Кельмамета. Царь приказал также расследовать челобитье Кельмамета и Ильдара с обвинением Муцала «в обидах и во всяких насильствах» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 210].

Помимо отписок терских воевод [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 98–107], в ходе расследования использовалось письмо донских атаманов о приезде персидского посла [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 9, 10], челобитные Кельмамета и Ильдара мурз [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 76–83], а также самих Муцала и Будачея [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 84–87]. Участников дела расспрашивали об этих событиях «порознь» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 9, 10], чтобы можно было сравнить их ответы и найти противоречия [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 154]. В ходе расследования проводили также очные ставки Муцала и Будачея, с одной стороны, и Кельмамета и Ильдара – с другой. Их «ставили с очей на очи» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Л. 268, 284, 286, 297, 328, 346].

Когда подобные расследования проводились в Терках – например, о смерти князя Сунчалая [РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1625 г. № 12] или по жалобе князя Пшимахо на терского воеводу [РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1628 г. № 35], то опрашивали множество терских жителей самых разных социальных групп и национальностей, но в Москве невозможно было это сделать, поэтому расспросы затронули только несколько человек – Муцала, Будачея, Ильдара Елбузлукова, Кельмамета и Идара Елбузлукова. Даже о расспросе узденей Кельмамета, Муцала и Будачея, которые находились в Москве, нет сведений.

О проходах персидского посла из города Терки в Азов в Москве узнали из письма донских атаманов от 6 мая 1640 г. Город Азов был захвачен в тот период донскими казаками. Шах отправил к ним своего посла, а Муцал поручил 10 своих узденям (Иналуку, Буту и другим) проводить его [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 9, 88].

По рассказу Муцала, посол бил челом терским воеводам, чтобы его проводили в Азов. Воеводы собирались послать вместе с ним сына боярского, толмача и 25 стрельцов. Также и торговые люди должны были поехать с ними. Но затем в Терки приехал Кельмамет, и по каким-то его проискам отправление каравана было отменено. Посол бил челом в том, чтобы его отпустили в Астрахань, а оттуда в Москву, но ему и туда не позволили уехать. После этого Муцал и отправил своих узденей вместе с послом. Муцал вспоминал, что у посла были шахские грамоты и к донским казакам, и к царю, и к самому Муцалу (его сестра была замужем за шахом по царскому «веленью»). Когда кызылбашский посол и торговые люди, которые хотели его сопровождать, узнали о том, что отправление каравана отменяется, они начали нанимать узденей Муцала для своей охраны и предлагали по 12 рублей человеку. Узнав об этом, Муцал разрешил им проводить посла. В караване вместе с послом были также окочане и тезики из Терского города [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 90–94].

Князя Борис Репнин и Федор Волконский говорили Будачею и Муцалу, что они царские холопы, как же они могли без царского указа посылать своих узденей

вместе с послом в Азов? Муцал ответил, что царь с шахом в дружбе и любви. На что князья возразили, что хотя царь и шах в дружбе, но Муцал холоп царя, а не шаха, и не должен был без его указа так поступать [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 91, 95–96].

Кельмамет и Ильдар несколько иначе обрисовали картину с проводами кызылбашского посла. По их словам, послами в Терках ведают терские воеводы, только они принимают и отпускают послов. И именно воеводы не хотели проводить послов в Азов без царского указа. А Кельмамет и Ильдар всего лишь сказали воеводам, что если царю угодно, чтобы послы поехали в Азов, то воеводы могут делать, как хотят, а если не угодно, то пусть делают как лучше. Но воеводы ответили, что указа у них нет и что, как они слышали, шах в своей грамоте казакам пишет, чтобы они служили ему так же, как служат царю. И после этого воеводы не отпустили послов [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 156–159]. Тогда Муцал послал своих узденей провожать посла и сам в течение дня его провожал до речки Кизляр. Терские воеводы послали сотника стрелецкого и 40 стрельцов для того, чтобы вернуть посла назад. Но Муцал того сотника и стрельцов бил плетью и вернул, а сам проводил и отпустил посла. При этом Кельмамет и Ильдар ссылались на терских воевод и сотника, которые им об этом рассказали [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 160].

Муцал в ответ на это сказал, что он посла провожать не ездил, а поехал он через два дня после отъезда посла в свои «отары», и в это время посол как раз был «в отарах». Ни сотника стрелецкого, ни стрельцов он не бил [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 161]. После этого вновь спрашивали Кельмамета и Ильдара о том, как звали тех узденей Муцала, которые провожали посла. И они назвали Иналуку и Бога [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 163–164]. Вторично расспрашивали также и Будачей, поскольку он говорил о том, что воеводы не захотели отпускать персидского посла по наговорам Кельмамета, а сам Кельмамет это отрицал. Будачей ответил, что его в это время в Терках не было, а рассказывал ему об этом его брат Муцал [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 165]. Несколько раз расспрашивали и Кельмамета, и Муцала о том, куда делась адресованная царю шахская грамота, которая была у посла. Кельмамет ответил, что не знает, была ли она. Муцал сказал, что ему об этой грамоте говорил сам посол, грамота у него была, и ее взяли терские воеводы [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 167–169].

Еще одним важным вопросом было расследование событий в Терском городе, когда Будачей и Муцал самовольно забрали из острога посланца кабардинских князей Мисоста Казыева и перевели его в свою слободу. По отписке воевод Муцал и Будачей «шумели» на воевод, позорили их, пришли в острог к Мисосту со многими своими узденями, Муцал бил стрельцов и замахивался топором на воеводу [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 98–104; 108–110].

Мисост постарался объяснить, что его поведение объяснялось его шертью (присягой), которая связывала его (как ранее – его отца и брата) с Алегуко Шегануковым, которому Муцал дал клятву в том, что аманатов будут «переменять». Муцал чувствовал свою ответственность за выполнение присяги, и боялся, что иначе его сочтут бесчестным человеком, никто больше не будет ему верить. Однако по челобитью Кельмамета и Ильдара обмен не мог состояться, аманата и Мисоста не выпускали из острога. Как отвечал во время допроса Кельмамет, он просил задержать Мисоста и аманата, чтобы заставить Алегуко и Хатокшуко отпустить его аулы [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 175]. Когда человек Мисоста передал эту новость Муцалу и Будаچهю, они пошли к воеводам, чтобы просить их отпустить аманата.

В то же время Муцал и Будачей, а также Идар Елбузлуков отрицали большую часть выдвинутых против них обвинений. Они не приходили к воеводе с множеством людей, не «шумели» на него, не позорили его, Муцал не замахивался на

воеводу топором и т.д. Они били челом воеводам в том, чтобы аманата не задерживать, а если его задерживают по царскому указу, то просили показать им этот указ. По словам Муцала, они готовы были подчиниться любому царскому указу. Но указа не оказалось, воеводы действовали в соответствии с челобитной Кельмамета и Ильдара. После этого Муцал и решил забрать Мисоста к себе в слободу, а воевода, по его словам, разрешил им делать, что хотят. [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 112–118, 126–133, 150]. Когда воевода прислал к ним сотника стрелецкого с вопросом о том, почему они взяли Мисоста, то Муцал и Будачей ответили, что воевода разрешил им делать, что они хотят.

Князя Репнин и Волконский, которые вели это расследование, пытались найти противоречия в их показаниях. Они сказали Муцалу, что, по его же словам, воевода прислал к нему сотника стрелецкого, который говорил, что воевода не отпускал Мисоста. Почему же они его не послушали? [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 135].

Будачею было сказано, что если они не брали Мисоста и аманата силою, то зачем тогда воеводы пошли на мост и зачем они приказали бить в колокол? [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 116–117]. Муцалу задали вопрос о том, зачем воеводе наговаривать на него. Муцал отвечал, что они с воеводой в «недружбе», и это известно всему городу, что воевода делает то, что хочет Кельмамет. И еще Муцалу говорили о том, что если воевода был его недругом, то ему надо было бить челом царю, а не проявлять непослушанье, не забирать самовольно аманата и Мисоста, который сам передавал воеводам, что его взяли насильно [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 134–138]. Муцал опять оправдывался тем, что воевода писал неправду, и Мисоста не забирали против его воли.

Еще один обвинение, которое предъявили Муцалу, заключалось в том, что он передал известия о готовившемся походе терских ратных людей под командованием Тимофея Аладьина в Кабарду, что он и его брат Будачей подстрекали кабардинцев к военным действиям против этих отрядов [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 105–107, 142]. Однако ни тот, ни другой не признали свою вину. Никаких вестей они не передавали и военные действия не провоцировали. Муцал послал в свои аулы в Кабарде тех узденей, которые приезжали к нему в Терки.

Князя Репнин и Волконский пытались поставить их в тупик сложными вопросами. Например, спрашивали о том, откуда Алегуко и Хатокшуко узнали о походе воеводы Аладьина в Кабарду, если они им об этом не сообщали? Будачей и Муцал ответили, что узнали об этом потому, что из Кабарды часто ездят люди на Терку и с Терки [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 120–122, 143–144]. Муцала убеждали сказать правду и признаться в том, что он предупредил Алегуко и Хатокшуко о походе Аладьина, но он стоял на своем. И Муцал, и Будачей отрицали обвинения в измене. Они говорили, что вины своей перед Государем не ведают [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 120–122, 144].

Муцала спрашивали о том, почему он без царского указа и без разрешения воевод ездил «самовольством» в 1639 г. в Кабарду. Он отвечал, что Кельмамет, Ильдар и князь Нарчов взяли 6 их аулов, и что к нему приехал его брат Алегук и рассказал об этом. Он бил челом воеводам, чтобы его отпустили и вместе с ним отпустили «для обереганья» ратных людей. Воеводы не разрешили ему уехать. В то время жена Навруза мурзы, сына князя Малого Ногай, направлялась из Терского города домой в сопровождении людей Муцала. На нее напали «воровские» казаки и ограбили ее. Воеводы послали Муцала за этими казаками, а вместе с ним поехали сотник и 80 стрельцов. И пока он был в походе, его брата из города не отпускали. Муцал тех казаков нашел и разбил. А затем в Терки пришла весть о том, что Кельмамет, Ильдар и князь Нарчов забрали аулы Будачея, а его самого хотели убить. После этого Муцал опять бил челом воеводам, чтобы его отпустили в Кабарду и дали ему ратных людей. Он, по его словам, хотел поговорить

с Кельмаметом и с князем Нарчовом, но ему снова отказали. Тогда Муцал ответил, что поедет сам, чтобы брата своего «поберечь» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 218–221].

В то же время Муцал отрицал, что просил ратных людей у Алегуко и Хатокшуко, он просил их только поговорить с Кельмаметом и Ильдаром, чтобы те вернули села Будачея [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 225–226]. Муцал и Будачей также не признавали, что они хотели побить Кельмамета и Ильдара и для этого приходили к их аулам, что они разграбили их и сожгли и т.д. [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 263–264].

Точно так же Муцал и Будачей отрицали, что Будачей напал на Кельмамета у города Терки. По их словам, это был не Будачей, а ногайский Куденек мурза [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 231–234]. И попытки проводивших расследование князей убедить Будачея изменить показания и признаться во враждебных действиях ни к чему не привели. Он сказал, что тех его людей, которых Кельмамет обвиняет в покушении, в тот день послали в город с баранами, потому что у него были гости, так что они никак не могли принимать участие в нападении. И эти уздени были с ним в Москве, но об их расспросах никаких данных не сохранилось [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 242]. Муцала спрашивали о том, почему он не прислал к воеводам тех узденей и татар, которые, по словам Кельмамета, пытались его захватить или убить и за которыми воеводы посылали стрелецких голов и детей боярских. Муцал ответил, что этих узденей тогда не было на месте, они находились «в отарах» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 248–252]. Но Кельмамет не отказывался от своих обвинений и бил челом о том, чтобы царю сообщили о том, как Будачей со своими людьми пытался его убить [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 244].

Будачея, Муцала и Идара Елбузлукова спрашивали также о том, как они уехали из города Терки в Москву. Они ответили, что били челом терским воеводам, но те их не отпустили в Москву. Тогда они поехали в Астрахань и били челом астраханским воеводам, и уже те разрешили им уехать. Им ответили, что если терские воеводы не отпустили их к Москве, то они должны были бы бить челом царю, а не ехать «самовольством» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 152].

Муцал и Будачей, по словам проводивших расследование князей Репнина и Волконского «запирались» против воеводских отписок и челобитных Кельмамета и Ильдара: они отрицали почти все выдвинутые против них обвинения [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 324–325]. Даже тогда, когда им уже было известно о предстоящей ссылке, они в своей челобитной еще раз написали о том, что терские воеводы обвиняли их ложно, и просили устроить очную ставку с ними [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 590]. Но терские воеводы тогда еще не доехали до Москвы. Уже значительно позже, 10 апреля 1641 г., князь Репнин и Волконский вновь опрашивали Муцала и Будачея о походе Т. Аладьина, и тогда была проведена очная ставка между ними и бывшими терскими воеводами. Но это было уже расследование, скорее, дела воевод, чем Муцала и Будачея. Речь шла о том, что накануне похода Аладьина воевода Хилков был в гостях у Муцала и мог выдать ему эту новость, а Будачей потом передал ее в Кабарду. Однако, и Муцал, и Будачей, как и раньше, все отрицали [Народы Кабардино-Балкарии... 2017: 119–120].

В материалах расследования дела Муцала и Будачея семь документов датированы одним числом – 31 августа 1640 г. Это был канун нового 7149 г. со дня сотворения мира [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 287 об., 292 об., 297 об., 298 об., 300 об., 305 об., 311 об.]. Среди этих материалов были челобитные Кельмамета и Ильдара, а также (в основном) – Будачея и Муцала. В этот же день царь, видимо, ознакомился с содержанием некоторых документов и «пожаловал взять к делу» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 345, 348, 351]. И это, возможно, был последний день расследования, поскольку уже несколько дней спустя Муцал и

Будачей отправились в ссылку. Но в исследуемом двухтомнике нет никакого итогового документа по результатам расследования – ни царского указа или грамоты, ни окончательных выводов князей Репнина и Волконского, проводивших разбирательство.

О результатах их работы можно получить приблизительное представление из более позднего источника – записи о приеме царем Муцала и Будачея, когда их уже освободили из ссылки. Им тогда напомнили, что в 1640 г. Муцал послал своих узденей провожать персидского посла с города Терки в Азов, что Муцал и Будачей вместе со многими узденями приходили в острог и силой забрали оттуда Мисоста и нового аманата, и что по их же вине аулы Кельмамета и Ильдара пожгли, разграбили и переселили в другое место.

Главным, в чем обвиняли Муцала и Будачея, было «самовольство». Без царского указа, без разрешения воевод они отправили узденей провожать шахова посла, точно так же самовольно они вывели Мисоста из острога, и против Кельмамета и Ильдара мурз они тоже действовали самовольно. Если у них и была ссора с Кельмаметом и Ильдаром, то им следовало бить челом царю, а не разорять их аулы [Кабардино-русские отношения... 1957: 209–210]. В этом документе нет обвинений в том, что Муцал и Будачей послали в Кабарду весть о походе терского и астраханского войск под командованием Тимофея Аладьина и Федора Чаплыгина. Возможно, посчитали, что это обвинение не было доказано. Но и без того самовольство было достаточным основанием для того, чтобы отправить их в ссылку.

Многие документы о ссылке Будачея и Муцала датированы 8 сентября 1640 г. Среди них царская грамота вологодскому воеводе Хованскому, в которой сообщалось о том, что в Вологду по царскому указу «за вину» ссылается Будачей мурза князь Сунчалеев сын Черкасской и несколько его узденей. С ними ехал князь Ухтомский и 10 московских стрельцов «для береженья». В Вологде князь Ухтомский должен был остаться при Будачее «в приставах», а московских стрельцов должны были сменить вологодские. В Вологде Будачею должны были давать на пропитание денег по гривне да питья: по 4 чарки вина и по ведру пива [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 394–395, 407]. Уже 19 сентября 1640 г. князь Ухтомский сообщал царю через сыскной приказ и князей Репнина и Волконского, что они с Будачеем и его узденями благополучно прибыли в Вологду, и воевода отвел им дворы [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 586].

Еще одна грамота (и тоже от 8 сентября) была предназначена будущему «приставу» Муцала. Кем был этот пристав – не совсем понятно, его имя в документах несколько раз изменялось. С Муцалом, как и с Будачеем, следовало несколько его узденей, и для них были отпущены из Москвы шесть подвод с телегами. Муцал, как и Будачей, получал «на корм» по гривне, по 4 чарки вина и по ведру пива, а его уздени – по алтыну денег. Для охраны ссыльного были выделены 10 московских стрельцов. Ехать в Галич с Муцалом и узденями следовало не мешкая, и в дороге и на остановках «держат береженье великое», чтобы они не бежали и «дурна» какого «над собою не учинили» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 399–401]. Не доезжая до Галича, следовало послать туда царскую грамоту о размещении Муцала. Воевод в Галиче, видимо, не было, поэтому грамота предназначалась губным старостам города. Они должны были выделить двор для Муцала и недалеко от него – двор для его пристава. Им же предстояло обеспечить ссыльного дровами, лучинами, свечами. Охрана Муцала была возложена на вологодских стрельцов. Видимо, в Галиче не было стрельцов или их было недостаточно [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 398]. Приставу и 10 вологодским стрельцам следовало следить за тем, чтобы Муцал и уздени никуда со двора не выходили, и к ним бы никто не приходил, и чтобы «дурна» они над собой «не учинили». И о том, когда Муцал и его уздени приехали в Галич и там разместились, пристав и губные старосты должны были написать царю, а отписку подать в сыском приказе

князьям Репнину или Волконскому, которые расследовали это дело [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 401–406, 594].

Двух узденей Муцала (имена их не названы) выслали отдельно от других и дальше всех: одного в Устюг, другого – в Сольвычегодск [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 572].

Идар Елбузлуков (а вместе с ним 7 его узденей, 13 узденей Будачей и 13 узденей Муцала) выехал из Москвы с терским сотником Михаилом Молчановым. Астраханским воеводам была послана грамота о том, чтобы они Идара Елбузлукова, его узденей и узденей Муцала отпустили вместе с Михаилом Молчановым в Терки, а узденей Будачей оставили в Астрахани, и из их числа послали бы кого-то вместе с князем Дмитрием Горчаковым в его поход в Кабарду [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 556–559]. Одного из узденей Муцала, который ехал вместе с Идаром Елбузлуковым, вернули с дороги в Москву. Он был мастером панцирного дела и, видимо, его умение понадобилось царю [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 591–592].

В то самое время, когда Муцал и Будачей отправлялись в ссылку, Кельмамет возвращался на Кавказ. Он сам в своей челобитной просил поскорее отпустить его, чтобы «летним путем» доехать до Терского города. Он повторял, что должен освободить свою мать и сестер, как и свои аулы, чтобы последние его «людишка» врозь не разбрелись [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 291]. Но для этого ему нужна была помощь.

По челобитью Кельмамета и Ильдара, на Кавказ был послан князь Дмитрий Горчаков, который получил наказ, касавшийся Алегуко Шеганукова: если тот будет «в непослушанье», то князь должен будет вместе с терскими и астраханскими ратными людьми «идти» на него и воевать с ним. Из Астрахани должны были отправиться в поход 500 конных стрельцов и две тысячи «юртовских и едисанских» татар, а из Терок – детей боярских и «всяких людей» 500 человек «или больше» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 412, 417–421]. Соответствующая грамота была отправлена и терским воеводам, [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 550–555].

Последующие события в Кабарде достаточно хорошо известны. Они упоминаются во многих документах и не раз становились предметом научного исследования [Века совместной истории...2017: 109-111; Озова Ф.А. 2010: 16–25; Кожев 2018: 32–37; Алоев 2019: 89–99]. В ходе похода Дмитрия Горчакова аулы Кельмамета были переведены из «Казыевой» в «Шелохову Кабарду». В 1641 г. состоялась битва на Малке, в которой Алегуко Шегануков, Хатокшуко Казыев и ногайцы Малого Ногая разгромили объединенное войско Кельмамета, терских ратных людей и тарковского шамхала. После этого Алегуко и Хатокшуко со своими людьми переселились за Кубань. Уже в апреле 1642 г. Муцал и Будачей Черкасские были впервые после начала ссылки приняты царем и получили прощение. Затем они принесли шерть царю. В тексте присяги, среди прочего, было обязательство переселить аулы Будачей на Сунжу. Идар Елбузлуков, который находился в Терках, тоже был прощен.

После переговоров с Муцалом 21 мая 1643 г. Алегуко Шегануков приехал в Терки и тоже принес новую шерть царю, а в 1644 г. Казыева Кабарда переселилась из-за Кубани на Куму, значительно ближе к Теркам [Кабардино-русские отношения...1957: 204, 205, 208–212, 227–238, 249–250; Народы Кабардино-Балкарии 2017: 121–126, 139–142]. В 1645 г. царь утвердил Муцала князем над окочанами и над черкесами, жившими в Терках [Кабардино-русские отношения...1957: 260–261]. В последующие годы он успешно продолжал свою службу. В 1646 г. Муцал во главе терских ратных людей принимал участие в походе против крымского войска [Кабардино-русские отношения...1957: 273–275]. В 1651 г. Муцал защищал Сунженский острог, его тогда удалось отстоять [Кабардино-русские отношения 1957: 305; Русско-дагестанские отношения...1958: 182]. Его лояльность царю не вызывает сомнений, но и в этот период Муцал продолжал проявлять большую

самостоятельность и независимость. На протяжении нескольких лет он обещал переселить на Сунжу села своего брата Будадея, но вместо этого самовольно перевел туда аулы барагунцев, живших в Северном Дагестане [РГАДА. Ф. 121. Оп. 1. 1652. Д. 1. Л. 3]. Тем самым он спровоцировал конфликт с шамхалом Сурхаем и эндирейским правителем Казаналпом.

Расследование дела Муцала и Будадея Сунчалеевичей Черкасских началось 1 августа 1640 г. и продолжалось около месяца. Проводили его князь Борис Репнин и Федор Волконский под контролем и руководством царя. Они использовали отписки терских воевод, челобитные, и расспросные речи Муцала и Будадея, а также Кельмамета и Ильдара Куденетовичей. Чаще всего в расследовании повторялось обвинение Муцала и Будадея в «самовольстве». Как царские холопы они не могли без царского указа уезжать из города Терки ни в Кабарду, ни в Москву, не говоря уже о проходах персидского посла в Азов. В случае конфликта с терскими воеводами или с Кельмаметом и Ильдаром, Муцал и Будачей должны были обращаться с челобитной к царю, а не действовать самостоятельно, т.е. не переселять аулы и не забирать без разрешения из терского острога приехавших из Кабарды Мисоста и аманата. Хотя ни Муцал, ни Будачей не отказывались подчиняться царским указам, напротив, они проявляли готовность их выполнять, но часто действовали, не дожидаясь их. Терки находились далеко от Москвы, и ожидать нужных распоряжений приходилось слишком долго, а Муцал и Будачей нередко должны были принимать быстрые решения. Они предпочитали проявлять больше самостоятельности и независимости, чем полагалось царским слугам. Но это, в свою очередь, вызывало недовольство властей.

Другая причина заключалась в особых отношениях, которые связывали Муцала с Кабардой. Несмотря на то, что он жил рядом с Терским городом, у его брата Будадея были аулы в Кабарде, и по этой причине отношения с другими кабардинскими владельцами были для него очень важны. Он должен был суметь найти себе союзников среди них и одержать верх над своими противниками. Это было для Муцала не менее значимо, чем его положение в Терском городе.

Еще одна причина заключалась в том, что Муцал не только присутствовал на присяге кабардинских князей царю, но он и сам давал им клятву соблюдать данные им обязательства, например, обменивать одних аманатов на других. Для Муцала выполнение ее было настолько важным, что ради этого он мог забыть об обязанностях царского «холопа».

Список источников

Алоев 2019 – *Алоев Т.Х.* Ловушка двоемыслия (битва на Малке (1641 г.): историография и источники) // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. 2019. № 20 (44). С. 89–99.

Века совместной истории 2017 – *Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917)* / Составление, вступительная статья К.Ф. Дзамихова. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 544 с.

Кабардино-русские отношения 1957 – *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.* Документы и материалы в 2-х томах / Ред. Т. Х. Кумыков, Е. Н. Кушева. Т. 1. М.: Академия наук, 1957. 478 с.

Кожев 2018 – *Кожев З.А.* Битва на Малке (1641 г.): историография и источники // Вестник КБИГИ. 2018. Вып. 3. С. 32–37.

Народы Кабардино-Балкарии 2017 – *Народы Кабардино-Балкарии и Россия в политической истории Кавказа* (сер. XVI – первая половина XIX в.). Документы и материалы. Ч. 1 / Сост. К.Ф. Дзамихов. Нальчик: КБИГИ, 2017. 399 с.

Озова 2010 – *Озова Ф.А.* Причины и последствия сражения на реке Малке 12 июля 1641 г. // Вестник института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН. В. 17. Ч. I. Нальчик, 2010. С. 3–37.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Русско-дагестанские отношения 1958 – *Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в.* (Документы и материалы). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1958. 336 с.

Тхамокова 2023 – *Тхамокова И.Х. Город Терки и Кабарда (новые сведения о событиях 1639-1640 гг.)* // Вестник КБИГИ. 2023. № 3.

References

ALOEVA T.H. *Lovushka dvoemysliya (bitva na Malke (1641 g.): istoriografiya i istochniki)* [The trap of doublethink (the battle of Malka (1641): historiography and sources)]. IN: Vestnik nauki Adygejskogo respublikanskogo instituta gumanitarnyh issledovanij imeni T.M. Kerasheva. 2019. № 20 (44). Pp. 89–99. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-h tomah. [Kabardino-Russian relations in the XVI–XVIII centuries. Documents and materials in 2 volumes] / Red. T.H. Kumykov, E.N. Kusheva. T. 1. M.: Akademiya nauk, 1957. 478 p. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Bitva na Malke (1641 g.): istoriografiya i istochniki* [Battle of Malka (1641): historiography and sources] IN: Vestnik KBIGI. 2018. №. 3. Pp. 32–37. (In Russian)

Narody Kabardino-Balkarii i Rossiya v politicheskoy istorii Kavkaza (ser. XVI – pervaya polovina XIX v.). [The Peoples of Kabardino-Balkaria and Russia in the Political History of the Caucasus]. Dokumenty i materialy. CHast' 1 / Sost. K.F. Dzamihov. Nal'chik: KBIGI, 2017. 399 s.

OZOVA F.A. *Prichiny i posledstviya srazheniya na reke Malke 12 iyulya 1641 g.* [Causes and consequences of the battle on the river Malka July 12, 1641]. IN: Vestnik KBIGI. Vyp. 17 – 1, 2010. Pp. 3–37. (In Russian)

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].

Russko-dagestanskije otnosheniya XVII – pervoj chetverti XVIII v. (Dokumenty i materialy) [Russian-Dagestani relations of the XVII – the first quarter of the XVIII century (Documents and materials)]. Makhachkala: Dagkniгоizdat, 1958. 336 p. (In Russian)

ТХАМОКОВА И.Х. *Gorod Terki i Kabarda (novye svedeniya o sobyitiyah 1639–1640 gg.)* [Terki and Kabarda (new information on the events of 1639–1640)] // Vestnik KBIGI. 2023. № 3.

Veka sovmestnoj istorii: narody Kabardino-Balkarii v rossijskom civilizacionnom processe (1557–1917) [Centuries of joint history: the peoples of Kabardino-Balkaria in the Russian civilization process (1557–1917)] / Sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya K.F. Dzamihova. Nal'chik: Izdatel'skij otdel IGI KBNC RAN, 2017. 544 p. (In Russian)

Информация об авторе

И.Х. Тхамокова – кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник сектора этнологии и этнографии.

Information about the authors

I.Kh. Tkhamokova – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Department of Ethnology and Ethnography.

Статья поступила в редакцию 17.11.2023; одобрена после рецензирования 10.12.2023; принята к публикации 26.12.2023.

The article was submitted 17.11.2023; approved after reviewing 10.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья
УДК 93/94(470.64)
DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-18-26

**ПОСОЛЬСТВО КАЗИЕВОЙ КАБАРДЫ
В УЛУСЫ БОЛЬШОГО НОГАЯ ВЕСНОЙ 1640 г.**

Зурбек Анзорович Кожев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, zaurbek_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6507-2406>

© З.А. Кожев, 2023

Аннотация. Династические, дипломатические и социально-политические связи Кабарды и других черкесских княжеств с различными улусами Ногайской Орды имеют многовековую историю. Черкесско-ногайские отношения, берущие свое начало с эпохи проживания обоих народов в рамках единой империи Джучидов, после ее распада не прервались и получили импульс к дальнейшему развитию. В степном приграничье Кабарды в XVI-XVII в. интенсивность связей с отдельными улусами Ногайской Орды зачастую приобретала форму тесного социально-политического симбиоза. Частный случай дипломатической активности Алегуко Шогенукова и Хатокшоко Казиева –лидеров кабардинского княжеского дома Кайтукиных, организовавших весной 1640 г. посольство в улус мурзы Большого Ногай Салтанаша Аксакова, ярко иллюстрирует характер черкесско-ногайских отношений в середине XVII в. Политической целью посольства Кайтукиных было достижение союза с улусом Салтанаша Аксакова и прикрытие северных границ своих владений ногайскими федератами, которые должны были для этого откочевать «под Кабарду». Еще одним мотивом было использование военных ресурсов улуса Салтанаша Аксакова в обострившейся в Кабарде на рубеже 30-40-х годов XVII в. внутривосточной борьбе с конкурирующими княжескими домами Талостановых и Идаровых. Несмотря на дипломатические усилия Алегуко Шогенукова и Хатокшоко Казиева, ногайцы Салтанаша Аксакова оказались в числе противников Кайтукиных в битве на Малке в июле 1641 г. и вместе с ними потерпели сокрушительное поражение.

Ключевые слова: Казиева Кабарда, Большой Ногай, дипломатия, Хатокшоко Казиев, Алегуко Шогенуков, Салтанаш Аксаков

Для цитирования: Кожев З.А. Посольство Казиевой Кабарды в улусы Большого Ногай весной 1640 г. // Вестник КБИГИ. 2023. № 4 (59). С. 18–26. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-18-26

Original article

**EMBASSY OF KAZIEVA KABARDA
IN THE ULUSES OF BIG NOGAY IN THE SPRING OF 1640**

Zaurbek A. Kozhev

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, zaurbek_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6507-2406>

© Z.A. Kozhev, 2023

Abstract. Dynastic, diplomatic, and socio-political ties between Kabarda and other Circassian principalities with various uluses of the Nogai Horde have a centuries-old history. Circassian-Nogai relations, dating back to the era of residence of both peoples within the framework of the united Jochid empire, were not interrupted after its collapse and received an impetus for further development. By the steppe borders of Kabarda in the XVI-th–XVII-th centuries the intensity of connections with several uluses of the Nogai Horde often took the form of a close socio-political symbiosis. A particular case of the diplomatic activity of Aleguko Shogenukov and Khatokshoko Kaziev, the leaders of the Kabardian princely house of the Kaitukins, who have organized an embassy to the ulus of the Murza of Big Nogai Saltan-nasha Aksakov in the spring of 1640, clearly illustrates the nature of Circassian-Nogai relations in the middle of the XVII-th century. The political goal of the Kaitukin embassy was to create an alliance with the ulus of Saltanash Aksakov and secure the northern borders of their possessions with Nogai federates, who had to migrate for this purpose «to Kabarda». Another motive was the use of the military resources of the ulus of Saltanash Aksakov in the internal political struggle with the competing princely houses of the Talostanovs and Idarovs, which intensified at the turn of the 30-s and 40-s of the XVII-th century in Kabarda. Despite the diplomatic efforts of Aleguko Shogenukov and Khatokshoko Kaziev, the Nogais of Saltanash Aksakov were among the Kaytukins' opponents in the Battle on the Malka in July 1641 and together they suffered a crushing defeat.

Keywords: Kazieva Kabarda, Big Nogai, diplomacy, Khatokshoko Kaziev, Aleguko Shogenukov, Saltanash Aksakov

For citation: Kozhev Z.A. Embassy of Kazieva Kabarda in the Uluses of Big Nogai in the spring of 1640. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 4 (59): 18–26. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-18-26

Черкесские политии Северного Кавказа традиционно были тесно связаны с соседними кочевыми сообществами степного Предкавказья. Особенно интенсивными эти связи были в период сосуществования с ними в рамках единого государства Джучидов – Золотой Орды. Однако и после ее распада на ряд более или менее жизнеспособных государственно-политических образований, династические, дипломатические и социально-политические связи между ними были одним из важнейших факторов исторического процесса в регионе [Некрасов 1990]. В ряду прочих, черкесско-ногайские отношения отличались максимальной интенсивностью на протяжении всего доколониального периода истории региона до его поглощения Российской империей. Наиболее разработанной является тема взаимодействия Кабардинского княжества с различными улусами Ногайской Орды, особенно в контексте взаимоотношений народов Поволжья и Северного Кавказа с Русским государством [Белокуров 1889; Кушева 1963; Мальбахов, Дзамихов 1996; Дзамихов 2001; Дзамихов 2007 и др.]. Тем не менее, многообразие аспектов взаимоотношений черкесских политий с кочевыми сообществами степного фронта, несмотря на все достижения российской историографии, нуждается в дополнительных усилиях для освещения малоизученных вопросов.

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот малоизвестного архивного документа, касающегося дипломатической инициативы Алегуко Шогенукова и Хатокшоко Казиева – лидеров Кайтукинского удела Кабарды, организовавших весной 1640 г. посольство в один из улусов Большого Ногая. Документ, представляет собой «расспросные речи», т.е. протокол допроса в Астраханской приказной палате, ногайских перебежчиков, которые сообщили русским властям важные сведения о политических контактах представителей высшей кабардинской и ногайской элиты [Архив ИГИ КБНЦ РАН Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 20–22]. Анализ содержания «расспросных речей», на наш взгляд, ярко иллюстрирует целеполагание и практику дипломатии Иналидов Кабарды по отношению к соседним кочевым сообществам, а также отражает исторический контекст конкретной эпохи – рубежа 30–40-хх. XVII в.

18 мая 1640 г. в Астраханской приказной палате были записаны «расспросные речи» перебежчиков – ногайцев Тохтамыш Аллабердина и Теритая, главным

содержанием которых была подробная информация о переговорах лидеров так называемой «Казыевой Кабарды» (по имени предыдущего главы княжеского дома Кайтукиных Казы Пшеапшокова) с Салтанашем Аксаковым: «Ногайские татаровя Салтанаш-мурзина улусу Оксакова Токтамышко Аллабердеев да Теритойко, а отцу своему имени не упомнит, а в распросе показали: Как де [Большая] Ногайская орда от Астарахани откочевала, а они Токтамышко, откочевали вместе с ногайскими мурзами и кочевали все в Салтанашевых улусах, а в Астарахань де они ис Салтанашевых улусов убежали бегом и хотят жити в Астарахани, потому что у них в улусех племени никого нет. А как они поехали из Салтанашевых улусов и при них де приехал ис Кабарды к Салтанаш-мурзе Алегукин брат Атажучюка с племянником своим, с Алегукиным сыном, на договор, чтоб он, Салтанаш-мурза, с кабардинскими черкасы был в миру и кочевал бы под Кабардою (выделено нами – З.К.)» [Архив ИГИ КБНЦ РАН Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 20]. Вполне оценить политическое значение предложения кабардинских послов Салтанашу Аксакову, чтобы он со своим улусом «кочевал под Кабардою», позволяет то, что по данным ногайских информаторов, последний и так находился в максимальной географической близости от северных границ Кабардинского княжества: «...Салтанаш де мурза з братьею кочевал с улусы своими по Калаузу от Астарахани в осьми днищах, а от кабардинских черкас во днище (выделено нами – З.К.)» [Архив ИГИ КБНЦ РАН Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 22]. Речная долина Калауса практически примыкает к прикумским степям, которые вплоть до последней четверти XVIII в. были основными зимними пастбищами кабардинцев. Поэтому расстояние в один день пути – днище, что составляло даже для конного путешествия без форсированных маршей максимум 50 км., практически означало наличие минимальных возможностей для чисто пространственного сближения улуса Салтанаша Аксакова с Казыевой Кабардой. Краткий анализ исторического контекста и политической динамики в регионе позволяет лучше понять суть дипломатической миссии Алегуко Шогенукова, порученной им для реализации двоюродному брату-соправителю Хатокшоко Казиеву и одному из своих старших сыновей [КРО 1957а: 386; Налоева 2015: 5].

К 40-м годам XVII в. кабардино-ногайские отношения имели длительную и неоднозначную историю. Ногайская Орда – одна из первых наследниц Золотой Орды, мощно заявивших о себе, с середины XV в. играла выдающуюся политическую роль в Приуралье, Поволжье и на Северном Кавказе. Однако особенности ее политической системы, отсутствие в Ногайской Орде легитимной, с точки зрения степной традиции, ханской династии из числа чингизидов, препятствовали ее стабилизации и централизации [Трепавлов 2013]. Как и Кабарда, Ногайская Орда рано, с середины XVI в., попала в орбиту политического влияния Московского царства. Русско-крымское противоборство за ордынское наследство поляризовало и без того децентрализованную политическую систему Ногай и привела к его распаду на Большую и Малую Орды («Казыев улус»). Алгоритмы внутривнутриполитической динамики Кабардинского княжества и Ногайской Орды имели много общего. С середины XVI в. наметился долговременный тренд союзничества Малого Ногай с Кайтукиными, а Большого Ногай с Идаровыми. Дочь Пшеапшоко Кайтукина стала супругой правителя Малого Ногай Казыя Уракова, а средняя дочь Кемиргоко Идарова – Малхуруб Кемиргоковна, была выдана за Тинехмата – наследника князя Большой Орды Измаила [Кушева 1963: 236; Мальбахов, Дзамихов 1996: 140–145; Налоева 2015: 2]. И кабардинские князья и ногайские бии на протяжении всей второй половины XVI в. активно вовлекали своих родственников и союзников во внутривнутриполитические конфликты, которые ослабляли как Кабарду, так и Ногай [Мальбахов, Дзамихов 1996: 143–144]. Окончательно независимость и военное могущество ногайцев в Нижнем Поволжье уничтожили калмыки. Мощная миграционная волна объединения ойратских племен к началу XVII в.

докатилась до Северного Прикаспия и вызвала полномасштабный политический кризис в регионе. В 1613 г., спасаясь от калмыков, улусы Большого Ногая во главе с бием Иштереком – внуком Кемиргоко Идарова – сыном Тинехмата и Малхуруб Кемиргоковны, были вынуждены перекочевать на правый берег Волги [Мальбахов, Дзамихов 1996: 146–148]. Ослабленные поражениями от внешних врагов и внутренними неурядицами, улусы Большого Ногая, зажатые с одной стороны калмыками, с другой мурзами Малого Ногая, занимавшего степное Прикубанье, оказались в очень уязвимом положении. Перспективы сколько-нибудь независимого политического существования улусов Большого Ногая осложнились после того, как они оказались втянуты в феодальную войну между Кайтукиными и Талостановыми. В ноябре 1615 г. Шолох Тапсаруков и Карашай Шолохов «...собрався с кумыцкими с Будачеевым сыном Ерпельского с Маамет-мурзою и с нагайскими людьми с Каракел-Маамет-мурзою да с Ыштерековым сыном с Маамет-мурзою и с их улусными людьми, на черкаского на Казыя-мурзу Шапшукова (Кази Пшеапшокова – З.К.) войною приходили и ево Казыя, убили и братью ево и узденей многих людей побили и кабаки их выжгли» [КРО 1957а: 385–386, 406; Налоева 2015: 5]. Принимая участие в военной акции, организованной Талостановыми, Иштерек мстил Кази Пшеапшокову за убийство в 1600/1601 г. родных дядей с материнской стороны – Домануко и Мамстряка Кемиргоковых, но несмотря на тактическую победу, одержанную в коалиции с Шолохом Тапсаруковым, правитель Большого Ногая предельно обострил отношения с самым сильным феодальным уделом Кабарды, ослабив тем самым свое и без того шаткое внешнеполитическое положение [КРО 1957а: 385; Налоева 2015: 2]. В последующие десятилетия XVII в. агония Большого Ногая, как более или менее единого этнополитического образования, привела к тому, что даже степное Предкавказье перестало быть для ногайских улусов безопасным местом для кочевания. Подвергаясь политическому давлению со стороны Московского правительства и астраханских воевод, нападениям со стороны калмыков, конкурируя и соперничая между собой, улусы Большого и Малого Ногая все больше попадали в зависимость от Крымского ханства и черкесских политий. Эту ситуацию прекрасно иллюстрируют путевые заметки Эвлия Челеби, который дважды в 1641–1642 и в 1666–1667 гг. посетил Северный Кавказ, Поволжье и Подонье. Перечисляя известные ему ногайские этнополитические единицы Северного Кавказа, он практически всегда параллельно с упоминанием об их зависимости от крымских ханов, отмечает особые отношения симбиотического характера ногайских улусов с феодальными владениями Черкесии: «Эти черкесы шегаке (хегак – З.К.) кое-где составляют один народ с ногайцами племени чобан ... Народ эмира Навруза ... убили московского царевича, находившегося в стране, и, сражаясь с неверными калмыками, перешли реку Волгу и степь Хейхат, поселились на земле этих черкесов хатукай на берегу реки Кубани, взяв девиц у черкесов и породнившись с ними. Всего у них десять тысяч воинов и шесть тысяч кибиток ... Этот народ (ногайское племя деви – З.К.), бежав из страны Московской, переправился через Волгу, но на этом берегу, в степи Хейхат, не вынес притеснений ногай-татар и переправился на этот (т.е. левый – З.К.) берег реки Кубани, к черкесам. Ныне он мирно обитает среди гор, в окрестностях Адами и Болотокай (Адемий и Кемиргой – феодальные владения княжеского дома Болотоковых в Западной Черкесии – З.К.). Этот народ – ногаи, численностью 8 тысяч, отважный, могучий и справедливый...» [Эвлия Челеби 1979: 53, 64, 75]. От устья Кубани (Хегак) до правобережья Лабы (Кемиргой) ногайские улусы, покинувшие «степь Хейхат», то есть обширные равнины Предкавказья между Волгой, Доном и Кубанью, были вынуждены укрываться от калмыков за Кубанью, прикрываясь протекторатом Крымского ханства и Иналидов Черкесии, которые также были заинтересованы в использовании демографического и военного потенциала ногайцев. В период 1637–1642 гг. положение последних было особенно тяжелым,

так как Азов на пять лет перешел под контроль донских и запорожских казаков, которых с большим трудом, со второй попытки удалось выбить объединенными усилиями османских, крымских, ногайских и черкесских воинских контингентов [Эвлия Челеби 1979: 28–36, 39–41].

Поэтому, несмотря на традиционно сложные отношения Кайтукиных с улусами Большого Ногая, дипломатическая инициатива Алегуко Шогенукова и Хатокшоко Казиева выглядит абсолютно мотивировано. Точная датировка кабардинского посольства возможна благодаря показаниям ногайских перебежчиков. Их «расспросные речи» были записаны 18 мая, «...а как де они, Токтамышко, поехали ис Салтанашевых улусов тому ныне другая неделя» [Архив ИГИ КБНЦ РАН Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 20, 22]. По показаниям Тохтамышша Аллабердина и Теритая, проезд кабардинского посольства в Ногаи, произошел незадолго до их бегства в Астрахань («как они поехали из Салтанашевых улусов и при них»), т.е. в самом начале или первой декаде мая 1640 г. Очевидно, Алегуко Шогенуков и его сопроводитель Хатокшоко Казиев, используя затруднительное положение Салтанаша Аксакова, предложили ему нормализацию взаимоотношений и политическое покровительство: «И договор де они, кабардинские черкасы, учинили с ним, Салтанашем, на том: буде на него, Салтанаша, приедут войною из Астарахани государевы ратные люди или из Азова казаки, и им де, кабардинским мурзам, с кабардинскими черкасы и ево, Салтанаша, з братьею и улусных ево людей от воинских астраханских ратных людей и от азовских казаков оберегати и стояти им, кабардинским черкасом, вместе заодно, а ему, Салтанашу, *кочевати с улусы своими под Кабардою*» [Архив ИГИ КБНЦ РАН Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 20]. То, что формула «*кочевать с улусы своими под Кабардою*», помимо пространственного имела вполне реальное политическое измерение, иллюстрирует участие в кабардинском посольстве мурзы Малого Ногая Асланбека Каспулатова, давно интегрированного с Казиевой Кабардй: «Да при них же де приехал от князь Касаевых детей, от Салтан-мурзы з братьею, князь Касаев внук Арсланбек-мурза Каспулатов для договору ж, что ему Салтанашу, з братьею своею и *с улусы своими кочевати под Кабардою и с ними, казыевскими мурзы, вместе*. И он де, Салтанаш-мурза и ему Арсланбек-мурзе на том дал душу, что ему одноконечно *кочевати с ними, казыевскими мурзами, вместе под Кабардою, и конскими и животинными стадами ходити вместе с казыевскими табунами, и от воинских всяких людей оберегати заодно*. И подаря ево, Арсланбек-мурзу, отпустили опять к Касаю-князю. А как де он, Арсланбек-мурза, договорился с ним, Солтанашем з братьею, и с ним де Арсланбек-мурзою и покочевали Салтанашев брат Навруз-мурза Сарыисупов сын *с улусы своими под Кабарду* (выделено нами – *З.К.*)» [Архив ИГИ КБНЦ РАН Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 21]. Арсланбек Каспулатов хорошо известен синхронным письменным источником: «...Ногаец Арсланбек с пятнадцатю тысячами богатырей-ногаев выступил походом грабить и воевать подданных Москвы ... Тогда воины-калмыки прогнали его оттуда и заставили удалиться в степь Хейхат и переправиться на ту сторону великой реки Кубани. Затем заставили *пойти к беям Кабарды просить пощады* (выделено нами – *З.К.*). В это самое время Мухаммед-Гирей-хан (Мухаммед-Гирей IV, правил в Крыму дважды с перерывами (1641–1644, 1654–1666) – *З.К.*), будучи высокородным ханом, назначил эту крепость для Арсланбека и дал ему здесь прибежище. Ныне это неприступная в форме четырехугольника, деревянная красавица крепость на берегу реки Дженджек (т.е. Инджыдж или Зеленчук – *З.К.*)» [Эвлия Челеби 1979: 83–84].

Покровительство «*беев Кабарды*», а это были именно Алегуко Шогенуков и Хатокшоко Казиев, по описанию Эвлия Челеби, фактически спасло улус Арсланбека Каспулатова от разгрома и уничтожения: «...Преследуя его по пятам, пришли калмык-татары и потребовали от кабарты [выдачи этого] ногайца [Арсланбека]. Весь народ кабарты собрался в одно место и дал [калмыкам] решительный ответ:

«Татарин Арсланбек – птица, он обрел пристанище, придя на звуки нашего пения. Мы дали [ему] юрты, сделались братьями. И это племя ногай мы вам не отдадим» [Эвлия Челеби 1979: 87]. Объединение военных потенциалов Казиевой Кабарды и ногайцев Арсланбека позволило им через несколько лет, в январе 1644 г. нанести сокрушительное поражение калмыкам, которые потеряли в битве своего верховного правителя – Урлюка-гайшу и трех его сыновей [КРО 1957а: 242–244; Эвлия Челеби 1979: 87–88].

Предложение Алегуко Шогенукова и Хатокшоко Казиева не было пустым обещанием. Они уже много лет находились в состоянии конфронтации с русским правительством по поводу наследования выморочного имущества Кемиргоквичей – одного из прервавшихся в Кабарде линиджей княжеского дома Идаровых [Кожев 2020: 105–130; Озова 2020: 223–229]. Лидеры Кайтукиных в обострившейся внутривнутриполитической обстановке были кровно заинтересованы в том, чтобы перетянуть на свою сторону традиционных союзников Идарея. Предложение с их стороны Салтанашу Аксакову прочного мира и защиты «от воинских всяких людей», в том числе «астраханских ратных людей и от азовских казаков», было вполне реалистично и подкреплялось внушительным военно-политическим потенциалом, усиленным альянсом с улусами Малого Ногая. По данным ногайских перебежчиков, посольство Алегуко Шогенукова и Хатокшоко Казиева увенчалось полным успехом: «И верился де с ними Салтанаш-мурза душою своею прямо. А под Астарахань, де ему, Салтанаш-мурзе, с улусы своими никоими мерами идти кочевать нельзе (выделено нами – З.К.), потому что де он, Салтанаш-мурза, в те поры отдал в Крым крымскому царю Кейкуват Янмаметь-мурзина сына Бокай-мурзу да Чюбар Маметова сына. И он де, Салтанаш-мурза, опасается ево, Кейкувата и Чюбар Маметя, смертного убойства, потому что он от родства своего один» [Архив ИГИ КБНЦ РАН Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 21].

Понимая свою ответственность за сказанное и принципиальную важность для русских властей сообщаемых сведений, Тохтамыш Аллабердин и Теритай акцентировали внимание на надежности заключенного между соправителями Казиевой Кабарды и Салтанашем Аксаковым союза, тем более что царское правительство Михаила Романова (1613–1645) само предпринимало дипломатические усилия с тем, чтобы принудить ногайцев переселиться и «кочевать под Астараханью». Русское посольство князя Никифора Белосельского разминулось с кабардинским всего на два дня: «А приехали де они, кабардинские мурзы, к нему, Солтанашу, за 2 дни до князь Никифорова приезде ... А как де приехал к Салтанаш-мурзе князь Никифор Белосельский с государевым жаловальным словом, и Солтанаш де с ним, князь Никифором, о том договорился: будет де Кейкуват Янмаметь-мурзу и Чюбармаметь-мурзу и Би-мурзу Ищерекова, собрав их всех, и засадят в Астарахани в аманаты, и он, Салтанаш-мурза, хотел кочевать под Астарахань и с конскими стадами к Москве отпустить, да на том де он, Салтанаш-мурза и послов своих в Астарахань послал. А прямая де правда, что он, Салтанаш-мурза, послов своих посылает в Астарахань, для проводывания всяких вестей, что в Астарахани делается, а под Астараханью де ему, Салтанашу, отнюдь не кочевывать. А хотя де он Салтанаш-мурза, по своему договору с князь Никифором и объявь учинит, прикочует к Астарахани и возьмет государево жалованье, да и опять *откочует к Касаю-князю под Кабарду, потому что у него, Салтанаша, дана на том душа, что ему кочевати под Кабардою* (выделено нами – З.К.)» [Архив ИГИ КБНЦ РАН Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 20, 21–22].

Последовавшие через год с небольшим события не подтвердили сведений ногайских перебежчиков о надежности договора союза и покровительства между Казиевой Кабардой и улусом Салтанаша Аксакова. В период кульминации феодальной войны в Кабарде вокруг наследства Кемиргоквичей, в июле 1641 г., ногайцы Большой Орды оказались на стороне Келемета Кудинетова – предводителя

линиджа Канбулатовичей княжеского дома Идаровых. Отписка астраханского воеводы Н.Н. Одоевского «с товарищи» в Посольский приказ содержит подробный отчет о сборе войск и подготовке к походу против Казиевой Кабарды широкой коалиции союзников – Канбулатовичей, мурз Большого Ногай, Талостановых, Джиляхстановых, дагестанских владетелей, русских контингентов из Терского города: «По присылке де, государь Келмамет-мурзы Куденетовича Черкасского (выделено нами – З.К.) нагайские Солтанаш-мурза Аксаков, да брат ево Хорошай-мурза Чюбармамбетов, собрався с улусными своими людьми, ходили войною на кабардинских мурз на Алегука да на Атагожука и на казыевских мурз (Казыев улус или Малый Ногай – З.К.), а с ними де государь, было улусных их людей с 1000 з 200 человек» [Архив ИГИ КБНЦ РАН Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 149]. Трудно сказать, чем был вызван такой резкий переход Салтанаша Аксакова от союза с Алегукой Шогенуковым и Хатокшоко Казиевым до прямого участия в широко-масштабной войне на стороне их противников. Можно предположить, что давние династические связи с Идаровыми и особенно застарелая вражда с мурзами Малого Ногай, заставили Салтанаша Аксакова благосклонно откликнуться на приглашение («присылку») Келемета Кудинетова. Судя по контексту последующих событий, и пространственное сближение улуса Салтанаша Аксакова с Казиевой Кабардой к лету 1640 г. так и не было завершено, иначе он не смог бы мобилизоваться и принять участие в военной компании на стороне противников Алегуко Шогенукова и Хатокшоко Казиева. Большое (до 5200 кабардинских, дагестанских, ногайских всадников, конных стрельцов, казаков) союзное войско в июле 1641 г. вторглось во владения Казиевой Кабарды и закономерно первыми под его удар попали степные федераты Алегуко Шогенукова и Хатокшоко Казиева: «И как де, государь, ... пришли под Кабарду, и в то же время кочевали казыевские мурзы Солтан-мурза князь Касаев сын Исмаилов з братьею и с улусными своими людьми под Кабардою (выделено нами – З.К.) в урочище Ить-Алмас ... И твои де государевы ратные люди казыевские улусы многие поимали и конские и животинные стада отогнали» [Архив ИГИ КБНЦ РАН Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 149–150]. Однако основное сражение противоборствующих сторон на левом берегу Малки закончилось сокрушительным поражением и гибелью значительной части разношерстного коалиционного войска. Ногайским союзникам погибшего в сражении Келемета Кудинетова, в отличие от многих знатных воинов, улыбнулась удача, и они уцелели: «Да с того ж, государь, бою утекли ... Большого Ногаю Салтанаш-мурза Аксаков да Хорошай Чюбармамбетов ... с немногими людьми» [КРО 1957а: 205; Архив ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 150].

Таким образом, кабардинское посольство в начале мая 1640 г. в улусы Большого Ногай, можно рассматривать как пример пусть и неудачной, но традиционной для Иналидов Кабарды политики активного привлечения в степное приграничье своих владений ногайских мурз в качестве своеобразных кочевых федератов. Эта политика кабардинских князей, направленная на демографическое и экономическое освоение наиболее уязвимого для вражеских вторжений степного фронта, создание ресурсной базы и надежного прикрытия основному этнополитическому ядру княжества, сохранялась вплоть до конца фактической независимости Кабарды. Так еще в начале последней четверти XVIII в. – по рапорту астраханского губернатора И.В. Якоби от 19 декабря 1777 г., князя Большой Кабарды не только присваивали «места Кумы, Куры, Малк, Тумузлов, Бейвалу, Калаус и Залуку реки», но и активно их использовали: «В прошедшую весну больше 300 куралаевцев, перешедших с Кубани, поселилось на вершинах Бийвалы, которые также дают по требованиям кабардинских владельцев подать лошадьми и рогатым скотом» [КРО 1957б: 326].

Список источников

Архив ИГИ КБНЦ РАН – Архив Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук».

Белокуров 1889 – *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. М. Университетская типография, 1889. Вып. I. 1578–1613 гг. СХХIX; 715 с.

Дзамихов 2001 – *Дзамихов К.Ф.* Адыги в политике России на Кавказе. Нальчик: Эль-Фа, 2001. 410 с.

Дзамихов 2007 – *Дзамихов К.Ф.* Кабарда и Россия в политической истории Кавказа XVI–XVII вв. Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет, 2007. 326 с.

Кожев 2020 – *Кожев З. А.* Очерки военно-политической истории Черкесии XV–XVII вв. Нальчик: Принт Центр, 2020. 142 с.

КРО 1957а – *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.*: Документы и материалы в 2-х томах. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 478 с.

КРО 1957б – *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.*: Документы и материалы в 2-х томах. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 424 с.

Кушева 1963 – *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). М.: Издательство Академии Наук СССР, 1963. 372 с.

Налоева 2015 – *Налоева Е.Д.* Генеалогия кабардинских князей как исторический источник // Налоева Е.Д. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-экономической истории / Сост. А.С. Мирзоев. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. 371 с. (Приложение)

Некрасов 1990 – *Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М.: Наука, 1990. 124 с.

Мальбахов, Дзамихов 1996 – *Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф.* Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем, Крымским ханством (середина XVI – конец XVIII в.). Нальчик: Эльбрус, 1996. 352 с.

Озова 2020 – *Озова Ф.А.* Институт аманатства в черкесско-российских отношениях 1552–1829 гг. СПб: Общество с ограниченной ответственностью «Нестор-История». 2020. 632 с.

Трепавлов 2013 – *Трепавлов В.В.* «Орда самовольная». Кочевая империя Ногаев в XV–XVII вв. М.: Издательство «Квадрига», 2013, 224 с.

Челеби 1979 – *Челеби Эвлия.* Книга путешествия. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Вып. 2. М.: Наука, 1979. 288 с.

References

Arkhir IGI KBNTs RAN [Archive of the Institute for Humanitarian Research – a branch of the Federal State Budget Scientific Institution «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»].

BELOKUROV S.A. *Snosheniya Rossii s Kavkazom: Materialy, izvlechennyye iz Moskovskogo glavnogo arhiva Ministerstva inostrannykh del* [Relations between Russia and the Caucasus: Materials extracted from the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs]. M. University Printing House, 1889. Issue I. 1578–1613 – СХХIX; 715 p. (In Russian)

DZAMIKHOV K.F. *Adygi v politike Rossii na Kavkaze* [Adygi in the politics of Russia in the Caucasus]. Nalchik: El'-Fa, 2001. 410 p. (In Russian)

DZAMIKHOV K.F. *Kabarda i Rossiya v politicheskoi istorii Kavkaza XVI–XVII vv.* [Kabarda and Russia in the political history of the Caucasus of the 16th – 17th centuries.]. Nalchik: Kabardino-Balkarian State University, 2007. 326 p. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. [Kabardian-russian relations in the XVI–XVIII centuries]: Documents and materials in 2 volumes. Vol. I. Moscow: Publishing house of the AS USSR, 1957. 478 p. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. [Kabardian-russian relations in the XVI–XVIII centuries]: Documents and materials in 2 volumes. Vol. II. Moscow: Publishing house of the AS USSR, 1957. 424 p. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Ocherki voenno-politicheskoi istorii Cherkessii XV–XVII vv.* [Essays on the military and political history of Chircassia in the XV–XVII centuries]. Nalchik: Print Center, 2020. 142 p. (In Russian)

KUSHEVA E. N. *Narody Severnogo Kavkaza i ikh svyazi s Rossiei (vtoraya polovina XVI – 30-e gody XVII veka)* [The peoples of the North Caucasus and their ties with Russia (second half of the XVI – 30s of the XVII century)]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1963. 372 p. (In Russian)

NALOEVA E.D. *Genealogiya kabardinskikh knyazei kak istoricheskii istochnik* [The genealogy of the Kabardian princes as a historical source (An album of 14 genealogical maps)]. IN: NALOEVA E.D. *Kabarda v pervoi polovine XVIII veka: genezis adygskogo feodal'nogo sotsiuma i problemy sotsial'no-ekonomicheskoi istorii* / Sost. A.S. Mirzoev [Kabarda in the first half of the 18th century: the genesis of the Adyghe feudal society and the problems of socioeconomic history. Compiled by A.S. Mirzoev]. Nalchik: Pechatny Dvor Ltd., 2015. 371 p. (Prilozhenie) (In Russian)

NEKRASOV A.M. *Mezhdunarodnye otnosheniya i narody Zapadnogo Kavkaza (poslednjaja chetvert' XV – pervaja polovina XVI v.)* [International relations and peoples of the Western Caucasus (last quarter of the 15th – first half of the 16th century)]. M.: Nauka, 1990. 124 p. (In Russian)

MAL'BAKHOV B.K., DZAMIKHOV K.F. *Kabarda vo vzaimootnosheniyakh Rossii s Kavkazom, Povolzh'em, Krymskim khanstvom (seredina XVI – konets XVIII v.)* [Kabarda in relations between Russia and the Caucasus, the Volga region, the Crimean Khanate (mid-16th-late 18th centuries)]. Nalchik: El'brus, 1996. 352 p. (In Russian)

OZOVA F.A. *Institut amanatstva v cherkessko-rossijskikh otnoshenijah 1552–1829 gg.* [Institute of amanats in Circassian-Russian relations 1552–1829]. St. Petersburg: Limited Liability Company «Nestor-History». 2020. 632 p. (In Russian)

TREPAVLOV V.V. «*Orda samovol'naja*». *Kochevaja imperija Nogaev v XV–XVII vv.* [«The horde is unauthorized». Nomadic empire of the Nogais in the XV–XVII centuries]. M.: Publishing house «Quadriga», 2013, 224 p. (In Russian)

CHELEBI, EVLIYA. *Kniga puteshestviya. Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya i Podon'ya. Vyp. 2* [Travel book. The lands of the North Caucasus, Volga and Don region. Issue 2]. Moscow: Nauka, 1979. 288 p. (In Russian)

Информация об авторе

З.А. Кожев – кандидат исторических наук, зав. сектором средневековой и новой истории.

Information about the author

Z.A. Kozhev – Candidate of Science (History), Head of the Sector of Medieval and Modern History.

Статья поступила в редакцию 18.11.2023; одобрена после рецензирования 17.12.2023; принята к публикации 26.12.2023.

The article was submitted 18.11.2023; approved after reviewing 17.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья

УДК 94 (470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-27-39

**«И ПОД СЕНЬЮ ОТЦОВСКОЙ НАДЕЖНОЙ РУКИ...»:
ЗАМЕТКИ К РАННЕЙ БИОГРАФИИ БЕСЛАНОКО АСЛАНГИРЕЯ**

Тимур Хазраилович Алоев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, aloevtim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© Т.Х. Алоев, 2023

Аннотация. Просопография хаджретских лидеров состоит из нескольких фигур первого ряда. Среди них особое место занимает князьBesланoko Аслангирей. Хотя выдающихся представителей хаджретского движения, как правило, объединяет общий рисунок судьбы, связанный с защитой Отечества, оставлением родных очагов, переселением на левобережье Кубани и последующим участием в черкесском Сопротивлении, жизненный путь героя настоящего очерка отмечен рядом уникальных особенностей. В первую очередь это касается раннего, почти детского возраста вступления князя на стезю, имевшую явственное социальное измерение. Это обстоятельство во многом обусловило сосредоточенность работы на ранней биографии Аслангирея. Фокусированность на периоде жизни, начинающемся с вступления героя в пору взросления, предопределила внимание, уделяемое в тексте отцу протагониста – одному из виднейших политических деятелей Кабарды рассматриваемого времени Besланoko Асланбеку. Анализ широкого круга источников и исторической литературы удостоверяет в наличии определяющего влияния, которое оказывал последний на жизненную траекторию сына на начальном этапе его деятельности.

Ключевые слова: XIX век, Besланoko Асланбек, Besланoko Аслангирей, хаджреты, Кавказская линия, переселение, военные действия, противостояние, Кабарда, военное командование

Для цитирования: Алоев Т.Х. «И под сенью Отцовской надежной руки...»: заметки к ранней биографии Besланoko Аслангирея // Вестник КБИГИ. 2023. № 4 (59). С. 27–39. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-27-39

Original article

**“AND UNDER THE SHADOW OF THE FATHER’S RELIABLE HAND...”:
NOTES ON THE EARLY BIOGRAPHY OF BESLANOKO ASLANGIREY**

Timur Kh. Aloyev

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, aloevtim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© T.Kh. Aloyev, 2023

Abstract. The prosopography of the Hajri leaders consists of several figures in the first row. Among them, Prince Beslanoko Aslangirey occupies a special place. Although

outstanding representatives of the Hajret movement, as a rule, are united by a common pattern of fate associated with the defense of the Fatherland, abandonment of their homes, resettlement on the left bank of the Kuban and subsequent participation in the Circassian Resistance, the life path of the hero of this essay is marked by a number of unique features. First of all, this concerns the early, almost childhood age of the prince's entry into a path that had a clear social dimension. This circumstance largely determined the focus of the work on the early biography of Aslangirey. The focus on the period of life, beginning with the hero's entry into adulthood, predetermined the attention paid in the text to the protagonist's father, one of the most prominent political figures in Kabarda at the time in question, Beslanoko Aslanbek. An analysis of a wide range of sources and historical literature confirms the presence of a decisive influence that the latter had on the life trajectory of his son at the initial stage of his activity.

Keywords: 19th century, Beslanoko Aslanbek, Beslanoko Aslangirey, Khajrets, Caucasian line, resettlement, military operations, confrontation, Kabarda, military command

For citation: Alov T.Kh. "And under the shadow of the Father's reliable hand...": notes to the early biography of Beslanoko Aslangirey. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 4 (59): 27–39. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-27-39

В отличие от метафорического смысла, придаваемого автором строке, вынесенной в заголовок, здесь «отцовская надежная рука» трактуется в прямом значении. Очевидным образом к этому подвигает то обстоятельство, что в становлении исторической репутации заглавного героя настоящего текста, особенно на начальном этапе его биографии, определяющую роль сыграл его отец – князь Бесланoko Асланбек. Достоинo внимания то обстоятельство, что Бесланoko Аслангирей оказался в поле зрения царского командования, когда тот только вступил в отроческие года. И случилось это в связи с интересом, проявленным к его родителю. Впервые имя Аслангирея появляется в «именном списке кабардинским узденям раздельно каким владельцам принадлежат» – сводном документе, составленном по итогам продолжительной агентурной работы российского командования в регионе. Составлен он в Екатеринограде и датируется 31-м декабря 1821 г. Примечательно, что на следующий день из этой локации в неподконтрольную имперским властям центральную Кабарду вступила первая (из трех) группировка российских войск в рамках кампании по (как предполагалось) военному подавлению сопротивления ведущего восточнoчеркесского княжества. В документе, подготовленном, судя по всему, по инициативе командующего Кавказской линией генерал-майора Сталя, отмечается, что патриарх черкесской политики князь Бесланoko Асланбек «имеет большое влияние на кабардинцев, возмущает их против России. Сыновья его: Едик, Пшемахо, Ельбаздуко и Аслангирей – из коих первые двое разбойничают, а последние по молодости лет еще не шалят» [Кармов 2017: 24]. Примечательно, что у российских агентов участие несовершеннолетних отпрысков княжеской фамилии в будущих «разбоях» не вызывало сомнений. И действительно наступивший год, ставший переломным в истории Большой Кабарды (ретроспективно понятно, что, и всей Черкесии) ускорил военный дебют юного отпрыска дома Бесланoko. Согласно источникам, в год массовой эвакуации кабардинцев на кубанское левобережье «Аслан-Гирею было от роду только двенадцать лет» [Торнау 1999: 254]. Однако, несмотря на столь нежные лета он «уже дрался с русскими возле своего отца и обращал на себя внимание кабардинцев своею редкою смелостью» [Торнау 1999: 254].

Чтобы вернее судить об обстоятельствах, предопределивших преждевременное, даже с учетом социального статуса, вступление княжича на несвойственную его возрасту и полную опасностей стезю, целесообразно составить, некоторое представление о роли его семейства в разворачивавшихся в это время в стране драматических перипетиях. Как следует из вышеприведенного документа отцом будущего героя был человек, влияния которого хватало на то, чтобы возмущать жителей Большой Кабарды против России. Другие источники подтверждают, что

к этому времени Бесланко Асланбек предстает не просто влиятельной, но «первенствующей между мятежниками» [Потто 1904: 49] политической фигурой в княжестве. Принимая во внимание, что за многие десятилетия князь (которому тогда было за восемьдесят) снискал репутацию последовательного противника имперского продвижения в стране, было ожидаемо, что и в условиях масштабной эскалации российско-черкесского противостояния он, скорее всего, не изменит своему реноме. Но в отличие от предыдущих кампаний, к 1822 г. он стал наиболее заметным антироссийским политиком. Это обстоятельство выступает важнейшим фактором, обусловившим общий социальный климат, в условиях которого происходила последующая социализация молодого Аслангирея. Ввиду этого представляется необходимым пунктирно прочертить значимые события, в которых его сородичи (отец и братья) принимали самое активное участие и чьи последствия зримо отражались на его семье, а значит, непосредственно влияли на становление героя настоящего текста.

В вышеприведенном агентурном описании князь Асланбек, по-видимому, значился с начала составления документа (на что ушло, по меньшей мере, несколько месяцев). Он там и остался фигурантом первостепенной значимости. Между тем за две недели до окончательного оформления материала князь дал повод к упоминанию имперскими структурами не просто в статусе «возмутителя», но и вполне открытого врага. 15 декабря 1821 г. отряд российских войск под командованием майора Курило, атаковал «сидевшие» на Куме абазинские села. «Аулы уже пылали, когда на помощь к абазинцам прискакала сильная кабардинская конница, предводимая старым князем [Бесланко Асланбеком]. Она пыталась отрезать отряду отступление, но встреченная огнем тенгинцев, была рассеяна, и сам [Бесланко Асланбек] получил тяжелую рану», – отмечается в источнике [Потто 1904: 40]. Как указано здесь, российская сторона в бою потеряла 16 человек убитыми и ранеными. Несмотря на почтенный возраст, имперский антагонист был в седле буквально через пару месяцев и уже с марта влился в ряды Сопrotивления, координируя свои действия с Хатокшоко Таусултаном (оперировавшим в районе Беломечетки) и Хатокшоко Джамбулатом (атаковавшим окрестности Круглолесского). Князь «отправил своего сына Эдыга в Ставропольский уезд с сорока кабардинцами, и партия эта, прорвавшись до самых Маджар, в 114-ти верстах за Георгиевском», 24-го марта ударила по Прасковее [Потто 1904: 49].

«Пока все это происходило вне [центральной] Кабарды, партия самого [Бесланко Асланбека], разделившись на части, грабила и била тех кабардинцев, которые переселялись на плоскость (тем самым подчиняясь имперским требованиям – Т.А.). В немирной Кабарде открыто говорилось, что как только русския войска уйдут (о постоянном пребывании же их в кабардинских землях никто не допускал и мысли), – то с переселенцами будет поступлено, как с изменниками народному делу» [Потто 1904: 50]. Очевидно, что прерогатива формулировки подобных установок имела лишь у лидеров Сопrotивления. Будучи сыном одного из них, можно сказать *primus inter pares* их «синклита» Аслангирей оказался, так или иначе, в средоточии выработки задач общенационального значения. Проблема форсированной эскалации противостояния с внешним врагом и стремительное приближение к социальной бифуркации в привычной для него аристократической среде, вероятно, нашли определенное отражение в сознании «двенадцатилетнего» Аслангирея, в это время, как выше отмечено, «дравшегося с русскими возле своего отца». Однако, не менее очевидно, что и о «взрослом» восприятии драматизма наблюдавшихся пертурбаций говорить было бы натяжкой. По-видимому, возраст диктовал свои приоритеты: в этот период аристократическая молодежь увлекалась «руководителями крупных шаек, которые появлялись на больших дорогах» – Хатокшоко Таусултаном и Касай Исмаилом. Как отмечается в российском источнике «Пример их пагубно влиял на молодежь, склонную и без того к наезднической

жизни, воспеваемой их старыми бардами» [Потто 1904: 33]. Принимая в расчет, что и Эдиг – старший родной брат Аслангирея не отставал от первых наездников Кабарды, несложно представить в какую сторону были обращены юношеские устремления. Однако через считанные дни они были, возможно, чувствительно поколеблены.

Один из крупных российских отрядов, оперировавших в центральной Кабарде, в начале апреля двинулся к поселениям на реке Нальчик и занял села «Шаупцова» (ЩауэпцІей) и «Кондорова» (Къандурей). «Недалеко отсюда в ауле князя Касбулата Канчукова (Кильчуко, Къесынхъэблэ – Т.А.) происходило общее народное собрание кабардинцев. Коцарев 4-го апреля внезапно двинулся к месту этого сборища, которое едва успело разсеяться, но аул... был занят и истреблен после горячей перестрелки». Касаясь результатов этого столкновения В. Потто отмечал, что «кабардинцы потеряли при этом только 15 человек, но в том числе находились: ...и оба сына [Бесланок Асланбека], Тембот (?) и Эдыг, – последний смертельно» [Потто 1904: 50]. Нет никаких свидетельств того как эта потеря отразилась на подростке. Но можно предположить, что вкупе с потрясениями, постигшими тогда жителей Кабарды: растянувшейся до зимы чередой кровопролитных сражений, жестокими испытаниями, выпавшими на долю массы обездоленных людей в «запертом» пяточке между горами и рассекавшими по равнине неприятельскими отрядами, самим ходом эвакуации, когда преследовавшие переселенцев российские войска «могли видеть спасающиеся семейства кабардинцев и угоняемые стада» [Потто 1994: 373] не могли не отразиться на представлениях юноши. Очевидно, что подобные впечатления могли только ускорить окончательное закрепление в сознании вступившего в пору взросления молодого человека оппозиции «друг-враг» в соотношении с данной в ощущениях реальностью. Однако первые уроки прагматики политического поведения он мог почерпнуть из образа действий его отца в крайне напряженных обстоятельствах, сопутствовавших переселению и последующему следованию хаджретской Альтернативе. Имеются основания полагать, что эвакуация клана Бесланок на кубанское левобережье прошла не совсем благополучно. Это касается как перевода «вотчины» в целостности на новую локацию, так и ее транспортной досягаемости со стороны Линии. Этими обстоятельствами можно объяснить то, что вскоре после переселения отец Аслангирея входил в определенные отношения с имперским командованием. Перезимовав «с семейством и подвластными своими в карачаевских владениях» в середине апреля 1823 г. Бесланок Асланбек стал, судя по контексту сообщения, если не с разрешения, то с ведома российского командования, «поселятся со своими кабардинцами между речек Зеленчуков и Урупа» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 27. Л. 96]. О том, что он перешел от радикального противодействия к тактике лавирования может свидетельствовать и его позиция, артикулированная в условиях прорыва черкесской конницей Болотоко Джамбулата имперской Линии, увенчавшегося разгромом станицы Круглолесской. Видимо, с целью зондирования намерений Бесланок, за несколько дней до атаки к нему был направлен нарочный. 11 мая 1823 г. до командующего Линией было доведено, что посыльный «слышал от владельца [Бесланок Асланбека], что все нагайцы и кабардинцы поселившиеся на речках Зеленчуках согласясь не пропускать означенное хищническое собрание к границам нашим чрез свои селения послали нарочитых (нарочных. – Т.А.) объявить им, дабы они проходить чрез жилища их не осмеливались, а в противном случае они непременно употребят против их оружие со стороны России» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 27. Л. 96]. Эти сведения можно интерпретировать по-разному; и как попытку дезинформировать обеспокоенного сбором черкесских сил командования на Линии, либо же, как тайный сговор с ним, и, соответственно, проявление ренегатства в отношении своих соотечественников. Принимая во внимание долготлетние предпочтения князя и неизменный авторитет, которым он не переставал

пользовался последнее маловероятно. Ближе к истине будет некая промежуточная версия, обоснование которой потребует дополнительной верификации. Такая процедура в контексте задач настоящего текста была бы избыточной. Здесь лишь следует обратить внимание на то, что в 1823/25 гг. террор в отношении раздражавших своей непреклонностью и влиятельностью на кубанском левобережье кабардинских хаджретов стал *idea fix* для высших чинов российской армии в регионе. В этих условиях попытки если не умиротворения, то, по крайней мере, поиск возможностей для нахождения ситуативного *modus vivendi* с источником экзистенциальной угрозы становился насущной необходимостью актуальной политики. И, видимо, Бесланко Асланбек, в самый сложный, первый период после переселения с этой задачей справился. Не вдаваясь в драматичные пертурбации, в эпицентре которых не единожды в этот период оказывался князь, отметим лишь, что своих отпрысков он не особо ограждал от рисков вовлечения в политические перипетии. Несмотря на разного рода тактические маневры Бесланко изобличался в том, что «по большим связям с закубанцами и даже с анапским пашею, никогда не возвратится в [центральную] Кабарду» [Потто 1904: 189] и имея «намерение увлечь за Кубань кабардинцев» поручал такую нетривиальную задачу своим сыновьям. Так, источник сообщает, что на излете предельно напряженной военной кампании 1824 г. «Дознано было, что многия знатнейшия кабардинския фамилии: [Кундет, Тамби(й)] и другия имели сношение с сыновьями и племянниками [Бесланко Асланбека], приезжавшими в [центральную] Кабарду для разбоев» [Потто 1904: 189].

Об этом факте было доведено до генерал-майора Вельяминова. Адресуясь в «Кабардинский временный суд» последний выражал недовольство действиями и суда, и поведением тлекотлешей Тамби(й) и Кундет, имевших сношения с «изменником» Бесланко Асланбеком. Отдельный укор касался того, что «встретив хищническую партию подлых кабардинских беглецов» по ним не был открыт огонь [Грабовский 2008: 156]. Не вдаваясь во всю канву генеральских «обличений» стоит обратить внимание на один мотив, вызвавший резкую отповедь военачальника. Связан он с тем, что Кундет Хатокшуко виделся с сыном Бесланко Асланбека «тайно». «Суд оправдывает его в сем поступке молодостью лет, – пишет в связи с этим генерал, и продолжает – Может быть, в летах совершенных и с рассудком более зрелым он сего не сделал бы. Но если молодость [Хатокшуко] сколько-нибудь его оправдывает, то весьма многих сильно обвиняет. [Хатокшуко], будучи еще детских лет, конечно, не имел бы понятия о тайных свиданиях, если бы примеры старших его тому не научили» [Грабовский 2008: 156–157]. Принимая во внимание возрастные особенности фигурантов диатрибы Вельяминова несложно предположить, что контрагентом молодого Кундета был Бесланко Аслангирей.

В контексте столь деятельного участия клана Бесланко в разворачивавшихся событиях, не будет преувеличением полагать, что и в последовавшем чрезвычайно напряженном году, его члены были далеко не пассивны. Однако ограниченность источников на данном этапе не позволяет предметно рассуждать об участии братьев Пшемахо, Аслангирея и их отца Асланбека в российско-черкесской кампании 1825 г. Лишь спустя несколько лет, уже в контексте российско-османской войны появляются сведения, в которых с высокой долей вероятности упомянут Бесланко Аслангирей. Речь идет о черкесских потерях при разгроме Незлобной в июне 1828 г. В.А. Потто, в частности, писал, что за разорение этой станицы неприятель заплатил своими лучшими наездниками: «Здесь были убиты кабардинские князья: Султан-Аслан-Гирей, Аслан Росламбек и Дженгот Аша; тяжело ранен Гаджи-Мурзабек-Хамурзин и другие» [Потто 1994: 302]. Показательно, что и Жанхот Аша и Хамурза Мурзабек являлись представителями довольно разросшейся к этому времени княжеской фамилии Кайтуко. Клан Бесланко также является ответвлением этого рода. Это обстоятельство повышает вероятность того, что и

первые два фигуранта сообщения приходится им родственниками. Не вдаваясь в перечисление и других доводов, отметим только, что среди кабардинских князей этого времени не было другого Аслангирея кроме Бесланого. Утверждение же о фатальном для «Султан-Аслан-Гирея» исходе сражения объясняется банальной ошибкой лазутчиков доставивших подобную информацию. Российское командование нередко получало недостоверные сведения подобного рода. К примеру, хаджретский наездник Шоген Жирандуко, был признан погибшим еще в 1837 г. [РГВИА. Ф. 15264. Оп. 1. Д. 33. Л. 3]. Однако, как известно, он еще на протяжении более чем двух десятилетий находился на переднем крае борьбы с имперскими силами. Косвенным подтверждением того, что клан Бесланого был вовлечен в военные перипетии периода российско-османской войны, и его члены оправдали реноме последовательных противников имперского продвижения стало то, что именно Бесланого Асланбеку было доверено ведение очередных (с 1824 г.) переговоров с российским генералитетом в марте 1829 г. Дипломатическая миссия не увенчалась успехом. Граф Паскевич не признал возможным «входить в соглашения с какими-то беглыми кабардинцами» и в свою очередь выдвинул невыполнимые условия [Томкеев 1898: 135]. Как резюмировал исход этих контактов Потто, хаджреты «предпочли открытую вражду с нами» [АКАК. Т.VIII. 1881. С. 339]. Однако последовавшая спустя несколько месяцев радикальная смена международно-правового режима привнесла свои коррективы в региональную политическую динамику. Вероятно, после подписания Адрианопольского трактата в сентябре 1829 г. Бесланого Асланбек, в очередной раз, договорившись с российским командованием, поселился со своими шестью селами на Урупе. В военном противостоянии на некоторое время наступило относительное затишье. Однако вскоре имперское командование взяло инициативу в свои руки. Фельдмаршал Паскевич следующим образом охарактеризовал российскую политику: «До того времени, имея войны с Персией и Турцией, мы не делали никаких предприятий против горцев и снисходительная политика сия удалась нам в полной мере, ибо горцы во все то время оставались спокойными. В истекшем 1830 г. мы переменили образ действий наших и атаковали их во многих пунктах; сие заставило их понять настоящие намерения наши и с своей стороны вооружиться почти повсеместно» [ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 3. Д. 1. Л. 47].

И все же, к концу 1830 г. одни из главных носителей военного потенциала Западной Черкесии – абадзехи и натухайцы воздерживались от открытой войны с Россией. К исходу ноября уже и наиболее авторитетный кяхский военный лидер – Болотоко Джамбулат относился к присягнувшим «на верноподданство России». В это время российскому правительству присягали также князья черченейского и жанеевского владений [АКАК. Т.VII. 1878. С. 898–899]. На этом фоне геополитическое положение хаджретской Кабарды серьезно осложнилось. По сути, она в этот период составила второй, наряду с Шапсугией, очаг сопротивления на кубанском левобережье. При этом и та часть закубанских кабардинцев (локализованная в бассейне р. Уруп), которая находилась в положении «замирившейся» с российским командованием общности, проводила политику латентной поддержки военных акций остальных хаджретов. Об этом свидетельствует участие находившегося «под поручительством», а фактически перешедшего под сюзеренитет князей Бесланого талостанеевского уорка Боташ Магометмирзы в рейде на Ерсаконское укрепление 15 ноября 1830 г. [ЦГА КБР. Ф. 1209. Оп. 3. Д. 1. Л. 50–55]. Такое заключение вытекает и из образа действий сына старшего князя «урупских» кабардинцев – Бесланого Аслангирея во время преследования русскими войсками отступавших черкесов. Тогда, предводительствуя отрядом из двадцати кабардинских уорков, он подошел к месту боя. Однако, по раздраженным отзывам русских офицеров, князь Аслангирей «отказался содействовать поражению партии черкесов и оставался простым зрителем» [Томкеев 1899: 191].

В связи с этим представляются любопытными позиция и характер действий, которые демонстрировал в рассматриваемый период Аслангирей. В документе, датированном январем 1831 г., зафиксированы четыре случая его участия в рейдах на Линию и нападениях на солдат и казаков [ЦГА КБР. Ф.Р-1209. Оп. 3. Д. 1. Л. 50–55]. В них он принимал участие, будучи жителем (и владельцем) одного из шести сел, принадлежавших его отцу – Асланбеку. По-видимому, статус «замирившегося» князя диктовал ему необходимость проявлять особую скрытность при участии в набегах, дабы не навлечь удара на вотчину своего отца. Косвенным свидетельством того, что почти до конца 1830 г. ему удавалось оставаться незамеченным российским командованием на Линии, была его «нейтральность» в бою 15-го ноября. Только уверенность в том, что в Прочном Окопе не знают о его «подпольной» деятельности и стремление отвести угрозу от родовых аулов удержало князя Аслангирея от присоединения к хаджретам 15-го ноября 1830 года. Ногайцы и казаки не могли не заметить, что «нейтральность» Аслангирея носила выраженный враждебный характер и в источнике, он, и его сподвижники именуется как «лица, явно сочувствовавшие тогда хищникам...» [Томкеев 1899: 219].

В целом, в 1830 г. действия хаджретов против Линии носили систематический характер и имели весьма большой территориальный охват. Об этом свидетельствует «именной список закубанских владельцев и узденей участвовавших в разных злодеяниях». Не вдаваясь в перечисление всех зафиксированных в нем нападений, и их участников приведем лишь те из них, в которых принимал участие герой настоящего очерка. Так, здесь отмечается, что князь Аслангирей и Кайтуко Тембот предводительствовали при одном из нападений на Бабуковскую станицу. В списке упоминается, что жертвой его отряда стала семья «хоперскаго казачьего полка майора Соколова». Под его водительством примерно в это время был атакован «форштат» Темнолесской крепости, где было взято 4 солдата и 10 лошадей. Командование обладало сведениями, что князь отместился и при пленении пятерых казаков в Георгиевском укреплении. Спустя некоторое время объектом атаки со стороны отряда, участником которого был Аслангирей, стала находившаяся в сотне километров отсюда Боргустанская станица. Отгон всего ее табуна, несомненно, был болезненным ударом для казаков, лишившихся этим возможности полноценного исполнения боевых задач в борьбе с высокоомобильными хаджретами. Практически в каждом из этих акций князя сопровождали уорки Кундет Умаркой, Жанситуко Увжуко и Маргуш Умар [ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 3. Д. 1. Л. 50–55].

Как выше отмечалось, вышеуказанные события происходили до конца января 1831 г. Примечательно, что составление этого документа совпало с инициированием Бесланко Асланбеком (вместе с Касай Исмаилом) еще одного дипломатического шага. В своем послании к Емануелю «в качестве необходимого условия своего замирения и поселения в одном районе они выставили возвращение беглых холопов» [Хотко 2015: 11]. Однако, российское командование к этому времени не намеревалось идти на какую-либо уступку. В контексте такой активности хаджретов и бескомпромиссной позиции российского командования имеет смысл обратиться к военной мощи сосредоточенной российской стороной на востоке кубанского бассейна. Согласно источникам, к апрелю 1831 г. она располагала более 15 батальонами пехоты и 54 сотнями с 216 орудиями полевой и гарнизонной артиллерии (около 16 тысяч человек) [Томкеев 1899: 203]. Такие ресурсы подкрепляли уверенность военачальников в возможности не только купировать все угрозы, исходящие из-за Кубани, но и проводить наступательные операции южнее этой водной преграды. Так, вслед за ноябрьским боем последовало распоряжение И.Ф. Паскевича генералу Емануелю о «наказании бесленеевцев..., а также кабардинских аулов расположенных на верховьях р. Бол. Тегинь (Большая Тегинь. – Т.А.), не оказавших нам поддержки...» Наряду с захватом ногайских князей Карамурзиных планировалось, что восьмисотенный отряд с 2 орудиями должен будет

арестовать уже «изобличенного» князя Аслангирея «и старшин кабардинских аулов, силою переселить всех жителей с семействами в Ставрополь, и держать их под крепким караулом до мая месяца» [Томкеев 1899: 192].

К середине февраля 1831 г. в районе станицы Беломечетской был сосредоточен отряд, состоявший из 816 штыков и сабель с четырьмя орудиями. Под начальством генерал-майора Ралля он должен был совершить экспедицию к рекам Большая и Малая Тегинь и «наказать мирные кабардинские аулы за неокказание нам (российским войскам. – Т.А.) содействия в деле 15-го ноября 1830 года» [Томкеев 1899: 219]. Проводником отряда выступил, как это не выглядит странно, князь Бесланко Аслангирей. Тем самым он поставил себя в довольно двусмысленное положение. С одной стороны, князь, понимая, что после событий 15 ноября находится под подозрением у российских военных властей, решается на появление в расположении царских войск, которые должны действовать в частности и против аулов его отца. С другой – командование на Линии, обладая сведениями об участии князя в антиросийских акциях (по крайней мере, с 31 января 1831 г.), не арестовывает его. По всей видимости, было признано более целесообразным, использовать князя как проводника и тем самым скомпрометировать участием в античеркесской акции, внося раскол в единство хаджретов. В сущности, Аслангирей ходил тогда «по острию лезвия», рискуя поплатиться жизнью за малейшую ошибку. Из этой щекотливой ситуации кабардинский князь вышел весьма достойно. В источнике отмечается, что он с одним из своих уорков, «желая спасти от погрома аулы Росланбека Бересланова (Бесланко Асланбека – отца Аслангирея. – Т.А.)... убедили Ралля, что при весьма значительном населении, обитавшем на этих реках, и трудности найти в нем виновные аулы, могут пострадать совершенно невинные и вполне преданные нам (российским властям. – Т.А.) жители». Поэтому, якобы генерал, не признал возможным продолжать дальнейшее наступление, 14 февраля повернул назад и, по прибытии к Беломечетской, распустил отряд» [Томкеев 1899: 219]. Можно не подчеркивать, что предложенная мотивировка отмены операции, в контексте устоявшихся практик осуществления «репрессалий», по меньшей мере, выглядит небезупречной. Также удивительно, что генерал в качестве убедительного довода предъявил аргументацию Аслангирея, в чьей лояльности на Линии сомневались вполне обоснованно. Можно полагать, что некоторые нюансы этого сюжета так и остаются не проявленными. Определенно можно говорить лишь о том, что согласно источнику, именно Бесланко Аслангирею принадлежит заслуга отвода угрозы разорения, нависшей над хаджретскими аулами, расположенными на Тегинях.

В марте 1831 г. хаджреты и абазины, проживавшие по рекам Уруп, Большая и Малая Тегини, воспользовавшись «отсрочкой», которой добился в феврале Аслангирей, эвакуировались в более отдаленные горные районы и в Абадзехию. Князь с его уорками были примером в этом деле: под прикрытием караулов и извещательных постов за ними последовали и бесленевцы, а также отец Аслангирея – Бесланко Асланбек.

Вывод населения из зоны досягаемости российских войск позволял хаджретам теперь уже в союзе с абадзехами и шапсугами использовать тактику активной обороны. Их небольшие отряды численностью от нескольких десятков до нескольких сотен человек в это время непрерывно перемещались в междуречье Лабы и Урупа, заставляя русские войска пребывать в постоянном напряжении.

В целях пресечения активности черкесов в междуречье Лабы и Урупа, а также, реализации давно намеченного плана по наказанию лиц, не оказавших российским войскам содействия 15 ноября 1830 г., на Линии были собраны два сильных отряда. Первый из них, состоявший из 400 человек пехоты и 400 казаков, с четырьмя конными орудиями, во главе с Раллем в ночь на 21 марта выступил из Прочного Окопа по направлению к укреплению Каладжинскому. Оттуда он должен был

продвинуться берегом Лабы к верховьям р. Уруп, где находились аулы Бесланко Асланбека, с целью преградить им путь к отступлению на запад к абадзехам. С другим отрядом из 400 человек пехоты, 450 казаков с 4-мя конными орудиями командующий центра Линии генерал Фролов в ночь на 23 марта переправился через Кубань у станицы Беломечетской. Он двигался к хаджретским аулам на р. Уруп с северо-востока. Когда в окруженные аулы вошли войска, они оказались пустыми. После того как шесть кабардинских аулов Бесланко Асланбека были сожжены, войска вернулись назад» [Томкеев 1899: 223].

С апреля 1831 г. напряжение на всей линии российско-черкесского противостояния нарастало. В это время черкесы еще не приступили к координированным масштабным военным действиям, однако с низовьев Кубани до бассейна Урупа они демонстрировали редкое единодушие в стремлении остановить российское наступление. Новые укрепления на реках Шибш и Афипс подвергались постоянным нападениям, до 2000 абадзехов находились на р. Шхагуаша, около 4000 абадзехов и шапсугов сосредоточились на р. Псефирь «и до 2000 горцев стояло вблизи тех же пунктов; бесленевские и особенно кабардинские князья... в свою очередь собирали более или менее значительные партии, которые группировались на верховьях Урупа, Б. и М. Тегиней»» [Томкеев 1899: 224]. Таким образом, хаджреты продолжали активные действия в районе междуречья Лабы и Урупа.

В «многолюдном собрании» из 6000–7000 человек на р. Шхагуаша (есть другие сведения, что оно проходило по р. Пшеха, однако ввиду того, что последняя является притоком первой говорить о противоречии не приходится) у аула Аджи-Гляша, где черкесы пытались выработать план совместных действий, самое активное участие принимали хаджреты. В частности, там выступал кабардинский князь Тума Тембот [Панеш 2006: 48]. В первой декаде мая к собранию присоединился князь Занко Сефербий, упорно настаивавший на необходимости «склонить всех горских владельцев к спокойствию и союзу с Россией» [Голицын 2004]. Несмотря на марциальную риторику звучащую, на чуть-ли не ежедневных прениях самым желательным исходом инициативы абадзехов и кабардинцев (настойчиво вовлекавших в нее бесленевцев, кемиргоевцев и др.) было достижение соглашения с Россией. К началу третьей декады мая черкесское собрание на Шхагуаше сформулировало свои предложения. «Оно требовало отголь письменно, чтобы крепости, построенные нами в их владениях, были уничтожены и река Кубань служила нам границей, обещаясь тогда принять присягу на верноподданство Государю Императору и пребыть мирными жителями на своей стороне, а для переговоров они просили чиновника» сообщал российский контрагент [Голицын 2004]. Он же и отклонил эти предложения. Такая реакция российской стороны ослабила голос Занко Сефербия (к которому присоединился и Болотоко Джамбулат) так как за две недели до этого было принято решение, что «в случае, если мы (россияне. – Т.А.) отвергнем условия, на коих они желают завести мирные сношения, они объявят нам вечную вражду...» [Голицын 2004]. Поэтому в начале июня Бесланко Асланбек «дал собранию присягу и избран его предводителем» [Голицын 2004]. Но продемонстрированная собранием медлительность в выработке решений, позволило российскому командованию подготовиться к возможному черкесскому прорыву. Как сообщается в источнике «в критический момент, когда решалось приступать к нападению или нет, в собрание явились беглые кабардинские князья [Науруз Мисост] и два брата [Хатокшоко], которые сообщили о строгих мерах обороны, принятых на границе, и хотя им удалось проникнуть за Кубань, но они вынуждены были вернуться назад без всякого успеха» [Томкеев 1899: 227]. К тому же избавиться от довлевшего над собранием бремени «большого несогласия» «между самыми почетными людьми, имеющими влияние на народ» [Хотко 2015: 29] так и не получилось. Поэтому «пристав закубанских народов» майор Синанов вскоре торжествующе докладывал Емануелю, что «Бывшие абадзехские собрания,

угрожавшие вторжением в наши границы на злодеяние, как по дознаниям моим уничтожилось по пронырству наших верных лазутчиков приглашенных и облаканных мною, которые происками своими удерживали их быстрое следование...» [Хотко 2015: 37]. Однако, отказ от удара по Линии был, скорее всего predetermined начавшейся концентрацией крупной группировки российских войск в тылу черкесов, в направлении Майкопа [Голицын 2004; Хотко 2015: 29].

Подобный финал, вызвавшего столь заметное беспокойство на Линии собрания, демонстрирует безуспешность как военной, так и дипломатической интенций его зачинателей. Более или менее заметным результатом предпринятых тогда действий стало только то, что немногочисленному отряду хаджетов удалось пробраться в центр Кабарды. В начале июня до командующего войсками центра Кавказской линии было доведено, что «в ущелье Чегемском видели хищническую партию до 200 человек, которая уговаривает уже кабардинцев к побегу» [Хотко 2015: 29]. Закубанские кабардинцы, появившиеся на оккупированных территориях, состояли из двух «хищнических партий». Во главе первой стояли братья Бесланок: Аслангирей и Пшемахо. Вторая находилась под водительством Хатокшоко Магомета и Докшуко Бекмурзы [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 131. Л. 3]. Очевидно, что разделение хаджетов на два отряда было обусловлено кроме военных, еще и соображениями по вовлечению кабардинцев в переселение за Кубань. С учетом основной цели этих отрядов, которая заключалась в инициировании очередной акции по переселению населения из центра Кабарды на подконтрольную хаджетам территорию, мотив подобного решения становится вполне прозрачным – «охватить», возможно, большее географическое пространство. В пользу такого предположения говорит распоряжение начальника третьей дистанции центра Линии генерал-майора Горихвостова о необходимости «присмотреть за неблагонамеренными, которые имел сношения с сказанными хищниками, может быть вознамерились бежать» [РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 131. Л. 3]. Кроме этого были предприняты и другие меры, направленные на купирование хаджетской угрозы. И в целом, следует признать, что ни отряду братьев Бесланок, ни всадникам под водительством Хатокшоко Магомета не удалось решить поставленных задач. Однако их продвижение в сердцевины *Тлуацц* имело важное символическое и психологическое значение по поддержанию духа независимости. Ведь не случайно проезжавший в это время через Кабарду Григол Орбелиани отмечал, что «Кабардинцы – свободолюбивый народ, в течение стольких лет воюющий с русскими, которые потеснили, унизили и захватили всю Кабарду (за исключением ее закубанских территорий. – Т.А.). Но они не сумели искоренить у них любовь к свободе. Кабардинцы бодры и всегда готовы к бою, вечно ищут случая, чтобы извлечь землю свою от русских» [Орбелиани 1974: 230]. Сохранение выраженного неприятия по отношению к оккупационным властям со стороны оставшегося в *major patria* населения подкрепляло решимость хаджетов продолжать попытки к его вовлечению в переселенческий процесс на кубанское левобережье.

Весной следующего года Бесланок Асланбек прозондировал ситуацию на предмет возможности возобновления масштабного переселения [Хотко 2015: 46]. Несмотря на не самый благоприятный отклик со стороны некоторых кабардинцев активность в этом направлении вскоре была возобновлена. Так, в своем рапорте от 4 июля 1832 г., командующий Баталпашинским участком подполковник Лисаневич предостерегал командующего Кабардинской линии генерал-майора Горихвостова о сборе хаджетов за Кубанью. Согласно полученным сведениям речь шла о «хищническом сборище» состоявшим из «беглых кабардинцев и части махошевцев в числе 200 человек и более» [Документы... 2011: 25]. Среди его действующих лиц в документе перечислены князя Бесланок Аслангирей, Аджжеруюко Биберд, Тума Тембот, Хатокшоко Хатокшуко и Магомет, а также Кайтуко Тембот. В нем отмечалось, что партия «третьего дня с реки Лабы прибыла на Большие

Тегени и 3-го июля должна быть на Урупе, с намерением ворваться в наши границы для злодеяния или отправиться в Большую Кабарду для переселения из оной кабардинцев за Кубань» [Документы... 2011: 25]. «Но под чьим предводительством и в каком именно месте переправляться – того неизвестно», – продолжил автор текста. Выказанная российским офицером неуверенность относительно главного протагониста черкесской инициативы довольно неожиданна в свете того, что им же ниже отмечено, что «Исправляющий должность главного закубанских народов пристава поручик Венеровский, прибыв сегодня, объявил мне лично, что находящийся в [центральной] Кабарде князь [Хатокшоко Мисост] просил [Бесланого Аслангирея] письмом для переселения его с аулом за Кубань прибыть с собранием в [центральную] Кабарду, если же сие невозможно, то по крайней мере его одного с семейством. Письмо доставлено [Бесланого] князем [Мисост Алхасом]...» [Документы... 2011: 26]. Как оказалось, в письме содержалось «приглашение от Мисауста, дабы [Бесланого Асланбек], собрав партию прибыл в [центральную] Кабарду для вспомоществования ему к бегству с подвластными за Кубань и что он находится во всеготовности к побегу» [Документы... 2011: 26]. Для подступавшего к столетнему возрасту князя Асланбека напряжения, связанные с военным походом, видимо, уже были не под силу (последние упоминания его имени в источниках относятся, как раз к сюжетам 1832 г.). Поэтому отправил он в поход сына. Но перед этим, стремясь нарастить мощь и привлечь сильного союзника, обратился к одному из самых могущественных хаджретских князей Касай Исмаилу с предложением присоединиться к предприятию. Но последний, видимо, уже пребывая в процессе «замирения» с русскими, не принял предложения [Документы... 2011: 26]. (В ведомости «мирным закубанским князьям» 1837 г. про Касай Исмаила сказано, что он «покорился добровольно в командование Вельяминова в 1832 г. и присягал в 1833 г.») [РГВИА. Ф. 15264. Оп. 1. Д. 38. Л. 26.]. Все же хаджретам удалось существенно усилить свой отряд, доведя его численность до семисот всадников [Бейтуганов 2007: 273]. Его успешное проникновение в центр Кабарды (сопровождавшееся боестолкновениями [Бейтуганов 2007: 273], масштаб которых пока неясен) взбудоражило население. Представители аристократии (князя Джамбот Алхас, Науруз Хатокшуко и Хатокшоко Магомет, а также ряд тлекотлешей и диженуго) выдвинулись к лагерю хаджретов «в вершине Чегема и Нальчика» и «прибыв туда присягнули пред Алкораном, что они рано или поздно, но при первом удобном случае непременно уйдут за Кубань с семействами» [Хотко 2015: 47]. Такая формулировка присяги проистекала из обнаружившейся на тот момент невозможности безопасной транспортировки желающих переселиться. Российское командование действовало эффективно [Хотко 2015: 47]. Поэтому «цель вторжения дерзновенной партии» по организации очередной волны переселения осталась недостигнутой. Как итог: в двадцатых числах июля хаджретский отряд возвратился в закубанскую Черкесию [Хотко 2015: 47]. Со времени массовой эвакуации 1822 г. это была, по меньшей мере, третья попытка со стороны хаджретов придать мощный импульс возобновлению переселенческого движения кабардинцев. Но она не дала ожидаемых результатов. Наиболее последовательный сторонник данной стратегии – Бесланого Асланбек после этой неудачи вновь замирился с российским командованием, а вскоре и умер. От этой вехи уместно вести отсчет нового этапа биографии Бесланого Аслангирея.

Список источников

- АКАК – Акты Кавказской археографической комиссии.
Бейтуганов 2007 – *Бейтуганов С.Н.* Кабарда: история и фамилии. Нальчик: Эльбрус, 2007. 783 с.

Голицын 2004 – *Голицын Н.Б.* Жизнеописание генерала от кавалерии Эммануеля. М.: Рекламно-издательский центр «Собрание», 2004 // DrevLit. Ru – библиотека древних рукописей. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.drevlit.ru/docs/kavkaz/XIX/1820-1840/Emmanuel/pred.php> (дата обращения: 07.11.2023).

Грабовский 2008 – *Грабовский Н.Ф.* Присоединение Кабарды к России и ее борьба за независимость. Нальчик, 2008. 463 с.

Документы... 2011 – Документы по истории адыгов 20–50-х годов XIX в. (по материалам ЦГА КБР) / Сост. З.М. Кешева. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2011. 201 с.

Кармов 2017 – *Кармов Р.К.* Трансформация общественно-политического устройства народов Центрального и Западного Кавказа в источниках. 1732–1892 // «Быт, личности, история Кавказа в источниках». Вып. 6 / сост. Р.К. Кармов. Нальчик: Принт Центр, 2017. 204 с.

Орбелиани 1974 – *Орбелиани Г.* Путешествие мое из Тифлиса до Петербурга // Археолого-этнографический сборник. Нальчик, 1974. Вып. I. С. 234–239.

Панеш 2006 – *Панеш А.Д.* Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829–1864 гг.). Майкоп, 2006. 125 с.

Потто 1904 – *Потто В.А.* Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. III. Ч. 2. Тифлис, 1904. 590 с.

Потто 1994 – *Потто В.А.* Кавказская война. Т. II. Ставрополь: «Кавказский край», 1994. 686 с.

Потто 1994 – *Потто В.А.* Кавказская война. Т. V. Ставрополь: «Кавказский край», 1994. 396 с.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Томкеев 1898 – *Томкеев В.* Кавказская линия под управлением генерала Емануеля // Кавказский сборник. Т. XIX. Тифлис, 1898. С. 124–156.

Томкеев 1899 – *Томкеев В.* Кавказская линия под управлением генерала Емануеля (окончание). // Кавказский сборник. Т. XX. Тифлис. 1899. С. 189–227.

Торнау 1999 – *Торнау Ф.Ф.* Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик: «Эль-фа», 1999. 507 с.

Хотко 2015 – *Хотко С.Х.* Из истории участия кабардинцев в общечеркесском сопротивлении в 30-е годы XIX века // Архивы и общество. № 35. Нальчик, 2015. С. 8–55.

ЦГА КБР – Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики.

References

АКАК – *Akty Kavkazskoj arheograficheskoy komissii* [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission]. (In Russian)

BEJTUGANOV S.N. *Kabarda: istoriya i familii*. [Kabarda: history and surnames]. Nal'chik: El'brus, 2007. 783 p. (In Russian)

GOLICYN N.B. *Zhizneopisanie generala ot kavalerii Emmanuelya*. IN: M.: Reklamno-izdatel'skij centr «Sobranie», 2004 // DrevLit. Ru – biblioteka drevnih rukopisej. [Elektronnyj resurs] [Biography of the cavalry general Emmanuel] // URL:<http://www.drevlit.ru/docs/kavkaz/XIX/1820-1840/Emmanuel/pred.php> (data obrashcheniya: 07.12.2023). (In Russian)

GRABOVSKIJ N.F. *Prisoedinenie Kabardy k Rossii i ee bor'ba za nezavisimost'* [The annexation of Kabarda to Russia and its struggle for independence]. Nal'chik, 2008. 463 p. (In Russian)

Dokumenty po istorii adygov 20–50-h godov XIX v. (po materialam CGA KBR) / Sost. Z.M. Kesheva [Documents on the history of the Circassians of the 20s–50s of the 19th century (based on materials from the Central State Administration of the KBR)]. Nal'chik: Izdatel'skij otdel KBIGI, 2011. 201 p. (In Russian)

KARMOV R.K. *Transformaciya obshchestvenno-politicheskogo ustrojstva narodov Central'nogo i Zapadnogo Kavkaza v istochnikah. 1732–1892* [Transformation of the socio-political structure of the peoples of the Central and Western Caucasus in the sources. 1732–1892] IN: «Byt, lichnosti, istoriya Kavkaza v istochnikah». Vyp. 6 / sost. R.K. Karmov. Nal'chik: Print Centr, 2017. 204 p. (In Russian)

ORBELIANI G. *Puteshestvie moe iz Tiflisa do Peterburga* [My journey from Tiflis to St. Petersburg]. IN: Arheologo-etnograficheskij sbornik. Nal'chik, 1974. Vyp. I. P. 234 – 239. (In Russian)

PANESH A.D. *Myuridizm i bor'ba adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza za nezavisimost' (1829–1864 gg.)* [Muridism and the struggle of the Circassians of the North-West Caucasus for independence (1829–1864)]. Majkop, 2006. 125 p. (In Russian)

POTTO V.A. *Utvzrzhdenie russkago vladychestva na Kavkaze* [Establishment of Russian rule in the Caucasus]. Т. III. Ch. 2. Tiflis, 1904. 590 p. (In Russian)

POTTO V.A. *Kavkazskaya vojna* [Caucasian War]. Т. II. Stavropol': «Kavkazskij kraj», 1994. 686 p. (In Russian)

POTTO V.A. *Kavkazskaya vojna* [Caucasian War]. Т. V. Stavropol': «Kavkazskij kraj», 1994. 396 p. (In Russian)

RGVIA – *Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv* [Russian State Military Historical Archive]. (In Russian)

TOMKEEV V. *Kavkazskaya liniya pod upravleniem generala Emanuelya* [Caucasian Line under General Emmanuel]. IN: *Kavkazskij sbornik*. Т. XIX. Tiflis, 1898. P. 124–156. (In Russian)

TOMKEEV V. *Kavkazskaya liniya pod upravleniem generala Emanuelya (okonchanie)* [Caucasian Line under General Manuel (end)]. IN: *Kavkazskij sbornik*. Т. XX. Tiflis, 1899. P. 189–227. (In Russian)

TORNAU F.F. *Sekretnaya missiya v Cherkessiyu russkogo razvedchika barona F.F. Tornau* [Secret mission to Circassia of the Russian intelligence officer Baron F.F. Tornau]. Nal'chik: «El'-fa», 1999. 507 p. (In Russian)

HOTKO S.H. *Iz istorii uchastiya kabardincev v obshchechekesskom soprotivlenii v 30-e gody XIX veka* [From the history of the participation of Kabardians in the all-Circassian resistance in the 30s of the 19th century]. IN: *Arhivy i obshchestvo*. № 35. Nal'chik, 2015. P. 8–55. (In Russian)

CGA KBR – *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Kabardino-Balkarskoj respubliki* [Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)

Информация об авторе

Т.Х. Алоев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории.

Information about the author

T.H. Alov – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Medieval and Modern History Sector.

Статья поступила в редакцию 21.11.2023; одобрена после рецензирования 17.12.2023; принята к публикации 26.12.2023.

The article was submitted 21.11.2023; approved after reviewing 17.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья

УДК 94:357.11(470.6)«15»

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-40-48

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КАЗАЧЬИХ ОБЩИН НА ТЕРЕКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI–XVII ВВ.

Наталья Владимировна Варивода

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, variks1@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2980-9212>

© Н.В. Варивода, 2023

Аннотация. В статье освещаются некоторые аспекты возникновения первых казачьих общин на Тереке во второй половине XVI–XVII вв., вопросы их происхождения и мест первоначального расселения. Выявлены предпосылки и исторические условия появления казачества на Тереке. Определены источники его пополнения в XVII в., прослеживается динамика роста численности населения вольных казачьих сообществ в рассматриваемом регионе. Освещается процесс основания здесь первых русских крепостей, превратившихся со временем в опорные пункты влияния русского правительства. Сделан акцент на роли Терского городка как южного форпоста российской государственности, проводника ее кавказской политики на Северном Кавказе. Показан процесс постепенного вовлечения терцев и гребенцов в орбиту деятельности России на Северном Кавказе в XVII в. Рассматривается как казаки совместно с горцами защищали пограничные рубежи от персидских и турецко-крымских вмешательств, что способствовало укреплению их взаимоотношений.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Терек, Сунжа, Терский городок, Трехстенный городок, гребенские казаки, терские казаки, вольные казаки, русские поселения, северокавказские народы

Для цитирования: Варивода Н.В. Возникновение и развитие казачьих общин на Тереке во второй половине XVI–XVII вв. // Вестник КБИГИ. 2023. № 4 (59). С. 40–48. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-40-48

Original article

THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF COSSACK COMMUNITIES ON THE TEREK IN THE SECOND HALF OF THE XVI–XVII CENTURIES

Natalia V. Varivoda

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, variks1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2980-9212>

© N.V. Varivoda, 2023

Abstract. The article highlights some aspects of the emergence of the first Cossack communities on the Terek in the second half of the XVI–XVII centuries, the issues of their origin and places of initial settlement. The prerequisites and historical conditions for the appearance of the Cossacks on the Terek River are revealed. The sources of its replenishment in the XVII century are determined, the dynamics of population growth of

free Cossack communities in the region under consideration is traced. Russian fortresses, which eventually turned into strongholds of influence of the Russian government, are being founded here. The emphasis is placed on the role of the Tersk city as the southern outpost of Russian statehood, the conductor of its Caucasian policy in the North Caucasus. The process of gradual involvement of the Terets and Grebentsov into the orbit of Russia's activities in the North Caucasus in the XVII century is shown. It is highlighted how the Cossacks, together with the highlanders, defended the border lines from Persian and Turkish-Crimean interventions, which helped to strengthen their relationship.

Keywords: North Caucasus, Terek, Sunzha, Tersk town, Three-walled town, Grebentsov Cossacks, Terek Cossacks, free Cossacks, Russian settlements, North Caucasian peoples

For citation: Varivoda N.V. The Emergence and development of Cossack communities on the Terek in the second half of the XVI–XVII centuries. *Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin*. 2023; 4 (59): 40–48. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-40-48

Вопросы формирования русского населения на Северном Кавказе, начальный его этап, связанный с появлением здесь казачества, в отечественной историографии из-за их многогранности остаются в числе актуальных на протяжении более полутора веков.

Начало формированию первых казачьих общин на Тереке положили терские казаки. Первым слоем казачества на Тереке явились гребенцы. Причины образования их поселений здесь были связаны с развитием русского средневекового общества в период перехода от раздробленности к политическому единству страны и носили социально-политический характер. Появление казачества на окраинах государства связано с утверждением в стране феодального способа производства, с появлением на исторической арене нового служилого класса-дворянства, с его стремлением к земельным захватам и усилением феодальной эксплуатации, что приводило к бегству русских крестьян в поисках свободы на Дон, по Волге и по Каспийскому морю на Тerek – в предгорья Кавказа.

Так, в документе «Описание гребенских казаков», относящемуся к середине XVIII в., указывается: «...Гребенские казаки по Терку начались от беглых российских людей и от разных мест пришельцев от давних годов...» [Описание гребенских казаков в XVIII веке 1961: 246].

Предпосылки возникновения казачества на Тереке были связаны и с политическим развитием России. Одно из последствий объединения русских земель вокруг Москвы – установление деспотического самодержавия и всеобщей несвободы – было мотивом бегства из страны дворян и служилых людей на «вольные» земли. Поэтому источники свидетельствуют о том, что в рядах казачества находилось немало выходцев из дворян и мелких служилых людей [История Дона и Северного Кавказа с древнейших времен до 1917 г. 2001: 85].

Не менее важной предпосылкой было стремление населения южных русских окраин в конце XV–XVI вв. к плодородным землям юга, вызванное тем, что в XII–XIII вв. русские землевладельцы под воздействием половецких набегов, а затем ордынских «ратей», вынуждены были уходить из плодородной лесостепи в малопригодные для земледелия места.

Имелись, наконец, международные предпосылки. Распад Орды и возрастание силы Великого княжества Московского, а затем ликвидация власти хана Большой Орды Ахмета над русскими землями в 1480 г., создали благоприятные условия для проникновения и утверждения в южных степях беглых людей из русских земель, становившихся казаками.

В это время Северный Кавказ находился в состоянии непрерывной внешней и внутренней борьбы. С одной стороны, турки и персы развернули между собой борьбу за сферы влияния, втягивая в нее и местные кавказские народы. С другой стороны, край раздирали феодальные усобицы местных владельцев за земли и

пастбища. Данные обстоятельства облегчали проникновение русских в край. Этому также способствовало и усиление в Прикаспийском регионе влияния Русского государства в связи с присоединением к нему Казанского и Астраханского ханств. Границы России вплотную приблизились к территории Кабарды. Местное население видело в переселенцах воинственных людей, владеющих «огненным боем», тогда еще мало распространенным на Кавказе, способных и за себя постоять и оказать поддержку тому или иному из враждующих соседей.

В результате визитов представителей кабардинских князей в Москву в 1557 г. был заключен военно-политический союз России с Кабардой, после чего Иван IV неоднократно находил формальные поводы для вмешательства в дела Кабарды, посылая туда отряды стрельцов и казаков в помощь своему тестю Темрюку Идарову.

Первые русские крепости на Тереке были построены во второй половине XVI в. по просьбе кабардинских владетелей, остро нуждавшихся в помощи русских «воинских» служилых людей для отражения нападений крымских татар и османов. В свою очередь, русское правительство возводило эти крепости, надеясь превратить их в опорные пункты своего влияния, что облегчало оказание своевременной помощи северокавказским союзникам России.

В 1567 г. по просьбе князя Темрюка Идарова в устье р. Сунжи была построена крепость, оснащенная мощной артиллерией и с постоянным русским гарнизоном.

В феврале 1567 г. «...отпустил царь и великий князь в Черкасы Мазлова-князя Темгрюковича, а с ним по Темгрюкову челобитью послал царь и великий князь для городового дела князя Ондreja княже Семенова сына Бабичева да Петра Протасьева со многими людьми, да и наряд, пушки и пищали, с ними в Черкасы послал, а велел на Терке-реке Темгрюку-князю по его челобитью город поставити» [Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. 1957: 13]. Таким образом, была построена первая русская крепость на Тереке в устье р. Сунжи. Этот шаг сблизил Россию с кавказскими горцами, помогая им противостоять турецко-крымской угрозе.

Усиление присутствия русских на Тереке и прочный союз с кабардинцами сильно обеспокоили Турцию, так как это нарушало ее планы экспансии на Северный Кавказ [Бахмудов, Болохина 2018: 8]. Существование крепости на территории, фактически подвластной Турции, в 1571 г. едва не стало причиной русско-турецкой войны. Турция имела свои виды на Кавказ и непосредственно на Кабарду, считала ее подвластной себе и поэтому не могла признать протекторат над ней России. В 1577 г. терские и гребенские казаки успешно защитили крепость Терки от крымских татар. Именно этот год считается датой возникновения (старшинства) Терского войска.

Однако прямая угроза объявления войны со стороны Турции вынудила разрушить крепость. Но уже в 1578 г. она вновь была восстановлена и продолжала выполнять функции сторожевой заставы России. Окончательно русская крепость на Тереке, теперь в его устье, на протоке р. Тюменки, была отстроена в 1588 г. и получила название Терский городок или Терки. Она стала «опорным сторожевым пунктом и одновременно центром, вокруг которого объединились уже существовавшие по Тереку поселения русской вольницы» [Куприянова 1981: 22.]. Терский городок был пограничным и являлся главной военно-стратегической опорой Русского государства на Кавказе, центром дипломатических связей с кавказскими феодальными владетелями и восточными странами. По своей величине и значимости на юго-востоке Русского государства Терки в XVII веке занимал второе место после Астрахани. В крепости располагалась резиденция царских воевод. На постоянную службу привлекли около 500 казаков под начальством особого головы. Это были оседлые или жалованные казаки, т.к. получали царское жалованье. В особых случаях, для усиления обороны города или походов собирали всех казаков, именовавшихся в документах того времени «вольными». Город Терки, а также Сунженский острог, построенный в 1590 г. на месте старой крепости близ

впадения Сунжи в Терек, к началу XVII в. стали важными военно-политическими и культурно-экономическими форпостами России на Кавказе. До конца XVII в. Россия ограничивалась обороной достигнутых рубежей. Крепости пока еще осуществляли оборонительные функции.

По вопросу происхождения терского казачества не существует единства взглядов. Учитывая различные мнения, можно сделать вывод, что первые казачьи сообщества на Тереке появились в середине XVI в. и состояли из выходцев с Дона и других районов России. Основной поток беглых людей шел на Терек по Волге и Каспийскому морю. В XVI в. район Терека представляет собой пример единичной миграции, при которой метрополия отделена от заселяемых областей значительными расстояниями, а между метрополией и колонией переселенцев, как правило, находится промежуточный транзитный район. При заселении Терека транзитным центром стал Дон.

Место первоначального расселения гребенских казаков на Тереке окончательно не определено. Однако если учесть все существующие точки зрения о местах первоначальной локализации гребенцов, то можно предположить, что формирование терско-гребенского казачества происходило в достаточно широком ареале – от урочищ Голого гребня на юге и до междуречья Терека и Сунжи на северо-западе [Заседателева 1974: 187]. Не исключена также возможность, что до своего окончательного обоснования гребенцы, как и другие группы казачества, порой меняли места своих поселений, правда, не покидая районов своего постоянного обитания. Причем среди терско-гребенского казачества особенно популярны были в качестве наиболее безопасных мест для поселений привычные им устья, а также верховья малых рек с их готовыми природными «твердыми» – речными мысами и островами, которые легко можно было превратить в неприступные крепости. Формирование гребенского казачества происходило на территориях, в основном принадлежавших кабардинским князьям.

На новых местах, облюбованных гребенцами, появились ранние городки. Они назывались по имени первооснователей, или выборных атаманов, или по местам выхода переселенцев, а так же в связи с местной топонимикой края: Курдюковский, Шевелев, Шадрин, Степанов, Семенов, Червленький, Наурский и т.д. [История народов Северного Кавказа 1988: 329] Размеры обычного казачьего городка были невелики: в Ищерском городке размещалось около 25 казаков, в Шевелеве – 20, в «Нижнем Черленом» – 35 [Тхамокова 2015: 356]. В результате похода иранских войск и их союзников на Терек в 1653 г., называемого казаками «кызылбашское разоренье», «терских и гребенских казачьих девять городков разорили и сожгли да десятой городок мимоездом весь розграбили». Среди уничтоженных городков были Шевелев, Шадрин, Степанов городок Ищерского, Медвеженский, Степанов городок Бормата, Семенов городок Сарафанникова, Потапов городок Вязаного, Леонтьев городок Симонова (войскового атамана) [Тхамокова 2017: 135].

Помимо гребенских казаков в середине XVI в. в дельте нижнего течения Терека начинает складываться еще одно северокавказское казачество – терское низовое. Терские казаки формировались из числа беглых, разрозненных групп русских людей и горских народов. Вот что об этом передают из поколения в поколение сами казаки: «Предки наши наперед сего, в давних временах, были из разных мест и народов, как-то: Донские и Волжские казаки, поляки, грузины, черкесы, и другие, пришедшие по разным обстоятельствам и случайностям к Каспийскому морю, на устье реки Терека» [Потто 1991: 34]. В состав терско-низовой казачьей вольницы входили выходцы из местных народов, поселившиеся слободами около Терека, основав Черкасскую, Окоцкую, Новокрещенскую и Татарскую слободы. Самой большой была Черкасская слобода. К концу XVII века в ней насчитывалось 175 дворов, а в Окоцкой – 160. В целом же общее число выходцев из среды горских народов Северо-Восточного Кавказа чуть ли не в три раза превосходило

число русского населения в Терском городке [Гарунова, Суздальцева, Галимова 2017: 128]. В состав Терского гарнизона входил также конный отряд, выставляемый жителями нерусских слобод Терков. Численность этого отряда иногда доходила до 500 человек. С 90-х г. XVI в. всеми инородцами командовал кабардинский князь Сунчалей Янгличев, затем его сын Муцал, а потом его внук Касполат.

Особый интерес представляет группа новокрещенов, выделившаяся из кавказских горцев и принявшая христианство. Позже они входили как особый служилый разряд в состав терско-низового войска. Поэтому терско-низовое казачье войско на протяжении всей своей истории отличалось от гребенского большей примесью кавказского этнического элемента.

В начале 70-х гг. XVI в. терско-низовые казаки поставили в урочище Баклакове Трехстенный городок [Омельченко 1991: 61]. Однако существует мнение, что Трехстенный городок – это развалины города Терки первого периода его существования – с 1588 по 1669 гг. [Тхамокова 2015: 359]. В любом случае это городок был только опорным и сборным пунктом терских казаков, а сами они жили разбросанными юртами в Терском заболоченном приустье, держались сплоченными ватагами. Терские низовые казаки мало интересовались сельским хозяйством, в основном они тяготели к морским и речным промыслам, охоте, занимались и морским разбоем.

Начало образования терского низового казачества происходило, безусловно, до прихода воеводы Плещеева на Северный Кавказ в 1563 г. Известно, например, что в 1559 г. эти казаки овладели городом Терколте или Тюмень, расположенном на одном из рукавов Терека [Омельченко 1991: 59].

В XVI в. царские воеводы в своих донесениях постоянно путали гребенских и терских казаков, называя их общим именем «терские казаки». Во многих документах XVII в. вышеупомянутые две группы казаков также зачастую упоминались вместе, как единое целое «терские гребенские» [Тхамокова 2017: 114].

Приток русских на Терек усилился после 1576 г., когда стольник Мурашкин разгромил на Дону многие поселения вольных казаков, часть из которых он казнил, а часть отправил на каторгу. Напуганные такими мерами правительства, волжские казаки стали уходить с Волги. Одна часть с атаманом Ермаком ушла служить к купцам Строгановым и приняла участие в покорении Сибирского ханства, другая – с атаманом Нечаем перебралась на реку Яик и положила начало Яицкому казачеству, а третья – с атаманом Андреем Шадрой ушла на Терек [Кравцов 1882: 80].

После Смуты начала XVII в. происходило возрождение и постепенное укрепление феодального государства и крепостнических порядков. Увеличились сроки сыска крестьян: в 1634–1635 гг. – до 10 лет для беглых, в 1641 г. – 10 лет для беглых и 15 – для вывезенных [История Дона и Северного Кавказа 2001: 84]. Возрос и налоговый гнет. Все это усиливало предпосылки для бегства на «казачьи реки» крестьян и холопов, что позволяло казачеству восполнять свои потери в людях.

С наибольшей силой социальный фактор проявился во второй половине XVII в., когда Соборным уложением 1649 г. завершился процесс юридического оформления крепостного права, и в пределах Засечной черты сложилась эффективная система сыска беглых.

В связи с этим XVII век ознаменовался возросшим притоком в гребенские и терские станицы беглых крестьян. Во многом это было связано с внутривосточными факторами. «Великий голод» 1601–1603 гг. и последовавшие вскоре события Смутного времени привели к многочисленному оттоку с центра в казачьи общины на Дону и Волге, Яике и Тереке беглых холопов и крестьян, обнищавших дворян.

Казачьи сообщества на Тереке «умножились» после разгрома в 1614 г. царскими войсками под Астраханью «воровских» отрядов Ивана Заруцкого [Ткачев 1911: 36].

Приток беглых из России и казаков усилился на Тереке во время и после окончания крестьянских войн под предводительством И.И. Болотникова в 1606–1607 гг. и С.Т. Разина в 1667–1671 гг.

Ряды казачества пополняли и раскольники. Одним из желанных уголков для беглых старообрядцев стал Терек. «Многие из них, спасаясь от преследований, убегали с донскими казаками, а оттуда подходили и к Тереку, селясь в безопасных местах» [Востриков 1904: 104]. Но в это время на Тереке уже был ряд городов-крепостей, в частности и крепость Терки – резиденция царских воевод. Поэтому старообрядцы стали скапливаться в гребенских городках. Описывая гребенцов, Л.Н. Толстой в повести «Казачьи», отмечал: «Очень, очень давно предки их (гребенцов – *Н.В.*), старoverы, бежали из России и поселились за Тереком, между чеченцами на Гребне...» [Толстой 1981: 157].

В XVII в. одним из источников пополнения русского казачества на Тереке, как и в XVI в., были периодически появлявшиеся на Северном Кавказе казачьи отряды с разных «запольных рек». «В документах неоднократно сообщалось о пребывании на Тереке с различными целями вольных казаков с Дона и Волги, Днепра и Яика» [Козлов 1996: 17].

Население терских и гребенских станиц росло и за счет беглых стрельцов, служилых людей Терского городка, убогавших к казакам по разным причинам: тяжелое продовольственное положение, конфликты с царской администрацией. Так, воеводы неоднократно сообщали в Москву, что «на Терке, государь, твоих государевых терских ратных людей мало, и те все конечно бедны, наги, и босы и голодни...» [Кабардино-русские отношения 1957: 94].

Находили приют и убежище в казачьих городках на Тереке и бывшие полоняники, т.е. пленные, захватываемые северокавказскими владетелями. Так, в 1640 г. «вышли на Терек из Кызылбаш восемь человек полонников». Они были уроженцами разных мест, среди них был «москвитин», «переславец», «белорусец», житель города Ливны [Тхамокова 2017: 124].

Казачьи общины на Тереке значительно пополнились за счет притока беглецов-горцев, в силу разных причин покидавших свои сообщества. Чаще всего это были беглые холопы, которые прибывали в Терки в надежде на защиту от набегов и притеснений со стороны феодалов. Горцы, как правило, крестились в православную христианскую веру, тем самым они получали покровительство и защиту со стороны царской администрации, которая предписывала терским воеводам не отдавать крещеных их бывшим владетелям. В документах такие казаки назывались новокрещеными. Об этом свидетельствуют имена и фамилии казаков: Байтерек, Евлаш, Агрыжан, Тагайпс, Кардавил, Яхдаш, Бармата, Остай, Досай, Асанко, Ураков, Иван и Андрей Новокрещеновы [История народов Северного Кавказа 1988: 330].

Динамика роста численности населения вольных казачьих сообществ на Тереке в XVII в. была крайне неустойчивой: заметное возрастание общин казаков в 30-е г. XVII в. сменилось во второй его половине спадом и уменьшением числа терско-гребенских городков, что было связано с нашествием персидских войск в 1653 г., когда все казачьи городки были разорены. Вновь относительная стабилизация и заметный количественный рост казачьих групп наметился в конце столетия.

В XVII в. терцы и гребенцы уже вовлекаются в орбиту деятельности России на Северном Кавказе. С началом строительства русских городов-крепостей в регионе – Терки и Сунженский городок – установились непосредственные контакты царской администрации с вольными казачьими группами на Тереке. Русское правительство оценило военные качества казаков. Терские и гребенские казаки умело сражались в конном и пешем строю, прекрасно ориентировались на местности, благодаря этому под контролем казаков оказались важные торговые и

стратегические пути. Турецкие послы не раз сообщали о том, что вольные казаки стоят на Османской дороге по линии Темрюк – Пятигорье – Эльхотово – Терки – Дербент [Давлетмурзаева 2017: 60]. Казаки доставляли немало хлопот Оттоманской империи – военному сопернику России. Казаки несли разнообразные службы: держали сторожевые посты, высылали разъезды, сопровождали посольства, ходили в походы вместе с регулярными войсками. Их привлекали к борьбе России с Османской империей и Крымским ханством. В свою очередь в сотрудничестве с государством было заинтересовано и вольное казачество. Казаки постоянно нуждались в порохе и оружии из России, продовольствии, а также в надежном покровителе и союзнике.

К концу XVII в. вольные казаки использовались уже для несения службы в самом Терском городке. Все более отлаженным становится механизм поощрения государством вольного казачества на Тереке за службу. Если в начале XVII в. пожалования казакам носили временный характер, то в документах второй четверти XVII в. уже упоминается о постоянном жаловании терцам и гребенцам [Козлов 1996: 39].

Вольные казаки постепенно утрачивают свою политическую самостоятельность. В 1668 г. из-за затопления Трехстенного городка, казакам пришлось переселиться в старый город (Тюмень), находившийся почти рядом с Терками. В связи с этим устанавливается зависимость от царских воевод, и терские казаки включаются в состав Терского гарнизона под именем Терского казачьего войска [Потто 1991: 99]. Гребенские казаки еще сохраняли свою самостоятельность, хотя они, по неписаному соглашению, находились в номинальной подчиненности Терскому воеводе и принадлежали к местному гарнизону.

Таким образом, первые казачьи общины на Тереке составляли отряды казаков с «разных рек» и «беглые сходцы» из России. Это более активные, подвижные элементы, которые по разным причинам оставляли Родину и уходили на свободные от феодального гнета земли. Общины гребенских и терских казаков формировались из различных этнических, религиозных и социальных компонентов, но ядро составляли русские. Казачьи общины, имели свои социально-экономические, этнокультурные и государственно-политические особенности развития.

Документально подтверждается, что появление казаков на Северном Кавказе относится ко второй половине XVI в. Формирование терско-гребенского казачества происходило в достаточно широком ареале – от урочищ Голого гребня на юге и до междуречья Терека и Сунжи на северо-западе. Казаки в XVII в. проживали в небольших городках, насчитывающих 20–30 семей. Со времени появления казаков на Тереке их связывали сложные отношения с народами региона. Укреплению их взаимоотношений способствовало то, что гребенские и терские казаки совместно с горцами защищали пограничные рубежи от персидского и турецко-крымского вмешательства. В рассматриваемый период терцы и гребенцы все активнее вовлекаются в орбиту деятельности России на Северном Кавказе. Вольные казаки постепенно утрачивают свою политическую самостоятельность.

Список источников

Бахмудов, Болохина 2018 – *Бахмудов Г.М., Болохина Н.И.* Роль терского казачества в формировании российской государственности на Северо-Восточном Кавказе (вторая половина XVI–XIX век) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2018. № 1 (87). С. 7–10.

Востриков 1904 – *Востриков П.А.* Станица Наурская // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип. Гл. управл. главнонач. гражд. частью на Кавказе, 1904. Вып. 33. С. 102–309.

Гарунова, Суздальцева, Галимова 2017 – *Гарунова Н.Н., Суздальцева И.А., Галимова Л.Н.* «Терский острог, Терский редут, Терки?..»... (ещё раз к вопросу о роли Терского города в истории Северо-Восточного Кавказа XVI–XVII веков) // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 125–131.

Давлетмурзаева 2017 – *Давлетмурзаева А.Р.* К вопросу о поселении на Северном Кавказе в XVI в. гребенско-терских казаков // Общество: философия, история, культура. 2017. № 5. С. 58–60.

Заседателева 1974 – *Заседателева Л.Б.* Терские казаки (историко-этнографические очерки). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. 423 с.

История Дона и Северного Кавказа ... 2001 – История Дона и Северного Кавказа с древнейших времен до 1917 г. / Под ред. А.И. Нарезного, Н.В. Самариной. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 2001. 461 с.

История народов Северного Кавказа ... 1988 – История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Под ред. В.Б. Пиотровского. М.: Наука, 1988. 543 с.

Кабардино-русские отношения ... 1957 – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 478 с.

Козлов 1996 – *Козлов С.А.* Кавказ в судьбах казачества. СПб.: Кольна, 1996. 284 с.

Кравцов 1882 – *Кравцов И.* Очерк о начале Терского Казачьего Войска. Харьков: тип. И.М. Варшавчика, 1882. 80 с.

Куприянова 1981 – *Куприянова Л.В.* Города Северного Кавказа во второй половине XIX века. М.: Наука, 1981. 232 с.

Омельченко 1991 – *Омельченко И.Л.* Терское казачество. Владикавказ: Ир, 1991. 299 с.

Описание гребенских казаков ... 1961 – Описание гребенских казаков в XVIII веке // Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961. С. 245–248.

Потто 1991 – *Потто В.А.* Два века Терского казачества (1577–1801). Ставрополь: Кавказская библиотека, 1991. 470 с.

Ткачев 1911 – *Ткачев Г.А.* Гребенские, терские и кизлярские казаки. Владикавказ: Войсковый штаб Тер. казач. войска, 1911. 238 с.

Толстой 1981 – *Толстой Л.Н.* Казаки. Повести и рассказы. М.: Художественная литература, 1981. 350 с.

Тхамокова 2015 – *Тхамокова И.Х.* «Трехстенный городок» и его место в истории Северного Кавказа // Научный диалог. 2015. № 12 (48). С. 352–361.

Тхамокова 2017 – *Тхамокова И.Х.* Терское казачество в этнокультурном пространстве Северного Кавказа (XVI – начало XX в.). Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 460 с.

References

BAXMUDOV G.M., BOLOXINA N.I. *Rol' terskogo kazachestva v formirovanii rossijskoj gosudarstvennosti na Severo-Vostochnom Kavkaze (vtoraya polovina XVI–XIX vek)* [The role of the Terek Cossacks in the formation of Russian statehood in the North-Eastern Caucasus (the second half of the XVI–XIX century)] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvedenie. Voprosy` teorii i praktiki.* Tambov: Gramota. 2018. № 1 (87). P. 7–10. (In Russian)

VOSTRIKOV P.A. *Stanicza Nauruskaya* [The village of Nauruskaya] // *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza.* Tiflis: Tip. Gl. upravl. glavnonach. grazhd. chast'yu na Kavkaze, 1904. Vyp. 33. P. 102–309. (In Russian)

GARUNOVA N.N., SUZDAL`CEVA I.A., GALIMOVA L.N. «*Terskij ostrog, Terskij redut, Terki?..*»... (*eshhyo raz k voprosu o roli terskogo goroda v istorii Severo-Vostochnogo Kavkaza XVI–XVII vekov*) [«Tersk ostrog, Tersk redoubt, Turks?..»... (once again to the question of the role of the Tersk city in the history of the North-Eastern Caucasus of the XVI–XVII centuries)] // *Samarskij nauchnyi vestnik.* 2017. Т. 6. № 2 (19). P. 125–131. (In Russian)

DAVLETMURZAEVA A.R. *K voprosu o poselenii na Severnom kavkaze v XVI v. grebensko-terskix kazakov* [On the issue of settlement in the North Caucasus in the XVI century. Grebenskaya-Tersk Cossacks] // *Obshhestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura.* 2017. № 5. P. 58–60. (In Russian)

ZASEDATELEVA L.B. *Terskie kazaki (seredina XVI – nachalo XX v.)* [Terek Cossacks (mid-XVI – early XX century)]. М.: MGU, 1974. 422 s. (In Russian)

Istoriya Dona i Severnogo Kavkaza s drevnejshix vremen do 1917 g. [The history of the Don and the North Caucasus from ancient times to 1917] / pod red. A.I. Narezhnogo, N.V. Samarinoj. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rostovskogo universiteta, 2001. 461 p. (In Russian)

Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevnejshix vremen do koncza XVIII v. [The history of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the XVIII century] / pod red. V.B. Piotrovskogo. M.: Nauka, 1988. 543 p. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy [Kabardino-Russian relations in the XVI–XVIII centuries. Documents and materials.]. V 2 t. T. 1. M.: Izd-vo AN SSSR, 1957. 478 p. (In Russian)

KOZLOV S.A. *Kavkaz v sud`bax kazachestva* [The Caucasus in the fate of the Cossacks]. SPb.: Kol`na, 1996. 284 p. (In Russian)

KRAVCZOV I. *Ocherk o nachale Terskogo Kazach`ego Voiska* [An essay on the beginning of the Terek Cossack Army]. Har`kov: tip. I.M. Varshavchika, 1882. 80 p. (In Russian)

KUPRIYANOVA L.V. *Goroda Severnogo Kavkaza vo vtoroi polovine XIX veka* [Cities of the North Caucasus in the second half of the XIX century]. M.: Nauka, 1981. 232 p. (In Russian)

OMEL`CHENKO I.L. *Terskoe kazachestvo* [Tersk Cossacks]. Vladikavkaz: Ir, 1991. 301 p. (In Russian)

Opisanie grebenskix kazakov v XVIII veke [Description of the Grebensky Cossacks in the XVIII century] // Kosven M.O. *Etnografiya i istoriya Kavkaza. Issledovaniya i materialy*. M., 1961. P. 245–248. (In Russian)

POTTO V.A. *Dva veka terskogo kazachestva (1577-1801)* [Two centuries of the Terek Cossacks (1577–1801)]. Stavropol`: Kavkazskaya biblioteka, 1991. 383 p. (In Russian)

TKACHEV G.A. *Grebenskie, terskie i kizlyarskie kazaki*. [Grebensky, Tersk and Kizlyar Cossacks] Vladikavkaz: Vojskovy`j shtab Ter. kazach. vojska, 1911. 238 p. (In Russian)

TOLSTOJ L.N. *Kazaki* [Cossacks]. Povesti i rasskazi. M.: Xudozhestvennaya literatura, 1981. 350 p. (In Russian)

TXAMOKOVA I.X. «*Trexstenny`j gorodok*» i ego mesto v istorii Severnogo Kavkaza [«Three-walled Town» and its place in the history of the North Caucasus] // Nauchny`j dialog. 2015. № 12 (48). P. 352–361. (In Russian)

TXAMOKOVA I.X. *Terskoe kazachestvo v e`tnokul`turnom prostranstve Severnogo Kavkaza (XVI – nachalo XX v.)* [The Terek Cossacks in the ethnocultural space of the North Caucasus (XVI – early XX century)]. Nal`chik: Redakcionno-izdatel`skij otdel IGI KBNCz RAN, 2017. 460 p. (In Russian)

Информация об авторе

Н.В. Варивода – научный сотрудник сектора новейшей истории.

Information about the author

N.V. Varivoda – Researcher of the Sector of Modern History.

Статья поступила в редакцию 18.11.2023; одобрена после рецензирования 03.12.2023; принята к публикации 26.12.2023.

The article was submitted 18.11.2023; approved after reviewing 03.12..2023; accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья
УДК 94(471.6).084.8
DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-49-56

РАБОТА ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ АССР ПО БОРЬБЕ С НАРУШЕНИЯМИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЕ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ РЕАЛИЗАЦИИ ХРУЩЕВСКОЙ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ КАМПАНИИ 1958–1964 гг.

Александра Николаевна Такова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, takova@yandex.ru, <http://orcid.org/10000-0002-8380-6936>

© А.Н. Такова, 2023

Аннотация. Объектом исследования является хрущевская антирелигиозная кампания 1958-1964 гг. и особенности ее реализации в КБАССР с точки зрения работы органов государственной власти по устранению нарушений действующего религиозного законодательства. Под последним понимаются положения Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях». В статье отмечается, что нарушения были многочисленны и имели широкий спектр проявлений. Также в работе предпринята попытка объяснить причину столь резкого антирелигиозного крена, на первый взгляд контрастирующего с общим либерально-демократическим посылом рассматриваемого периода. На основе анализа архивных материалов, главным образом фондов аппарата уполномоченного по КБАССР, реконструируются основные направления деятельности органов государственной власти на местах по реализации мер для устранения нарушений в религиозной сфере. Выявляются причины, способствовавшие затруднению в деле их реализации. Анализируются результаты деятельности органов государственной власти в период хрущевской антирелигиозной кампании в рамках рассматриваемого направления. Делается вывод о низкой результативности принимавшихся мер и слабом их воздействии на роль и место религии в социуме рассматриваемого субрегиона.

Ключевые слова: религия, социум, Кабардино-Балкарская АССР, атеистическая работа, антирелигиозная кампания, религиозная община, верующие, пропаганда, религиозное законодательство

Для цитирования: Такова А.Н. Работа органов государственной власти Кабардино-Балкарской АССР по борьбе с нарушениями законодательства в религиозной сфере как одно из направлений реализации хрущевской антирелигиозной кампании 1958–1964 гг. // Вестник КБИГИ. 2023. № 4 (59). С. 49–56. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-49-56

Original article

THE WORK OF THE STATE AUTHORITIES OF THE KABARDINO-BALKARIAN ASSR IN COMBATING VIOLATIONS OF LEGISLATION IN THE RELIGIOUS SPHERE AS ONE OF THE DIRECTIONS OF THE IMPLEMENTATION OF THE KHRUSHCHEV ANTI-RELIGIOUS CAMPAIGN OF 1958–1964

Aleksandra N. Takova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific

Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, takova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8380-6936>

© A.N. Takova, 2023

Abstract. The object of the study is the Khrushchev anti-religious campaign of 1958–1964 and the specifics of its implementation in the KBASSR from the point of view of the work of state authorities to eliminate violations of the current religious legislation. The latter refers to the provisions of the Resolution of the Central Executive Committee and the SNK of the RSFSR of April 8, 1929 “On religious associations”. The article notes that the violations were numerous and had a wide range of manifestations. The article also attempts to explain the reason for such a sharp anti-religious bias, which at first glance contrasts with the general liberal-democratic message of the period under review. Based on the analysis of archival materials, mainly the funds of the office of the Commissioner for the KBASSR, the main directions of the activities of local government bodies on the implementation of measures to eliminate violations in the religious sphere are reconstructed. The reasons that contributed to the difficulty in their implementation are identified. The results of the activities of state authorities during the Khrushchev anti-religious campaign in the framework of the direction under consideration are analyzed. The conclusion is made about the low effectiveness of the measures taken and the weak impact on the role and place of religion in the society of the sub-region under consideration.

Keywords: religion, society, Kabardino-Balkaria ASSR, atheistic work, anti-religious campaign, religious community, believers, propaganda, religious legislation.

For citation: Takova A.N. The work of the state authorities of the Kabardino-Balkarian ASSR to combat violations of legislation in the religious sphere as one of the directions of the implementation of the Khrushchev anti-religious campaign of 1958–1964. Vestnik KBIGI = KVIN Bulletin. 2023; 4 (59): 49–56. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-49-56

При изучении государственно-конфессиональных отношений послевоенного периода рельефно выделяется временной промежуток между 1958–1964 гг. В историю он вошел под названием «хрущевская антирелигиозная кампания». Сутью данного периода являлось значительное и всемерное усиление антирелигиозных мероприятий государства, одним из главных направлений которых стала работа по устранению нарушений в рамках действующего религиозного законодательства. Реализация данного направления имела свои особенности в различных регионах страны, оказывавших заметное влияние на приемы и методы ее осуществления, и, в итоге, на результат. Основными источниками для написания работы послужили архивные материалы, извлеченные, главным образом из фондов аппаратов уполномоченных по субрегиону, большинство из которых впервые вводится в научный оборот. Некоторые аспекты рассматриваемой темы затрагиваются в работах М.И. Одинцова, С.М. Зинчука, Е.Н. Шишкина [Одинцов 2013, Зинчук 2019, Шишкин 2018] и др. авторов. Основными методами исследования являются анализ архивных материалов, дедукция, индукция, микроанализ, социальная психология.

Очередное масштабное наступление на религию, имевшее место в нашей стране в период между 1958 и 1964 гг., причем самое значительное за весь послевоенный период, на первый взгляд плохо согласуется с общим либерально-демократическим посылом хрущевского периода, за который небезосновательно закрепился термин «оттепель». Однако, при внимательном рассмотрении становится ясно, что имевший место резкий антирелигиозный крен органично вписывается в общий дискурс эпохи. Сутью данного дискурса, в широком смысле, стала ревизия советской социальной политики периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет, отличавшаяся, заметным смягчением государственного пресса. В религиозной сфере в этот период были реализованы значительные преобразования, способствовавшие ее легализации, обретению правовых основ существования в рамках советской системы, для которой атеизм оставался одним

из краугольных камней. Подобного рода преобразования, с точки зрения рассматриваемого времени, трактовались как вынужденный отход от марксизма-ленинизма, совершенный под воздействием вызовов военного периода. Теперь же активно реализовывался курс, направленный в широком смысле на очищение истинного коммунизма от искажений периоде сталинизма, к которым, безусловно, относилась и либерализация государственно-конфессиональных отношений. Таким образом, хрущевская антирелигиозная кампания является типичным продуктом рассматриваемой эпохи, органично вписываясь в ее общий дискурс.

Отправной точкой хрущевской антирелигиозной кампании считается принятие секретного Постановления ЦК КПСС от 4 октября 1958 г. «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам „О недостатках научно-атеистической пропаганды“» [Записка Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды»], в соответствии с которым предписывалось партийным, комсомольским и общественным организациям развернуть тотальное наступление на религиозные организации, которым, по определению, не было места в строящемся коммунистическом обществе. Одним из направлений данной работы являлось приведение деятельности религиозных организаций в соответствии с действующим в стране законодательством. Под последним понималось Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» [Постановление СНК СССР «О порядке открытия церквей»], которое хотя и подвергалось неоднократно уточнениям, редактированию и дополнениям, в целом до конца советской эпохи продолжало оставаться основным документом, регулирующим положение религии в советском обществе. Подробно анализируя содержание данного документа, исследователь М.И. Одинцов отмечает, что в соответствии с ним в отношении деятельности религиозных организаций предусматривалось большое число ограничений. Так, «...им было запрещено создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения, пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом для каких-либо иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей; оказывать материальную поддержку своим членам; организовывать как специальные детские, юношеские, женские молитвенные и другие собрания, так и общие библейские, литературные, рукодельческие, трудовые, по обучению религии и т.п. собрания, группы, кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и лечебную помощь. В молитвенных зданиях и помещениях разрешалось хранить только книги, необходимые для отправления данного культа; не допускалось преподавание каких бы то ни было религиозных вероучений в государственных, общественных и частных учебных и воспитательных заведениях» [Одинцов 2013: 231]. То есть религиозная деятельность в идеале должна была вестись исключительно в стенах религиозного здания. В годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы от положений данного Постановления существенно отклонились, причем как религиозные организации, так и органы государственной власти. В соответствии же с Постановлением 1958 г. предполагалось вернуться к их строгому выполнению, подспудно устраняя накопившиеся в годы «вынужденной» либерализации государственно-конфессионального курса нарушения.

Рассматриваемый в настоящей статье вопрос об устранении нарушений действующего в религиозной сфере законодательства несколько позже был конкретизирован в Постановлениях ЦК КПСС от 13 января 1960 г. «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах» [Остроухова 2020: 165] и от 16 марта 1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах» [Остроухова 2020: 165]. Также усиление мер в данном направлении нашло отражение в положениях Уголовного кодекса 1960 г. По статье 142 («Нарушение законов об отделении церкви от государства»), наказание

было увеличено с двух до трех лет лишения свободы. Статья 227, касаемая создания группы (в том числе религиозной), «...причиняющей вред здоровью» и посягающей на личность и права граждан, предусматривала теперь вместо трех до пяти лет лишения свободы [Зинчук 2019: 71–72].

На момент начала хрущевской антирелигиозной кампании в республике была официально зарегистрирована деятельность 19 религиозных организаций: 8 православных [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 351. Л. 58], 5 баптистских, 1 иудейской и 5 мусульманских [УЦГА АС КБР. Ф. Р 780. Оп. 1. Д. 122. Л. 12]. Данные цифры не отражают реального положения дел в религиозной сфере республики. Дело в том, что существовавшая в то время процедура регистрации религиозных обществ и групп, определяемая положениями Постановлений СНК СССР 1943 и 1944 гг. «О порядке открытия церквей» (1943 г.) [Постановление «О порядке открытия церквей»] и «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов» (1944 г.) [Постановление «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов»], была довольно сложной. Механизм ее реализации был сопряжен с преодолением немалого числа формальностей, что было реально возможно лишь при однозначной заинтересованности в регистрации религиозной общины или группы соответствующими органами. По сути, данные Постановления, при всей их бесспорной исторической значимости, включали в себя огромное число требований по отношению к общинам или группам, желавшим обрести официальную регистрацию, что делало данный процесс труднореализуемым. По этому поводу Е. Шишкин справедливо отметил, что их уместнее было бы назвать «...о порядке отклонения ходатайств верующих» [Шишкин 2018: 88]. Ввиду данного обстоятельства немало религиозных общин и групп по различным причинам не могли добиться официальной регистрации, в связи с чем действовали неофициально. Поэтому на протяжении 40–80-х гг. XX в. в Кабардино-Балкарии, как и в других регионах страны, помимо небольшого числа официально зарегистрированных религиозных общин, количество которых было стабильным и фактически не менялось на протяжении всего рассматриваемого в работе периода, действовало много незарегистрированных, причем в разы превосходящих официальные по своему количеству. Сведения о данном явлении в КБАССР многочисленны и проходят «красной» нитью через весь имеющийся комплекс источников. Они позволяют обоснованно утверждать, что в республике в 40–80-х гг. XX в. в каждом населенном пункте имелись очаги религиозной жизни, обеспечивающие текущие религиозные потребности населения. Сюда относятся, главным образом, культовые здания, лица, занимающиеся отправлением религиозных треб и, собственно, сами религиозные сообщества и/или группы.

Важно также отметить, что незарегистрированная религиозная деятельность в республике была явлением не просто обыденным. О ней были полностью осведомлены местные власти, равно как и о том, что она прямо нарушает действующее законодательство. Однако, стоит отметить, что в большинстве своем каких-либо последовательных и конкретных мер для пресечения подобных явлений властями республики на местах не предпринималось. Напротив, нередко местные власти старались замалчивать данного рода факты. Последний тезис хорошо иллюстрирует один из документов, в котором в частности уполномоченным отмечалось, что в КБАССР «...большинство сельских советов сообщает, что в селениях, подведомственных им не имеется ни служителей, ни групп верующих и вообще никакой религиозной деятельности нет. Если поверить этому, то Кабардино-Балкария может считаться самой атеистической республикой Северного Кавказа» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 31. Д. 166. Л. 4]. Сам по себе данный факт довольно любопытен. По нашему мнению он свидетельствует о сознательном нежелании местных властей устранять явные нарушения действующего законодательства о культурах. Возможно, де-факто существовал принцип их невмешательства в религиозную

жизнь, которая, воспринималась как важный и необходимый для нормальной жизнедеятельности социума элемент, не подлежащий какому-либо административному регулированию. Хорошо иллюстрирует последний тезис один из документов фонда аппарата уполномоченного, в котором по данному поводу говорится следующее «...в деле контроля за деятельностью групп верующих и служителей культа местные Советы не участвуют и занимают позицию невмешательства. Об этом свидетельствуют факты проведения общественных намазов под открытым небом на территории сельских кладбищ без ведома и разрешения местных органов, строительство культовых зданий под видом кладбищенских построек для хранения погребального инвентаря, совершение мусульманских обрядов в присутствии коммунистов, которые безразлично взирают на эти факты» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1705. Л. 53].

В целом в республике нарушения религиозного законодательства имели массовый характер и широкий спектр проявлений. Наиболее существенное внимание в борьбе с ними в годы хрущевской антирелигиозной кампании было сосредоточено на выявлении наличия и/или фактической публичной деятельности официально незарегистрированных религиозных общин, культовых зданий и служителей культа и, соответственно, попыткам их ликвидации и/или пресечения их деятельности.

За годы кампании в республике была проведена большая работа по выявлению реально действовавших культовых зданий. В материалах уполномоченного содержатся сведения о многочисленных строениях, использовавшихся для религиозных целей. Чаще всего в качестве таковых выступали кладбищенские постройки, официально предназначавшиеся для хранения погребального инвентаря [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1053. Л. 8]. Также фактически продолжал действовать и ряд культовых зданий, официально закрытых еще в 20–30-гг. XX в., но так и не перепрофилированных под светские нужды [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1053. Л. 9]. Неодинаковыми были также случаи самовольного строительства новых культовых сооружений [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1053. Л. 10].

Несмотря на выявление большого числа незаконно возведенных и/или фактически действовавших без официальной регистрации культовых зданий, за весь период хрущевской антирелигиозной кампании в республике не было зафиксировано ни одного случая их сноса и/или закрытия. Это, несомненно, отличает Кабардино-Балкарию от большинства других регионов страны. Весьма интересный рассказ, касаемый данного аспекта содержится в одном из архивных документов. Так, в 1964 г. в с. Чегем I. был выявлен факт самовольного возведения культового здания под видом сторожки на территории кладбища и проведение в нем регулярных религиозных собраний и общественных намазов. Властями было принято решение о сносе данного строения. Однако реализовать его не удалось. В официальном отчете уполномоченного говорится, что для сноса строения был отправлен бульдозер, однако «...бульдозерист, узнав, какая предстоит ему работа, бросил машину и ушел» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1981. Л. 32]. Интересно отметить, что его поступок вызвал словестные одобрения и аплодисменты присутствовавших при этом жителей села. Представителям же местной власти, в свою очередь «...с трудом удалось успокоить верующих, которые грозились поехать с жалобой в республиканские органы» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1981. Л. 32], так как, по их словам, данная мечеть была построена «...с помощью колхоза и с ведома сельсовета» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1981. Л. 32]. В итоге культовое здание на территории кладбища в с. Чегем I осталось цело.

Схожим образом обстояло дело и с фактом наличия в КБАССР многочисленных, официально незарегистрированных служителей культа. В Информационном отчете «О состоянии и деятельности религиозных культов по КБАССР (1958 г.)», по этому поводу говорилось «...что касается деятельности незарегистрированных

служителей религиозного культа, то таковые имеются в каждом селении и они занимаются отправлением религиозных обрядов при похоронах и венчании по просьбе верующих» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1053. Л. 10]. При этом отмечалось, что «...многочисленные незарегистрированные служители-муллы...действуют открыто и никаких ограничительных мер к ним не принимается» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1699. Л. 15], они спокойно «...занимаются своим делом и не поднимают вопрос о регистрации» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1699. Л. 16].

В период хрущевской антирелигиозной кампании в республике была проведена большая работа по выявлению реального числа действующих, но официально незарегистрированных служителей культа. Полной ясности в данный вопрос она, правда, не внесла. Так, в документе за 1960 г. говорилось о выявлении «...более чем 40 незарегистрированных мулл» [УЦГА АС КБР. Ф. Р. 860. Оп. 1. Д. 112. Л. 288]. В 1962 г. заявлялось уже о «...многочисленных незарегистрированных служителях – муллах, которых выявлено свыше 70 человек» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1699. Л. 15]. Еще в одном документе не назывались какие-либо общие цифры, но приводилась интересная пропорция количества незарегистрированных служителей культа по отношению к зарегистрированным: «...только в Чегемском районе на одного зарегистрированного служителя культа – М.Э., приходилась деятельность незарегистрированных в количестве около 20 человек» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1981. Л. 31].

Выявление и попытки постановки на учет официально незарегистрированных служителей религиозного культа республики были проявлением так называемой приходской реформы, являвшейся, в свою очередь, важной составной частью хрущевской антирелигиозной кампании. Ее генеральная цель состояла в отстранении служителей культа от руководства религиозными общинами и превращение их фактически в требоисполнителей, работающих за фиксированный оклад и платящих, при этом, подоходный налог. В связи с этим мероприятия в рамках данной реформы предполагали выявление всех реально действующих служителей культа и постановку их на налоговый учет, также перевод их деятельности на оклады, а подспудно – введение твердых расценок за совершаемые требы и квитанционной системы их учета. Важно отметить, что в случае, если служитель культа был человеком пенсионного возраста, а таковых в республике было подавляющее большинство, то он ставился перед выбором или продолжать свою деятельность и лишиться пенсии или сохранить пенсию, но отказаться от исполнения треб, то есть, фактически порвать с религиозной практикой. В связи с этим, поставленные в подобные условия представители духовенства нередко заявляли о прекращении своей деятельности. Данного рода эпизодам власти, в свою очередь, старались придавать гласность.

Реализация приходской реформы в КБАССР на первый взгляд имела очевидный положительный результат – произошло уменьшение числа служителей культа, так как ряд представителей данной социальной группы публично отказался от обязанностей по требоисполнению [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1900. Л. 13]. Однако данный результат имел важный побочный эффект: очень скоро в республике обнаружилась нехватка служителей. Подтверждают данный тезис архивные материалы за 1962–1965 гг. в которых, нередко, встречаются жалобы верующих, а порой и представителей администраций населенных пунктов о том, что в ряде селений стало некому хоронить умерших и поэтому «...сельсоветы вынуждены уговаривать служителей заняться похоронами» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 31. Д. 166. Л. 3].

Своеобразно в республике решался и вопрос о выплате подоходного налога, которым было обложено некоторое число служителей культа. Чаще всего обязанности по его выплате перекладывались на верующих [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1705. Л. 53]. В одном из документов уполномоченным был даже

задокументирован конкретный механизм его реализации, выявленный в нескольких селениях республики. В нем, в частности, сообщалось, что «...во многих селах колхозники косят траву со свободных площадей... кладбищ и сено реализуют, а выручка идет на выплату налога муллы и на ограждение кладбищ, а также на создание так называемого «фонда муллы» для благотворительной деятельности» [УЦГА АС КБР. Ф. Р. 780. Оп. 1. Д. 122. Л. 88].

В итоге ситуация со служителями культа под воздействием мер в рамках хрущевской антирелигиозной кампании развивалась следующим образом: имело место незначительное сокращение числа официально зарегистрированных служителей, в то время как число неофициальных не менялось. Оплата же подоходного налога осуществлялась коллективно жителям того или иного населенного пункта.

Хрущевская антирелигиозная кампания была свернута вместе со сменой власти в стране, то есть в 1964 г., что выразилось в отходе от массивной антирелигиозной пропаганды и сворачивании мер, направленных на приведение положения дел в религиозной сфере в соответствие с требованиями действующего законодательства о культах. С этого времени атеистическое направление в деятельности органов государственной власти, несмотря на ее перманентное фоновое присутствие, вошло в спокойное русло. Борьба с религией продолжалась осуществляться и в последующие годы, практически вплоть до конца советского периода, но без резких всплесков. В Кабардино-Балкарии, как и в целом по стране, реализация мер в рамках хрущевской антирелигиозной кампании не оказала заметного воздействия на место и роль религии в повседневной жизни социума. Данная кампания в очередной раз продемонстрировала, с одной стороны, устойчивость религии, а с другой, фактически абсолютную невозможность оказывать на нее сколько-нибудь существенное воздействие административными методами.

Список источников

Записка Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды» [Электронный ресурс]. URL. <http://rusoig.ru/03print/03print-02/03print-02-239/>

Зинчук 2019 – *Зинчук С.М.* Хрущевская антирелигиозная кампания 1954–1964 гг.: практическая реализация и результаты // Вестник Костромского государственного университета. 2019. № 1. С. 71–75.

О религиозных объединениях [Электронный ресурс]. URL. <http://docs.cntd.ru/document/9056238>

Одинцов 2013 – *Одинцов М.И.* Патриарх Сергей. М.: Молодая гвардия, 2013. 395 с.

Остроухова 2020 – *Остроухова Н.В.* Особенности нормативно-правового регулирования государственно-церковных отношений в СССР (1953–1963) // Via in tempore. История. Политология. 2020. Т. 47. № 1. С. 160–169.

Постановление СНК СССР «О порядке открытия церквей» [Электронный ресурс]. URL. <http://docs.historyrussia.org/...snk-sssr-o...otkrytiya...1943...>

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР). Ф. Р-780. «Уполномоченный по делам религиозных культов»; Ф. Р-860. «Религиозные организации».

УЦДНИ АС КБР – Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦДНИ АС КБР). Ф. 1 «Религия. Религиозные организации».

Шишкин 2018 – *Шишкин Е.Н.* Вопрос об открытии церквей на территории Ставропольской и Бакинской епархии 1943–1948 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. История. История русской православной церкви. 2018. Вып. 82. С. 84–103.

References

Zapiska Otdela propagandy i agitacii CK KPSS po soyuznym respublikam «O nedostatkah nauchno-ateisticheskoy propagandy» [Note by the Propaganda and Agitation Department of the Central Committee of the CPSU for the Union Republics “On the shortcomings of scientific atheistic propaganda”]. [Elektronnyj resurs]. URL. [http:// rusoir.ru/03print/03print-02/03print-02-239/](http://rusoir.ru/03print/03print-02/03print-02-239/) (In Russian)

ZINCHUK S.M. *Hrushchevskaya antireligioznaya kampaniya 1954–1964 gg.: prakticheskaya realizaciya i rezul'taty*. [Khrushchev's anti-religious campaign of 1954–1964: practical implementation and results]. IN: Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta, 2019. № 1. P. 71–75 (In Russian)

O religioznyh ob'edineniyah [About religious associations]. [Elektronnyj resurs]. URL. [http:// docs.cntd.ru/document/9056238](http://docs.cntd.ru/document/9056238) (In Russian)

ODINCOV M.I. *Patriarh Sergij* [Patriarch Sergius]. Moskva: Molodaya gvardiya, 2013. 395 p. (In Russian)

OSTROUHOVA N.V. *Osobennosti normativno-pravovogo regulirovaniya gosudarstvenno-cerkovnyh otnoshenij v SSSR (1953–1963)*. [Features of the legal regulation of state-church relations in the USSR (1953–1963)]. IN: Via in tempore. Istoriya. Politologiya. 2020. V. 47. № 1. P. 160–169 (In Russian)

Postanovlenie SNK SSSR «O poryadke otkrytiya cerkvej» [Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR “On the procedure for opening churches”]. [Elektronnyj resurs]. URL. [http:// docs.historyrussia.org...snk-sssr-o...otkrytiya...1943...](http://docs.historyrussia.org...snk-sssr-o...otkrytiya...1943...) (In Russian)

Upravlenie Central'nogo gosudarstvennogo arhiva Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj Respubliki (UCGA AS KBR). [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. F. R-780 «Upolnomochennyj po delam religioznyh kul'tov»; F. R-860 «Religioznye organizacii» (In Russian)

Upravlenie centra dokumentacii novejshey istorii arhivnoj sluzhby kabardino-balkarskoj respubliki (UCDNI AS KBR) [Department of the Center for Documentation of Modern History of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. F. 1 «Religiya. Religioznye organizacii» (In Russian)

SHISHKIN E.N. *Vopros ob otkrytii cerkvej na territorii Stavropol'skoj i Bakinskoy eparhii 1943–1948 gg.* [The issue of opening churches in the Stavropol and Baku dioceses 1943–1948]. IN: Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II. Istoriya. Istoriya russkoj pravoslavnoj cerkvi. 2018. V. 82. P. 84–103 (In Russian)

Информация об авторе

А.Н. Такова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора новейшей истории.

Information about the author

A.N. Takova – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Sector of Modern History.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 12.12.2023; принята к публикации 26.12.2023.

The article was submitted 20.11.2023; approved after reviewing 12.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья

УДК 94(470.8)

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-57-61

ОСВОБОЖДЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ВОЙСК В 1943 ГОДУ

Марина Хабасовна Гугова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, gugowa@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3461-3011>

© М.Х. Гугова, 2023

Аннотация. На основе опубликованных источников и научной литературы рассмотрены боевые действия частей Красной Армии по освобождению территории Кабардино-Балкарии от немецко-фашистских войск зимой 1943 года в рамках Битвы за Кавказ, завершившейся изгнанием германских войск с Таманского полуострова. Особое внимание уделено боям за Нальчик и Приэльбрусье. Освобождение Нальчика от немецких войск имело ключевое значение в ходе всей наступательной операции. Немцы теперь были отрезаны от железной дороги, которая была связана с другими регионами страны и понесли большие потери, как в живой силе, так и в технике. Автор приходит к выводу, что освободительные операции Красной Армии 1943 г. характеризовались высоким уровнем подготовки и управления войсками, правильным выбором направлений главного удара, умением создавать и концентрировать на них резервы. Успехи Красной Армии объяснялись также наличием большого опыта у советских командиров и бойцов, возросшими возможностями советской оборонной промышленности. Освобождение Кабардино-Балкарии сыграло важную роль в общей победе над фашистской Германией.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Северный Кавказ, Кабардино-Балкария, Красная Армия, освобождение, мобилизация

Для цитирования: Гугова М.Х. Освобождение территории Кабардино-Балкарии от немецко-фашистских войск в 1943 году // Вестник КБИГИ. 2023. № 4 (59). С. 57–61. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-57-61

Original article

LIBERATION OF THE TERRITORY OF KABARDINO-BALKARIA FROM NAZI TROOPS IN 1943

Marina Kh. Gugova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, gugowa@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3461-3011>

© M.Kh. Gugova, 2023

Abstract. The article, based on an analysis of published and archival documents and materials, as well as scientific literature, examines the military actions of the Red Army units to liberate the territory of Kabardino-Balkaria from Nazi troops in the winter of 1943

as part of the Battle of the Caucasus, which ended with the expulsion of German troops from the Taman Peninsula. Particular attention is paid to the battles for Nalchik and the Elbrus region. The liberation of Nalchik from German troops was of key importance during the entire offensive operation. The Germans were now cut off from the railway, which was connected to other regions of the country, and suffered heavy losses, both in manpower and equipment. The author comes to the conclusion that the liberation operations of the Red Army in 1943 were characterized by a high level of training and command and control of troops, the correct choice of directions for the main attack, and the ability to create and concentrate reserves on them. The successes of the Red Army were also explained by the extensive experience of Soviet commanders and soldiers and the increased capabilities of the Soviet defense industry. The liberation of Kabardino-Balkaria played an important role in the overall victory over Nazi Germany.

Keywords: Great Patriotic War, North Caucasus, Kabardino-Balkaria, Red Army, liberation, mobilization

For citation: Gugova M. Kh. Liberation of the territory of Kabardino-Balkaria from Nazi troops in 1943. Vestnik KBIGI = KVIHR Bulletin. 2023; 4 (59): 57–61. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-57-61

Осенью 1942 года Ставка Верховного Главнокомандования приступила к разработке наступательных операций, целью которых было окружение и разгром основных сил немецких войск, действовавших под Сталинградом. От исхода Сталинградской битвы зависело освобождение Северного Кавказа, продолжение освободительных сражений на территории нашей страны и исход всей войны.

19 ноября 1942 года началось наступление Юго-Западного и Донского фронтов, а днем позже начал наступление и Сталинградский фронт. 23 ноября 1942 г. в районе города Калач-на-Дону соединились Юго-Западный и Сталинградский фронт. В результате этой операции под Сталинградом была окружена немецкая группировка общей численностью в 330 тыс. солдат и офицеров под командованием генерала фон Паулюса. Гитлеровское командование сформировало группу армий «Дон» в составе 30 дивизий и попыталось спасти окруженные части. Предполагалось нанести удар по Сталинграду, прорвать периметр и соединиться с 6-й армией фон Паулюса. Однако немцам сделать это не удалось. В конце декабря, разгромив эту группировку, советские войска прибыли в район Котельниково и начали наступление на Ростов. Это позволило начать окончательное уничтожение немецких войск, окруженных в Сталинграде. 2 февраля 1943 г. остатки армии фон Паулюса сдались Красной Армии.

Это создало благоприятные условия для начала наступления Красной Армии на Орджоникидзе (ныне Владикавказ) – Нальчикском направлении.

В этот период немецко-фашистское наступление на нальчикско-орджоникидзевском, малгобекско-грозненском направлениях и на перевалах Главного Кавказского хребта провалилось, что привело к коренному перелому в ходе боевых действий на Кавказе. В конце декабря 1942 г. войска Закавказского фронта продолжали наступление, в результате чего противник понес большие потери. Только с 24 декабря 1942 г. по 4 января 1943 г. немцы потеряли 11 тыс. солдат и офицеров, было уничтожено 18 самолетов, 170 танков, 42 орудия, 222 пулемета, 390 автомашин с военным грузом [Хакушев 1978: 142].

1 января 1943 года войска Северной группы Закавказского округа начали наступление на Нальчик.

2 января 1943 года части 9-й армии заняли Эльхотово, освободили Новый и Старый Урух, Ерокко, Лескен II, Зарагиж, Герпегеж, Вагацкой. Затем вышли на рубежи: 295-я стрелковая дивизия – Псыгансу, 2-я гвардейская стрелковая дивизия – Аушигер, и Герпегеж, 351-я стрелковая дивизия – Толдзгун, Лескен.

3 января 1943 г. под Докшукино (г. Нарткала) разгорелись ожесточенные бои. Здесь во время оккупации были сооружены оборонительные полосы вдоль железнодорожной станции и железнодорожного полотна. 4 января 1943 г. Докшукино было освобождено частями Красной Армии. Противник продолжил отступление,

прикрываясь сильными арьергардами на линии Аргудан – Нальчик. Отступая немецкие и румынские части минировали дороги, взрывали мосты и переправы.

3 января 1943 года советские войска овладели селениями Аушигер, Хасанья, Долинск, Псыгансу, Аргудан и к исходу дня вели бои на подступах к Нальчику.

3 января 1943 года 2-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора Ф. Захарова ввела в бой 395-й гвардейский стрелковый полк, который к вечеру занял мясокомбинат и вёл уличные бои на северной окраине и базарной площади города. В боях за Нальчик отличился 3-й батальон 395-го стрелкового полка этой дивизии. Командир батальона гвардии капитан Ф. Пакин с группой бойцов первыми ворвались на центральную улицу города, очистили её от противника и, зайдя в тыл отходящей колонны фашистов, нанесли ей большие потери. Капитан Пакин ручными гранатами лично уничтожил 10 фашистов [Кабардино-Балкария... 1975: 498].

Особенно упорным сопротивление германских войск было у нефтебазы и Промгородка. Атаки красноармейцев захлёбывались раз за разом, а у танков заканчивалось горючее. Благодаря горожанам, вытаскивавшим застрявшие танки, советским войскам к исходу 5 января все же удалось выбить фашистов из города. В память о том трудном дне и нелегкой победе на месте упорных боев возле автовокзала в центре Нальчика на постаменте установлен танк Т-34. В боях за Нальчик принимали участие партизаны Объединенного Кабардино-Балкарского отряда.

5 января 1943 года на окраине Нальчика в противотанковом рву было обнаружено 600 трупов изуродованных и замученных мужчин, женщин и детей. Всего за время оккупации в Кабардино-Балкарии было убито 4141 человека [Хакушев 1983: 49].

«На Северном Кавказе, – сказано в сообщении Советского информбюро 5 января 1943 года, – наши войска успешно развили наступление и заняли ряд населённых пунктов. Упорные бои происходили на подступах к Нальчику. Немцы опоясали город рядами мощных инженерных сооружений и минировали все подступы. Наши бойцы при поддержке артиллерии и танков преодолели все препятствия. Ночью ворвались в город и после решительной атаки овладели им. Противник оставил сотни трупов своих солдат и офицеров. Кроме того, наши войска захватили 27 орудий различных калибров, 50 миномётов, 27 тягачей, 56 автомашин, 41 пулемёт, 250 противотанковых ружей, 500 винтовок и многое другое» [Сообщение ... 1944: 14].

Освобождение Нальчика от немецких войск имело важное значение в ходе всей наступательной операции. Немцы теперь были отрезаны от железной дороги, которая была связана с другими регионами страны и понесли большие потери, как в живой силе, так и в технике.

Одновременно войска Красной Армии продолжили наступление на баксанско-пятигорском и моздокско-прохладненском направлениях. Германские войска пытались остановить наступление советских войск в районе населённых пунктов Кызбурун III, Чегем II и Баксан, используя реку Баксан и оборонительные рубежи вдоль дорог и по высотам. Но, 6 января 1943 г. частям Красной Армии удалось освободить Баксан, нанеся противнику серьезные потери.

Гитлеровцы поспешно отходили и на прохладненском направлении, где надеялись задержать наступающие части Красной Армии. Но, в это время в Прохладный с востока вошли танкисты бригады подполковника В.И. Филиппова, с юга пехотные части и в результате ожесточённых уличных боев 5 января 1943 г. гитлеровцы были выбиты из Прохладного. Во время освобождения Прохладного советские войска уничтожили более 150 немцев, 25 танков и бронемашин, захватили 27 орудий и другой техники [Хакушев 1978: 144].

Отступая, части германских войск используя минные поля, оборонительные сооружения и проволочные заграждения, пытались задержать наступление Красной Армии на рубеже р. Малка и Кума. В ночь с 6-го на 7 января 1943 г.

ожесточенные бои шли районе Куба-Таба, Кубы и Марьинской. Итогом стало освобождение села Малка 8 января бойцами 351-й стрелковой дивизии генерала В. Сергацкова. Ночью с 9-го на 10 января 1943 года подразделения Красной Армии освободили Кубу и Марьинскую. В уличных боях было убито около 300 немцев, взято в плен 150 человек, захвачено много оружия [Гречко 1969: 287].

11 января 1943 года в 4 часа утра советские войска завершили освобождение Кабардино-Балкарской АССР.

Тяжелые бои шли и на Эльбрусском направлении. В начале января 1943 г. начали отход с перевалов Главного Кавказского хребта и Эльбруса из-за угрозы окружения. 2 февраля 1943 года заместитель командующего Закавказским фронтом генерал-майор И.А. Петров направил в Штаб оперативной группы Закавказского фронта по обороне Главного Кавказского хребта приказ снять с вершины Эльбруса фашистские штандарты, установленные в августе 1942 года, и установить советские флаги [Опрышко 2015: 53].

По приказу командующего Закавказского фронта И. Тюленева, группа советских альпинистов в составе 6 человек (руководители – Н.А. Гусак, Е.А. Белицкий) 13 февраля 1943 года поднялась на западную вершину Эльбруса, а группа из 14 человек (руководитель – А.М. Гусев) 17 февраля – на восточную вершину, сбросили оттуда фашистские штандарты и подняли советские флаги [Опрышко 1976: 138].

Освободительные операции Красной Армии 1943 году характеризуются высоким уровнем подготовки и управления войсками, правильным выбором направлений главного удара, умением создавать и концентрировать резервы.. Успехи Красной Армии объяснялись также значительным опытом советских командиров и солдат, а также растущими возможностями советской оборонной промышленности. Освобождение Кабардино-Балкарии является частью Битвы за Кавказ, завершившейся 10 октября 1943 года изгнанием фашистских войск с Таманского полуострова и сыграло важную роль в общей победе над нацистской Германией.

Список источников

- Гречко 1969 – *Гречко А.А.* Битва за Кавказ. М.: Воениздат, 1969. 563 с.
- Кабардино-Балкария... 1975 – Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов. Нальчик: Эльбрус, 1975. 795 с.
- Лики войны... 1996 – Лики войны: сборник документов и материалов по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нальчик, 1996. 500 с.
- Опрышко 1976 – *Опрышко О.Л.* Заоблачный фронт Приэльбрусья. М: Воениздат, 1976. 149с.
- Опрышко 2015 – *Опрышко О.Л.* Боевые действия на территории Кабардино-Балкарии. Август 1942 – январь 1943 года. Нальчик: Эльбрус, 2015. 288 с.
- Сообщения... 1944 – Сообщения Советского Информбюро. М.: Совинформбюро, 1944. 408 с.
- Хакушев 1983 – *Хакушев Е.Т.* Боевое братство: 1941–1945 гг. Нальчик: Эльбрус, 1983. 167 с.
- Хакушев 1978 – *Хакушев Е.Т.* Кабардино-Балкарская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Нальчик: Эльбрус, 1978. 318 с.

References

- GRECHKO A.A.* *Bitva za Kavkaz*. [Battle for the Caucasus]. Moskva: Voenizdat, 1969. 563 p. (In Russian)
- Kabardino-Balkariya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* [Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War 1941–1945]. IN: *Sbornik dokumentov i materialov. Nal'chik: Ehl'brus, 1975. 795 p.* (In Russian)

Liki vojny. [Faces of War]. IN: Sbornik dokumentov i materialov po istorii Kabardino-Balkarii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.). Nal'chik, 1996. 500 p. (In Russian)

OPRYSHKO O.L. Zaoblachnyj front Priehl'brus'ya [Sky-high front of the Elbrus region]. Moskva: Voenizdat, 1976. 149 p. (In Russian)

OPRYSHKO O.L. Boevye dejstviya na territorii Kabardino-Balkarii. Avgust 1942 – yanvar'1943 g. [Combat operations on the territory of Kabardino-Balkaria. August 1942 – January 1943.]. Nal'chik: Ehl'brus, 2015. 288 p. (In Russian)

Soobshcheniya Sovetskogo Informbyuro [Messages from the Soviet Information Bureau]. Moskva: Sovinformbyuro, 1944. 408 p. (In Russian)

HAKUASHEV E.T. Boevoe bratstvo: 1941–1945 gg. [Combat Brotherhood: 1941–1945]. Nal'chik: El'brus, 1983. 167 p. (In Russian)

HAKUASHEV E.T. Kabardino-Balkarskaya ASSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945) [Kabardino-Balkarian ASSR during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Nal'chik: Ehl'brus, 1978. 318 p. (In Russian)

Информация об авторе

М.Х. Гугова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора новейшей истории.

Information about the authors

M.Kh. Gugova – Candidate of Science (History), Senior Researcher, Contemporary History Sector.

Статья поступила в редакцию 01.12.2023; одобрена после рецензирования 21.12.2023; принята к публикации 26.12.2023.

The article was submitted 01.12.2023; approved after reviewing 21.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья

УДК 811.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-62-70

СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОНТРАСТА В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКИХ ПАРЕМИЯХ: НЕКОНВЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ОППОЗИЦИИ

Дина Мухарбиевна Кумыкова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dina07-09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7985-0144>

© Д.М. Кумыкова, 2023

Аннотация. Статья является продолжением авторских публикаций, посвященных изучению кабардино-черкесских оппозитивных паремических единиц и способов выражения в них контрастивных отношений. Интерес к данной проблеме обусловлен тем, что в условиях лаконичного паремического текста репрезентация базовых ценностных категорий, отражающих национально-культурную картину мира народа-носителя языка, происходит через объективацию сущности одного явления путем сопоставления с другим. Именно контраст, как принцип оппозитивной организации структуры текста, является одним из наиболее ярких паремических маркеров, способствующих достижению основных прагмакогнитивных функций паремий.

Показано, что система контрастообразующих средств в кабардино-черкесских паремиях отличается большим разнообразием и имеет полевою структуру, в которой выделяются ядерная зона и периферия. Ядерную зону лексико-семантического поля контраста образуют наиболее стабильные и репрезентативные средства передачи контраста – конвенциональные оппозиции, которые стабильно воспринимаются носителем языка как выражение противоположных понятий. В статье детально рассматриваются особенности выражения контрастивных отношений посредством неконвенциональных оппозиций, которые составляют зону периферии лексико-семантического поля контраста. К ним относятся квазиантонимические (неточные антонимы), квазиконверсивные корреляции (неточные конверсивы), гипо-гиперонимические и коннотативные оппозиции.

Эмпирической базой исследования послужили оппозитивные кабардино-черкесские пословичные паремии, извлеченные методом сплошной выборки из сборников адыгских пословиц, изданных в разные годы З. Кардангушевым, А. Гукемухом, Л. Гуговой.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, контраст, паремия, неконвенциональные оппозиции, квазиантонимы, квазиконверсивы, рифмопары, коннотативные противопоставления.

Для цитирования: Кумыкова Д.М. Средства создания контраста в кабардино-черкесских паремиях: неконвенциональные оппозиции // Вестник КБИГИ. 2023. № 4 (59). С. 62–70. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-62-70

Original article

MEANS OF CREATING CONTRAST IN KABARDIAN-CHERKASSIAN PAREMIA: NON-CONVENTIONAL OPPOSITIONS

Dina M. Kumykova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dina07-09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7985-0144>

© D.M. Kumykova, 2023

Abstract. The article is a continuation of the author's publications devoted to the study of Kabardian-Circassian oppositional paremic units and ways of expressing contrastive relations in them. Interest in this problem is due to the fact that in the conditions of a laconic paremic text, the representation of basic value categories that reflect the national-cultural picture of the world of the native people of the language occurs through objectification of the essence of one phenomenon by comparison with another. It is contrast, as the principle of oppositional organization of the structure of the text, that is one of the most striking paremic markers that contribute to the achievement of the basic pragmatic functions of proverbs.

It is shown that the system of contrast-forming means in Kabardian-Circassian paremias is very diverse and has a field structure in which the core zone and the periphery are distinguished. The core zone of the lexical-semantic field of contrast is formed by the most stable and representative means of conveying contrast - conventional oppositions, which are stably perceived by a native speaker as an expression of opposing concepts. The article examines in detail the features of expressing contrastive relations through non-conventional oppositions, which constitute the periphery zone of the lexical-semantic field of contrast. These include quasi-antonymic (inexact antonyms), quasi-conversive correlations (inexact conversions), hypo-hyponymic and connotative oppositions.

The empirical basis of the study was the oppositional Kabardian-Circassian proverb paremias, extracted by a continuous sampling method from collections of Adyghe proverbs published in different years by Z. Kardangushev, A. Gukemukh, L. Gutova.

Keywords: Kabardian-Circassian language, contrast, paremia, non-conventional oppositions, quasi-antonyms, quasi-conversions, rhyme pairs, connotative oppositions.

For citation: Kumykova D.M. Means of creating contrast in Kabardian-Circassian proverbs: non-conventional oppositions. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 4 (59): 62–70. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-62-70

Пословицы и поговорки в силу таких жанровых особенностей, как лапидарность и отточенность формы, четкость содержания и высокая степень экспрессивности, строятся с использованием самых эффективных средств выразительности речи, способствующих реализации их основных коммуникативно-прагматических функций. По мнению многих исследователей, репрезентация базовых ценностных категорий, отражающих национально-культурную картину мира носителя языка, в условиях лаконичного паремического текста происходит через объективацию сущности одного явления путем сопоставления с другим. Выдающийся ученый-паремиолог Г.Л. Пермяков в числе первых обратил внимание на тот факт, что яркой особенностью паремий является моделирование потенциальной ситуации по типу бинарных противопоставлений: будущее – прошедшее, впереди – сзади, долго – недолго, внутри – снаружи и т.д. [Пермяков 1975]. В специальной литературе отмечалось, что принцип контраста, выступая инструментом выдвижения значимой информации в тексте, акцентирует «внимание на определенных моментах сообщения, подчеркивая их противоречивость и несовместимость» [Андреева 1984]; он тесно связан «с перлокутивной силой пословицы, так как следование данному принципу активизирует у адресата речи личностное отношение, воздействует не только на ум, но и на чувства» [Бочина 2003: 18].

Настоящая статья является продолжением авторских публикаций, направленных на изучение кабардино-черкесских оппозитивных паремических единиц (ПЕ) и лексических средств выражения в них контрастивных отношений.

Исследуемый материал извлечен методом сплошной выборки из сборников кабардино-черкесских пословиц разных лет: [Адыгэ псалъэжъхэр... 1965], [Адыгэ псалъэжъхэр... 1967], [Адыгэ псалъэжъхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ... 2016].

Анализ способов реализации принципа контраста в кабардино-черкесских паремических единицах продемонстрировал асимметричность степени выраженности противопоставления в ПЕ и подтвердил полевую организацию системы языковых средств, участвующих в создании контраста. Очевидно, что ядерную зону лексико-семантического поля контраста (ЛСПК) кабардино-черкесских оппозитивных ПЕ образуют наиболее стабильные и репрезентативные средства передачи контраста – конвенциональные оппозиции, которые воспринимаются практически любым носителем языка как выражение противоположных понятий. К ним относятся языковые антонимы (типа *узкий – широкий, новый – старый* и под.), конверсивы (такие как: *отец – мать, покупать – продавать*), утвердительно-отрицательные глагольные оппозиции (типа *иметь – не иметь*). Например: *Гупэ зэв, джей быхьу «Губы узкие, а глотка широкая»* (здесь и далее приводится буквальный перевод паремий – К.Д.); *Гухэхьуэ щІэщ, гухэщІ жьыщ «Радость нова, горе старо»; Анэр нэм хуэдэщ, адэр дэм хуэдэщ «Мать глазам подобна, отец ореху подобен»; Пыцы зыфІэщыцым пыцылІ къыпфІещ «Кого князем назовешь, тот тебя холопом назовет»; Акъылыр ящэркъым икІи къащэхуркъым – зыхальхъэ «Разум не продают и не покупают, его обретают»; Нанэ зимыІэм дзажэпкъ иІэщ «Кто не имеет совести, тот имеет (крепкие) ребра»* (Тот у кого нет совести, везде может вырвать себе лакомый кусок); *БгитІыр зэІущІэркъым, цІыхуитІыр зэІуоущІэ «Две горы не сходятся, а два человека сходятся (встречаются)»* [Кумыкова 2023: 63–70].

Зона периферии лексико-семантического поля контраста отличается большим разнообразием типов контрастирующих компонентов и меньшей степенью однородности. Ее создают неконвенциональные оппозиции, члены которых не имеют регулярного противопоставления в языке, но в определенных контекстуальных или экстралингвистических условиях реализуют семантику противоположности. Так, зоонимы *уаихэ – дыгъужь «барсук – волк»* противопоставляются только в составе ПЕ *ЛэжьэнкІэ уаихэщ, ихэнкІэ дыгъужьщ «В работе – барсук, а в еде – волк»*, где метафорические образы используются для контрастной характеристики по признаку *ленивый – активный*: барсук символизирует лень, неповоротливость, а волк, в данном случае, – активность, ненасытность. В ПЕ *УщІалэмэ щІалэ хуэдэу щыт, удадэмэ дадэ хуэдэу щыт «Если ты молодой, будь как молодой человек (парень), если ты дед, будь как дед»* противопоставление обеспечивается оппозицией *щІалэ – дадэ «молодой – старик»*, которая семантически соотносится с точными антонимами *щІалэ – жьы, щІалэ – лыжьь*, однако в силу стилистического и грамматического расхождений оппозитивов переходит в категорию квазиантонимических, неточных (приблизительных) антонимов.

Приведенные примеры наглядно иллюстрируют разнородность контрастующих средств в кабардино-черкесских оппозитивных ПЕ, что, как нам представляется, позволяет структурировать периферию ЛСПК и условно выделить ближнюю и крайнюю периферию.

Рассмотрим более детально состав и особенности выражения контрастивных отношений посредством неконвенциональных оппозиций.

К ближней периферии средств выражения контраста относятся квазиантонимические (неточные антонимы) и квазиконверсивные корреляции (неточные конверсивы).

Л.А. Новиков отмечает, что «семантически неоднородные, несоразмерные, несимметричные лексические единицы... стилистически разнородные,

разновременные и другие противопоставления... подобно истинным лексическим противоположностям» являются важнейшим средством выражения контраста и связанных с ним других значений [Новиков 1982: 255]. В силу этих свойств квазиантонимы «образуют лишь приблизительную и редко воспроизводимую противоположность» [Новиков 1985: 27].

В семантически асимметричных квазиантонимических корреляциях противочлены различаются семантическим компонентом, входящим в смысловую структуру одного из них, либо стилистической принадлежностью этой лексемы. Например: *Бзаджэ пцлау флы ущымыгузъ* «Совершив зло, на **хорошее** не надейся» (ср. вариант с точными антонимами: *Ией пцлау флы ущымыгузъ* «Совершив **плохое**, на **хорошее** не надейся»); *Бзаджэ пцлэныр лыгъэкъым, лыгъэр флы пцлэныриц* «Творить **зло** не достоинство, достоинство – творить **хорошее**»; *Шы дахэ мыжэ нэхэрэ, шы гуабжэ жэр* «Чем конь **красивый** и не быстроногий, лучше конь **серый** (в значении *невзрачный*), но резвый»; *Уцлалэмэ цлалэ хуэдэу щыт, удадэмэ дадэ хуэдэу щыт* «Если ты **молод**, будь как молодой, если ты **дед**, будь как дед»; *Напэншэ нэхэрэ накъэнакъэ* «Чем **бессовестный**, лучше **уродливый на лицо**» (построено на семантике корня слова «*напэншэ*» – букв.: не имеющий лица).

Следует отметить, что использование квазиантонимических противопоставлений способствует усилению контраста и образной выразительности высказывания. Так, в ПЕ *Биижъ благъэ хъуркъым, благъэжъ бий хъуркъым* «**Давний враг родней** не становится, **давняя родня врагом** не становится» асимметричные корреляции (*биижъ* – *благъэ* «давний враг – родня», *благъэжъ* – *бий* «давняя родня – враг»), поддерживаемые также стилистической окрашенностью одного из противочленов (*биижъ* «давний враг», *благъэжъ* «давняя родня»), более репрезентативны для реализации перлокутивных и регулятивных функций данной паремии, чем если бы в нее была введена конвенциональная оппозиция *бий* – *ныбжъэгъу* «враг – друг».

Грамматические квазиантонимические корреляции представлены межчастечными квазиантонимами, асимметричность семантической структуры противочленов которых обусловлена совмещением семантики контрарности лексических единиц и категориального грамматического значения – предметности, атрибутивности, процессуальности и т.д.: *Ныбжъэгъум заницлэу къыбжылэниш, бийм уи щыбклэ щигъэуниц* «Друг **прямо** скажет, враг за **твоей спиной** будет судачить»; *Нэрылгагъу щытхъур щыбагырыубиц* «**Явная лесть** – (означает, что) **скрыто ругают**».

Квазиантонимические оппозиции могут создаваться моделями со словосочетаниями и устойчивыми сочетаниями слов по типу «слово – словосочетание»: *Ущыцлалэм умугъуеяр лыжъ ухъуа нэужъ уугъуеижкъым* «Что не обрел, пока **молодой**, стариком станешь – уже не обретешь»; *Акъыл зилэм и луэхур махуищи, акъылынишэм и махуэ махуищиц* «Дело **умного** в три дня решается, а день **глупца** – это сто дней»; *Акъыл зилэм уеуциймэ, флыцлэ къытхуищыныц, акъылынишэм ауан укъыищыныц* «**Умного** наставляешь – он отблагодарит, **глупого** – он над тобой посмеется»; *Акъылынишэр уифл нэхэрэ акъыл зилэр уи бийм нэхъыфлиц* «Чем быть в дружбе с **глупым**, лучше быть во вражде с **умным**».

Квазиконверсивные оппозиции, выражающие противоположные стороны в социальных или родственных отношениях людей, типа *анэ* – *бын* «мать – дети», *анэ* – *пхъу* «мать – дочь», *адэ* – *къуэ* «отец – сын», (ср. с конверсией *родители* – *дети*), *пхъу* – *къуэ* «дочь – сын», *пхъу* – *нысэ* «дочь – невестка», *дэлъху* – *шытхъу* «брат – сестра», обычно формируют поверхностную семантику оппозитивной ПЕ. Так, поверхностная семантика ПЕ, реализуемая квазиконверсивами *адэ* – *къуэ* «отец – сын» и *анэ* – *пхъу* «мать – дочь» в пословице *Къуэ бзаджэм адэм хъуэн къыхуехъ, пхъу бзаджэм анэм хъуэн къыхуехъ* «Плохой **сын** приносит упрек **отцу**, плохая **дочь** – упрек **матери**», основана на гендерной преемственности. Глубинная же семантика ПЕ базируется на противопоставлении «истинных» конверсивов

адэ-анэ – *бын* «родители – дети»: «плохие/ невоспитанные *дети* – наказание для *родителей*». Приведем еще примеры употребления квазиконверсивных оппозиций в ПЕ: *И анэ еплъи ипхъу къашэ* «Посмотри на *мать* и женись на *дочери*»; *И адэ еплъи и къуэ дэклъэ* «Посмотри на *отца* и выходи (замуж) за его *сына*»; *Къуэр напщлэщ, пхъур набдзэщ* «*Сын* что надбровье, *дочь* что бровь»; *Къуэр унэм и пкъош, пхъур унэм и щлэращлэщ* «*Сын* – столб (остов) дома, *дочь* – украшение дома»; *Дэлъхум и Ыхъэр шыпхъум* ехъ «*Сестра* забирает из доли *брата*»; *Шыпхъум и гур дэлъхумкIэ* гъэзащ «Сердце *сестры* обращено к *брату*».

Широкую представленность в кабардино-черкесском паремическом фонде квазиконверсивной корреляции *пхъу* – *нысэ* «дочь – невестка» можно рассматривать как национально-культурную особенность, обусловленную, с одной стороны, традиционными внутрисемейными взглядами и установками в адыгском обществе, в том числе обычаем избегания, а с другой стороны, возможностью аллегорически выражать прескриптивные сентенции, которую предоставляет жанр пословицы: *Уи нысэ уигу ебгъамэ, уипхъу ешхыдэ* «*Невестка* разозлит (если) – ругай *дочку*»; *Нысэм зэхихъу уи пхъум еуише* «Поучай *дочь* так, чтобы *невестка* слышала»; *Уипхъу зэрысрэ уи нысэ и дыщрэ* «*Дочери* родня (по мужу) и *невестки* родительский дом»; *БжызоIэ, сипхъу, зэхэщлыкI, си нысэ* «Говорю тебе, *дочь*, прислушайся, *невестка*»; *Пхъур зэрыбгъасэщ, нысэр зэресасщ* «*Дочь* – как приучишь, *невестка* – как приучена»; *Гъатхэ дыгъэ си нысэ типси, бжыхъэ дыгъэ сипхъу типсэ* «Пусть весеннее солнце на *невестку* мою светит, а осеннее – на *дочь* мою»;

Крайнюю периферию ЛСПК образуют гипо-гиперонимические оппозиции и различные коннотативные противопоставления, имеющие ассоциативную природу. По мнению Т.Г. Бочинной, «видо-видовым оппозициям в пословицах и поговорках принадлежит особое место в связи с преобладанием в составе народных изречений конкретной лексики, что является одной из важнейших характеристик жанра паремий», поскольку именно конкретная лексика является «строительным материалом» языковой картины мира, вербально выражая коды культуры» [Бочина 2022: 42].

В исследуемом материале представлены разнообразные гипо-гиперонимические оппозиции, например:

– предметный: *Іэмбатэ зэрымытым Іэтэ ирегъувэ* «Там, где нет и *охапки* (сена) ставит *стог*»; *Джанэ нэхърэ гъуэнишэдэ нэхъ благъэщ* «Чем *рубашка, брюки* ближе (в значении «важнее»);

– пищевой: *Зи мырамысэ зыхуэмыщлыжыр гъунэгъум жэмыкуащлэ маклэу* «Тот, кто себе мамалыгу не может приготовить, идет к соседу (помогать) готовить жамука» (жамука - адыгское национальное блюдо на основе сметаны, кукурузной муки и брынзы); *Жагъуэгъум и кланэ нэхърэ ныбжъэгъум и хъудырыпс* «Чем *курдюк* у врага (есть), лучше *похлебку* у друга (хлебать)»; *Жьым щхъэ ядэиш, щлэм льяккъуэ ядэиш* «Со старшими умей *голову* есть, с младшими умей *ножку* есть» (Умей ладить как со старшими, так и с младшими. Согласно адыгской традиции, голова (правая половина головы) животного подается на стол как доля старшего, а ножки – как доля младшего);

– зооморфный: *Бажэм сишх нэхърэ дыгъужьым среиш* «Чем *лиса*, пусть лучше *волк* меня съест»; *Дыгъужьыдзэ Іутищ, бажэклэ пытищ* «Зубы *волчьи*, а хвост *лисий*»; *Шхэгъуэм дыгъужьыщ, лажъэгъуэм жьындуищ* «Во время еды (он) *волк*, а во время работы – *сова*»; *Лэжъэнклэ уаишхэщ, шхэнклэ дыгъужьыщ* «В работе – *барсук*, а в еде – *волк*»; *Мэл зыхэвэ нэхърэ бжэн зыхэпклэ* «Чем то, в чем варится *баран*, лучше то, куда *козел* прыгнул» (бульон из козлятины лучше, полезнее, чем бульон из баранины); *Хьэр шынэмэ, и клэр и бэкъум декъузэ, джэдуур шынэмэ, и клэр еIэт* «*Собака*, если пугается, хвост зажимает между ног, а *кошка*, если пугается, задирает хвост».

Часто неконвенциональные оппозиции используются наряду с языковыми, что усиливает семантику контраста: ср. паремийный бином *хьэ – джэду* «кошка – собака» и антонимическую оппозицию *хуцхьуэ – цхьхьхь* «лекарство – яд» в ПЕ **Хьэм** и *бзэгу хуцхьуэци, джэдум и бзэгу цхьхьхьц* «У **собаки** язык что лекарство, а у **кошки** язык – что яд». Пословичная паремия *Джэдумрэ фызымрэ унэгуаццэци, хьэмрэ лымрэ ныбгьуаццэц* «Кошка с женщиной – домашние хозяйки, а собака с мужчиной – охотники за перепелами» полностью построена на принципе контраста: здесь наряду с конвенциональной, конверсивной оппозицией *лы – фыз* «муж – жена», выступают неконвенциональные противопоставления *джэду – хьэ* «кошка – собака» и *унэгуацэ – ныбгьуацэ* «домашняя хозяйка – охотник за перепелами». Причем последняя оппозиция создается рифмопарой *унэгуацэ – ныбгьуацэ*. Вообще рифма, выполняя мнемоническую функцию, нередко выступает в паремиях уникальным средством реализации контрастивной семантики. Так, в ПЕ **Хабзэр** *сццэ цхьэкцэ, ирабзэр сццэццэцкьым* «Хоть и знаю обычаи [закон], но не располагаю [обивкой]» представлена пара *хабзэ – ирабзэ* «закон – обивка», образующая необычную метафору, основанную не на внешнем или функциональном сходстве предметов, а именно на рифменном сходстве номинирующих их слов.

Большую группу составляют ПЕ с соматическими оппозициями: *Жьэкцэ маисэцц, Экцэ сэмэгущ* «На **язык** (букв. рот) острый, а на **руку** – левша»; *Жьэрыццэ Эпцэадэ* «Красноречивый, но криворукий»; *И деж укцэцмэ, паццэ лалэцц, уи деж къакцэцмэ, паццэ задэц* «Идешь к нему - у него **усы обвислые** (к низу), идет к тебе – у него **усы задраны** (к верху)».

При противопоставлении соматизмов и контрастном отражении их символических значений, внутренние формы паремий становятся более яркими и рельефными. Оппозиции некоторых соматизмов отличаются большей частотностью в паремическом фонде. Так, противопоставление *нэ – гу* «глаза – сердце» основано на представлении о способах познания мира: с помощью глаз человек созерцает мир, ориентируется в пространстве, а сердцем, которое выступает средоточием мудрости и разума, обрабатывает полученную информацию: *Нэфым и нэм хихар и гум хельхьэж* «То, что забрал у **глаз** слепого, отдает его **сердцу**»; *Нэм и узыр нахуэци гум и узыр ццэхуц* «Болезнь **глаза** очевидна, болезнь **сердца** скрыта»; *Нэм пэжыжьэми гум пэблагьэц* «Хоть от **глаза** далеко, но к **сердцу** близко».

Инвариантными в разных культурах являются соматические оппозиции, связанные с архетипическими противопоставлениями

«верх – низ»: *Щхьэм имьтмэ, льякьуэм и мыгьуагьэц* «Если **голова** пустая, **ногам** тяжело» (ср. рус. Дурная голова ногам покоя не даёт); *Льанэццэ хьыфцэбдзэр (хьыфцэпхуэр) дзанэццэ къэццэцэжыниц* «То, что **носком** **ноги** пинаешь, **кончи́ками** **зубов** поднимать будешь»;

«передний – задний»: *Щыбырыхь нэхьрэ ныбэ хьэлээ* «Чем (тяжелая) ноша за **спиной**, лучше тяжелый **живот**»;

«внутренний – внешний»: *Зи цхьэр къабзэ, зи гур бзаджэ* «У кого **голова** чистая, а **сердце** злое»; *Нэм и узыр нахуэци гум и узыр ццэхуц* «Болезнь **глаза** очевидна, болезнь **сердца** скрыта»; *Нэм пэжыжьэми гум пэблагьэц* «Хоть от **глаз** далеко, но к **сердцу** близко»; *Нэфым и нэм хихар и гум хельхьэж* «То, что забрал у **глаз** слепого, отдает его **сердцу**»; *И гур пхээ цхьэкцэ, и льэр пхэм дэнац* «Хоть **сердце** и стремится, но **ноги** застряли в дровах»; *Уи гур зыхуэлэм уи Эр льоцэс* «К чему **сердце** стремится, **рукой** достаешь»; *Зи нэгу къабзэм и гури къабзэц* «У кого **лицо** чистое (построено на аналогии *нэгу – напэ* «совесть»), у того и **сердце** чистое».

Положение о диалектическом разделении всего многообразия ценностей на полярные группы («ценности – анти-ценности») и признание потенциальной возможности для любого слова с положительной коннотацией составить оппозицию лексеме с негативной семантикой, ярко реализуется в паремическом дискурсе.

К примеру, в ПЕ *Уэдыр Лушэци пиэрыр дахэц* «Худое **криво**, а жирное **красиво**» приводится неконвенциональная оппозиция *Лушэ – дахэ* «кривой – красивый» (ср. с узуальными оппозициями *Лушэ – захуэ* «кривой – прямой» и *дахэ – лей* «красивый – некрасивый»), основанная на восприятии кривого как некрасивого.

Контрастная семантика может создаваться оппозициями, в основе которых – образные ассоциативные параллели: *Ныбжэзгэу хуэдэ мээклуэ, дыгужэ хуэдэ мэдзактэ* «Ведет себя как **друг**, кусает (тебя) как **волк**»; *Чы щыкІэ умыгэшыр бжэзгэу хьумэ, пхуэгэшыжыркъым* «Если не согнул, пока был **прутом**, не согнешь, когда станет **колом**» (Кого не воспитали в детстве, по молодости, того невозможно перевоспитать в зрелом возрасте); *Чыри бгэкІмэ бжэзгэу мэхуэ* «И **прут**, если его растить, становится **колом**» (И юность достигает старости); *Къуажэ ив нэхрэ, къуажэ илІ* «Чем с каждого селения по **быку**, лучше в каждом селении по **товарищу**» (Ср. русский эквивалент: Не имей сто рублей, а имей сто друзей).

Подобную семантическую полярность наблюдаем и у лексем количественной оценки: любое слово с семой «мало», «маленький», может быть противопоставлено лексеме с компонентом «много», «большой». Так, в ПЕ *Зы лыр джэдыгуибгурэ либгур джэдыгуншэу* «Один (имеющий) **девять тулугов**, и **девять мужчин, не имеющих (ни одного) тулуга**» компоненты *джэдыгуибгэу – джэдыгуншэ* используются, соответственно, для обозначения наличия большого количества и полного отсутствия чего-либо.

Вообще самой репрезентативной группой являются оппозиции с нумеративными компонентами: *Пицицэ нэхрэ зы нэж* «Чем **сто** неправд, лучше **одна** правда»; *Акъыл зилэм и Луэхур махуициц, акъылышэм и махуэ махуициц* «Дело умного **в три дня** решается, а день глупца – **сто дней**»; *Зы зымылэм выжыитІ илэт* «Не имеющий ни **одного** (ничего) имел **двух** волов»; *ЛитІ мыхъумыщІэ нэхрэ зылІ хъуацІа* «Чем **двое** бестолковых, лучше **один** толковый».

Наиболее часто в кабардино-черкесских паремиях в бинарной оппозиции оказываются нумеративы *зы – цэ* «один – сто», где последнее выражает неопределенное множество [Балова, Кумыкова 2005]: *Щэ уэстын, цэ я уасэу зы уэстын?* «Дать тебе **сто** (или) **одного**, достойного ста?»; *Щым зы ептмэ, цэ къуетыж* «Земле **одно** дашь, она возвращает **сто**»; *Зы акъыл нэхрэ акъылицэ* «**Сто** умов лучше **одного**» (ср. русский эквивалент *Ум хорошо, а два лучше*); *Унэрыс зы бий нэхрэ унэщІыб бицицэ* «Чем **одного** врага в доме, лучше иметь **сто** врагов вне дома»; *Зы бын зилэми быницицэ зилэми зэхуэдэу яльагэу* «И имеющий **одного** ребенка, и имеющий **сто** одинаково (их) любят»; *Щэрэ зэхэпх нэхрэ зэ плъагэумэ нэхъыфІщ* «Чем **сто** раз услышать, лучше **один** раз увидеть»; *Зы кхъужэ фам кхъужыцицэ егъэф* «**Одна** гнилая груша испортит **сто** других груш».

Регулярны в паремиях противопоставления номинативов *один – два, один – три*: *Зы шум шууитІыр и дзэц* «Для **одного** всадника **два** всадника – войско»; *Зым ищІэр цэхуци, тІум ящІэр нахуэц* «Что знает **один** – секрет, что знают **двое** – не секрет»; *Шыхъужыыр зэ лэгэуэци, къэрабгээр тІэу лэгэуэц* «Герой умирает **один** раз, а трус умирает **дважды**»; *Жыжэм тІэу сыщыллі, благэм зэ сыщымыллэкІэ* «букв. Вдали **дважды** пусть умру, а вблизи и **один** раз пусть не умру»; *Мацэм зэ ихуэр набгээци, тІэу ихуэр нэфц* «Попавший **один** раз в яму близорук, попавший **два** раза – слеп» (ср. адыгейский вариант с оппозицией *один – три*: *А зы нэрыбгэм ицэ уигъацІэмэ – удэл, а зы мацэм ицэ уифэмэ – унэшэу* «**Один** человек **трижды** если тебя обманет – ты глуп, в **одну** и ту же яму **трижды** если упадешь – ты слеп»); *Зэ лэпэрэпэр ицэ мэлэпэрэпэрэ* «Споткнувшийся **один** раз споткнется **трижды**».

Оппозиция *один – семь*: *Зы бажэм дыгужыибл къегъацІэ* «**Одна** лиса **семерых** волков обманывает», *Блэ егъацІи, зэ ныуциІ* «**Семь** раз померь, **один** раз отрежь» [Хежева 2016: 122'–128].

Оппозиции *один – девять*: *Бгъуэ егъапци зэ пьуци* «Девять раз отмерь, **один** раз отрежь»; *Бгъуэ вауэ зи щыпэвэ* «Девять раз вспахав, пашет как **первый** раз».

Ср. также оппозиции порядковых числительных *япэ* – *етлуанэ*: *Япэ къапиэр уи физиц*, *етлуанэу къапиэр уи къапиц* «**Первый** раз приводишь жену, а **второй** раз – воспитанницу»; *Щыпэллыр щытэнэхуци*, *етлуанэллыр Гулэ Гуданэц* «**Первый** муж – первый свет, а **второй** муж – нитка для наметки».

Таким образом, в кабардино-черкесских пословицах используются разнообразные средства выражения контраста, которые имеют полевую структуру и в зависимости от языковой репрезентативности делятся на ядерную и периферийную зоны. Ядро образуют конвенциональные оппозиции, стабильно воспринимающиеся в языке как выражение противоположных понятий: языковые антонимы, конверсивы, утвердительно-отрицательные глагольные оппозиции. Периферию, в которой различаются ближняя и крайняя зоны, составляют неконвенциональные оппозиции, реализующие семантику противоположности лишь в определенных контекстуальных или экстралингвистических условиях. На ближней периферии располагаются семантически и грамматически асимметричные квазиантонимы и квазиконверсивы, крайнюю периферию занимают гипо-гиперонимические оппозиции и различные коннотативные оппозиции, имеющие ассоциативную природу.

Список источников

Адыгэ псалъэжхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ... 2016 – *Адыгэ псалъэжхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ (абыхэм я мыхъэнэр гъэщыпкъауэ)* / зэхэзылтхъар Л.И. Гъут. Налшык: ИГИ КБНЦ РАН-м и тхылъ къыдэгъэкӀынымкӀэ и къудамэ, 2016. 364 н. (Адыгские пословицы и поговорки (с их толкованиями) / сост. Л.А. Гутова. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2016. 364 с.

Адыгэ псалъэжхэр... 1965 – *Адыгэ псалъэжхэр*. Т. 1. (Адыгские пословицы и поговорки. Сост. А. Гукемух, З.Кардангушев). Налшык, 1965.

Адыгэ псалъэжхэр... 1967 – *Адыгэ псалъэжхэр*. Т. 2. (Адыгские пословицы и поговорки. Сост. А. Гукемух, З.Кардангушев). Налшык, 1967.

Андреева 1984 – *Андреева Г.В.* Языковое выражение контраста и его стилистические функции в художественной прозе (на материале английского языка) / Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Л., 1984. 185 с.

Балова, Кумыкова 2005 – *Балова И.М., Кумыкова М.М.* О символике числа «один» в кабардинских паремиях // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2005. № 3 (12). С. 77–79.)

Бочина 2003 – *Бочина Т.Г.* Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы: Автореф. ... диссерт докт. филол. наук. Казань, 2003. 50 с.

Кумыкова 2023 – *Кумыкова Д.М.* Средства создания контраста в кабардино-черкесских паремиях. Конвенциональные оппозиции // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2023. № 3 (58). С. 63–70. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-63-70

Новиков 1985 – *Новиков Л.А.* Русская антонимия и ее лексикографическое описание // Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. М., 1985.

Пермяков 1975 – *Пермяков Г.Л.* К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору: Сб. ст. памяти В.Я. Проппа. М., 1975. С. 247–274.

Хежева 2016 – *Хежева М.Р.* Устойчивые выражения с числительными в словарях кабардино-черкесского языка // В сборнике: Адыгская (черкесская) лексикография: теория и практика. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. С. 122–128.

References

Adyge psal»ezh'hemre psal»e sheryuekhemre (abyhem ya myh'ener g»eshchypk»aue). (Adygskie poslovicey i pogovorki (s ih tolkovaniyami) [Adyghe proverbs and sayings (with their

interpretations]: sost. L.A. Gutova. Nal'chik: Izdatel'skij otdel IGI KBNC RAN, 2016. 364 p. (In Russian and In Kabardino-Circassian)

Adyge psal'ezh'her. T. 1. (Adygskie poslovicy i pogovorki. Sost. A. Gukemuh, Z. Kardan-gushev) [Adyge proverbs and sayings]. Nalshyk, 1965. (In Kabardino-Circassian)

Adyge psal'ezh'her. T. 2. (Adygskie poslovicy i pogovorki. Sost. A. Gukemuh, Z. Kardan-gushev) [Adyge proverbs and sayings]. Nalshyk, 1967. (In Kabardino-Circassian)

ANDREEVA G.V. *Yazykovoe vyrazhenie kontrasta i ego stilisticheskie funkicii v hudozhestvennoj proze (na materiale anglijskogo yazyka)* [Linguistic expression of contrast and its stylistic functions in fiction (based on the material of the English language)]. Diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. L., 1984. 185 p.

BALOVA I.M., KUMYKOVA M.M. *O simbolike chisla «odin» v kabardinskih paremiyah* [On the symbolism of the number “one” in Kabardian proverbs]. IN: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2005. № 3 (12). P. 77–79. (In Russian)

BOCHINA T.G. *Kontrast kak lingvokognitivnyj princip russkoj poslovicy* [Contrast as a linguocognitive principle of a Russian proverb]: Avtoref....dissert dokt. filol. nauk. Kazan', 2003. 50 p. (In Russian)

KUMYKOVA D.M. *Sredstva sozdaniya kontrasta v kabardino-cherkesskih paremiyah. Konvencional'nye oppozicii* [Means of creating contrast in Kabardino-Circassian proverbs. Conventional oppositions]. IN: *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnyh issledovanij*. 2023. № 3 (58). P. 63–70. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-3-58-63-70 (In Russian)

NOVIKOV L.A. *Russkaya antonimiya i ee leksikograficheskoe opisanie* [Russian antonymy and its lexicographic description]. IN: L'vov M. R. *Slovar' antonimov russkogo yazyka* [Dictionary of antonyms of the Russian language]. Moskva, 1985. (In Russian)

PERMYAKOV G.L. *K voprosu o strukture paremiologicheskogo fonda* [On the question of the structure of the paremiological fund]. IN: *Tipologicheskie issledovaniya po fol'kloru: Sb. st. pamyati V.YA. Proppa*. M., 1975. P. 247. 274. (In Russian)

HEZHEVA M.R. *Ustojchivye vyrazheniya s chislitel'nymi v slovaryah kabardino-cherkesskogo yazyka* [Set expressions with numerals in dictionaries of the Kabardian-Circassian language]. IN: *Adygskaya (cherkesskaya) leksikografiya: teoriya i praktika*. Nal'chik: Izdatel'skij otdel KBIGI, 2016. P. 122–128. (In Russian)

Информация об авторе

Д.М. Кумыкова – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

D.M. Kumykova – Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Senior Researcher, Department of Kabardino-Circassian Language.

Статья поступила в редакцию 18.10.2023; одобрена после рецензирования 11.11.2023; принята к публикации 26.12.2023.

The article was submitted 18.10.2023; approved after reviewing 11.11.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья

УДК 81'1

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-71-76

**«БЗЫЛЬХУГЪЭ» КОНЦЕПТЫМ ИДЖЫРЕЙ КЪЭБЭРДЕЙ-ШЭРДЖЭСЫБЗЭМ
ЩИГЪУЭТА ЗЫУЖЬЫНЫГЪЭР
(лъэпкъ афористикэмрэ паремиологиэмрэ я шапхъэхэмкIэ)**

Къуэдзокъуэ Заретэ Валерэ инхъу

Гуманитар къэхутэныгъэхэмкIэ институт – Федеральнэ къэрал бюджет шIэныгъэ IуэхушIапIэ «Урысейм шIэныгъэхэмкIэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр шIэныгъэ центр» Федеральнэ шIэныгъэ центрым» и филиал, Налшык, Урысей, zara7belle@mail.ru, orcid.org/0000-0001-8873-0478

© Къуэдзокъуэ З.В., 2023

Аннотаци. Статъяр зытеухуар «Бзыльхугъэ» концептым лъэпкъ шэнхабзэмрэ бзэщIэныгъэмрэ щигъуэта зыужьыныгъэр гъэбелджылынырщ. Лэжыгъэм и мурад нэхьыщхъэр адыгэ бзыльхугъэм и теплъэм, хьэл-шэным, и зэхэщIыкI-гупсысэм и щхъэхуэныгъэхэр бзэм кызыршыщыгъэлыгъуар убзыхунырщ. Абы ипкъ иткIэ зэхуэтхъэсащ икIи зэпкърытхаш адыгэ псалъэжхэмрэ жылэгъуэхэмрэ, лъэпкъ афористикэм и шапхъэ зыбжанэ, апхуэдэуи адыгэ хъуэхъужьхэм дыхэплъаш. Лэжыгъэм и шIэщыгъуагъыр зыхэлъэгъуапхъэр «Бзыльхугъэ» концептыр адыгэ бзэщIэныгъэм нэгъэсауэ джа зэрышымыхъуарщ. Лъэпкъымрэ бзэмрэ зауужьыху, абыхэм захъуэкIыныгъэ зэхуэмыдэхэр ягъуэтыху, сыт хуэдэ концептми зехъуэж, абы и мыхъэнэгъэнахуэ псалъэхэм, псалъэ зэпхахэм, псалъэухахэм, псалъэжхэм, псалъэ шэрыуэхэм, фразеологизмхэм я бжыгъэм хохъуэ. Ди къэхутэныгъэм кызырригъэлыгъуапхэмкIэ, иджырей къэбэрдей-шэрджэс бзэщIэныгъэм «Бзыльхугъэ» концептым зыужьыныгъэ ин щигъуэтащ. Лъэпкъ зэхэщIыкIым кызырритIасэмкIэ, абы (концептым) и пкъыгъуэ нэхьыщхъэхэр мыращ: теплъэр, гъэсэнныгъэр, хьэл-шэныр, акъылыфагъэр, бгъэдэль шIэныгъэр.

ЕдгъэкIуэкIа къэхутэныгъэм ипкъ иткIэ дызыхуэкIуа гупсысэхэр яхуэщхъэпэнуш нэгъуэщI концептхэмкIэ шIэныгъэ лэжыгъэ зытххэм, къэбэрдей-шэрджэсыбзэр зыджхэмрэ езыгъэдджхэмрэ, адыгэм и дуней лъагъукIэм, шыIэкIэ-псэукIэм щыгъуазэ зыхуэзыщIыну хуей дэтхэнэ зыми.

Зэрыгуазэн псалъэхэр: къэбэрдей-шэрджэсыбзэ, бзыльхугъэ, концепт, афористикэ, псалъэж, жылэгъуэ

Цитатэ кызыррыхъыну: Къуэдзокъуэ З.В. «Бзыльхугъэ» концептым иджырей къэбэрдей-шэрджэсыбзэм щигъуэта зыужьыныгъэр (лъэпкъ афористикэмрэ паремиологиэмрэ я шапхъэхэмкIэ) // Вестник КБИГИ. 2023. № 4 (57). С. 71–76. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-71-76

Original article

**EVOLUTION OF THE CONCEPT “WOMAN” IN THE MODERN
KABARDIAN-CIRCASSIAN LANGUAGE PICTURE
(based on aphorism and paremiology)**

Zareta V. Kodzokova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center

of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, zara7belle@mail.ru, orcid.org/0000-0001-8873-0478.

© Z.V. Kodzokova, 2023.

Abstract. The article is devoted to the study of the concept “Woman” as a fragment of the Adyghe (Kabardino-Circassian) linguistic picture of the world. The purpose of the work is to identify forms and methods of objectification and representation of the concept “Woman” in the modern Kabardian-Circassian language. To achieve this goal, a selection of proverbial units and aphoristic expressions was carried out, which were subsequently subjected to conceptual analysis. People’s wishes (khokhi) are used as additional material. The study revealed the dominant meanings/signs characteristic of the Adyghe woman and constituting the concept of the same name “Woman”. Based on the results obtained, it was concluded that the main signs/traits that form a figurative idea of an Adyghe woman are: appearance, upbringing, character, intelligence/thinking, education.

The results of the study may be useful when considering other concept elements of the Adyghe (Kabardino-Circassian) linguistic picture of the world. They can also be used in the educational process and become a theoretical aid when writing scientific and qualifying papers.

Keywords: Kabardian-Circassian language, woman, concept, aphorism, proverb, saying

For citation: Kodzokova Z.V. Evolution of the concept “Woman” in the modern Kabardno-Circassian language picture (based on aphorism and proverb). Vestnik KBIGI = KVIHR Bulletin. 2023; 4 (59): 71–76. (In Kabardino-Circassian) DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-71-76

Научная статья

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА» В СОВРЕМЕННОЙ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ (на материале афористики и паремиологии)

Зарета Валериевна Кодзокова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, zara7belle@mail.ru, orcid.org/0000-0001-8873-0478.

© З.В. Кодзокова, 2023.

Аннотация. Статья посвящена исследованию концепта «Женщина» как фрагмента адыгской (кабардино-черкесской) языковой картины мира. Цель работы – выявление форм и способов объективации и репрезентации концепта «Женщина» в современном кабардино-черкесском языке. Для достижения поставленной цели проведена выборка паремиологических единиц и афористических выражений, которые впоследствии были подвержены концептуальному анализу. В качестве дополнительного материала привлечены народные благопожелания (хохи). Проведенное исследование выявило доминантные значения/признаки, свойственные адыгской женщине и составляющие одноименный концепт «Женщина». По полученным результатам сделан вывод о том, что главными признаками/чертами, формирующими образное представление об адыгской женщине, выступают: внешность, воспитание, характер, ум/мышление, образованность.

Результаты исследования могут быть полезны при рассмотрении других концептов-элементов адыгской (кабардино-черкесской) языковой картины мира. Они также могут быть использованы в образовательном процессе, стать теоретическим подспорьем при написании научных и квалификационных работ.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, женщина, концепт, афористика, пословица, поговорка

Для цитирования: Кодзокова З.В. Эволюция концепта «Женщина» в современной кабардино-черкесской языковой картине мира (на материале афористики и паремиологии) // Вестник КБИГИ. 2023. № 4 (59). С. 71–76. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-71-76

«Бзылъхугъэ» концептыр – лъэпкъ гупсысэ къэхъугъэщ, икIи ар гендер, социальнэ, зы ныбжьым ит гуп зэмылIуэжыгъуэхэм я лъэпкъ бзэзэхэщIыкIым хэлъщ. И зэхэлъыкIэ «бзылъхугъэ» концептыр щызэфIэувэкIэ, бзэщIэныгъэ Iуэхугъуэхэм нэмыщI мыхъэнэшхуэ яIэщ бзэщIыб щхъэхуэныгъэхэми. Абыхэм ящыщщ: щэнхабзэ-тхыдэ Iуэхугъуэхэр, мифологиер, диныр, экономикэм, индустрием я зыужьыныгъэр, н.ж. цIыхубзым биологие илъэныкIуэкIэ иIэ хэгъэщхъэхуэныгъэхэмрэ ар къэзыухъуреихъ социальнэ Iуэхугъуэхэмрэ.

Iэмал имыIэу кыыхэгъэщыпхъэщ цIыхубзым и гендер, психологие щхъэхуэныгъэхэр, хъэл-щэныр, дуней тетыкIэр зэлыгтар биологие Iуэхугъуэхэм зэрамызакъуэр, атIэ щэнхабзэми зэрэпхар. Пасэ зэманым щыгъуэ мифологием, диным кызыэралыгтэмкIэ, цIыхубзым и пщIэр унагъуэмрэ жылагъуэмрэ епхауэ щытын хуейт. Къэбэрдей-шэрджэс бзэщIэныгъэм хъума щыхъуа лъэужьхэмрэ дамыгъэхэмрэ наIуэу дагъэлягъуж матриархат-лъэпкъ зэхэтыкIэ зэманым цIыхубзым егъэляуэ пщIэ хуэщIыныр, лытэныр, уеблэмэ цIыхубзыр тхъэпэлыгтэу къащыхъуныр Iуэхугъуэ кызыэрыгъуэкIыу щытауэ. Нобэрей бзэщIэныгъэми хуэдэу, цIыхубзым и образым пасэ зэманым «анагъэр», «гъащIэр», «цIыхугъэр», «бэвыгъэр», «берычэтыгъэр» халъагъуэрт. Мис абы кыыхэкIэIэщ цIыхубзыр куэдым щIрагъэщхъу щытар, ноби щIыльэм щIрагъэщхъыр – къэбэрдей-шэрджэсыбзэм хэтщ *щIыльэ-анэ* псалъэ зэрыIыгъыр. А зы егъэпщэныгъэ закъуэр щыхъэт тохъуэ адыгэм шалъхуа и хэкум хуищI пщIэмрэ лъагъуныгъэмрэ, апхуэдэу щIралытынкIэ хъунур анэм хуащI пщIэмрэ лъагъуныгъэмрэ кыыхэкIыущ.

Къэбэрдей-шэрджэс, адыгэ бзэщIэныгъэхэм «бзылъхугъэ» концептыр щызэфIэувэнымрэ зыщииужьынымрэ кыгуэхыпIэ имыIэу епхащ лъэпкъ тхыдэм, щэнхабзэм, IуэрыIуатэм, хабзэм. Адыгэ цIыхубзымрэ адыгэлIымрэ хабзэм къалэн ткIийхэр яхуегъуэу. Гендер шапхъэхэр кышщыунэхукIэ, адыгэ хабзэр пщальэ нэхъыщхъэ дыдэщ – аращ адыгэ гупсысэкIэр зытет тегъэщIапIэр.

«Бзылъхугъэ» концептым и нэщэнэ нэхъыщхъэхэм ящыщ зым – «цIыхубз дахагъэм и шапхъэ» гурыIуэгъуэм, адрей и нэщэнэхэми хуэдэу, зэманым зэхъуэкIыныгъэхэр хелъхъэ, абы и щхъэусыгъуэщ бзэщIэныгъэхэмрэ бзэщIыб Iуэхугъуэхэмрэ. Лъэпкъ щэнхабзэ къэс езым и дахагъэ пщальэхэр иIэжщ, апхуэдэуи цIыху къэс езыми и дахагъэ бгъэдэлъыжщ. Зы лъэпкъ щэнхабзэм и кIуэцIкIэ зэман дэкIыхукIэ, жылагъуэм зиужьыхукIэ щыдолъагъуэ цIыхубзым и гурыхь/гурымышь щытыкIэхэм, акъылыфIагъэм, хъэл-щэным, дуней тетыкIэм, бгъэдэль щIэныгъэм, гуакIуагъэ/мыгуакIуагъым ехъэлIауэ щыIэ IуэхуеплъыкIэхэм зэрызахъуэжыр.

Дэтхэнэ лъэпкъми гендерым ехъэлIа IуэхуеплъыкIэ щхъэхуэхэр иIэжщ. Псалъэм папщIэ, нарт эпосым кызыэрыхэщыжымкIэ матриархат зэхэтыкIэ и лъэхъэнэм цIыхубз нэсыр щытын хуейт: *къарууфIэу* (Лашын и образыр – цIыхубз пелуаныр, егъэляуэ къаруушхуэ зыхэлъыр), *акъылыфIэу*, *губзыгъэу*, *Iуцу* (Мэлэчыпхъурэ Уэрсэрыжьрэ), *дахэу* (Бэдэху, ЩхъэцфIыщIэ-дахэр, Дахэнагъуэ), *и жылагъуэ статусыр лъагъуэ* (нартхэм сыт щыгъуи я чэнджэщэгъуэ Сэтэней хуэдэу). «Бзылъхугъэ» концептым а лъэхъэнэм щыщIэдзауэ зэхъуэкIыныгъэхэр игъуэту хуежъащ, нобэрей адыгэ цIыхубз нэсым и шапхъэр, абы и теплъэр, и дахагъэр, хэлъ нэмысыр тхыдэм кыыхэщыжхэм хуэдэщ.

ИщхъэкIэ къыщедбжэкIа щытыкIэхэм, цIыхубзым и теплъэмрэ и образымрэ къэзыгъэлягъуэхэм, иджырей IуэхуеплъыкIэхэм япкъ иткIэ щIагъужащ уасэгъуэу пщальэхэр: «акъылыфIагъэр», «щIэныгъэр», «интеллигентыгъэр», н. «Бзылъхугъэ» концептым кыкIуагъуэгуанэр нэгъэсауэ, гурыIуэгъуэу зэпкърыхауэ дджыным щхъэкIэ дэ къэдгъэсэбэпащ лъэпкъым и социальнэ, щэнхабзэ гъащIэр гъуджэу кызыэрыщ адыгэ афористикэр.

Афористикэр лъэпкъ щэнхабзэми бзэщIэныгъэми я фIагъхэм ящыщ зыщ. Абы кууэ хэпшащ лъэпкъым и хъэл-щэныр, щэнхабзэ хъугъуэфIыгъуэхэр, гупсысэкIэр, псэукIэр, н. Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм и афористикэр ди къэхутэныгъэ лэжьыгъэм и курыхщ, сыт щхъэкIэ жыпIэмэ абы къахошыж лъэпкъым иIэ дунейеплъыкIэ

щхьэхуэныгъэхэр, шапхьэ нэс ирикъу хьэл-шэнхэр, ІуэхуеплгыкІэхэр, гупсысэкІэ лІэужыгъуэхэр, н.

Къэбэрдей-шэрджэс бзэщІэныгъэми «бзылхугъэ» концептым щигъуэта зыужыныгъэм ехьэлІауэ едгъэкІуэкІа мы къэхутэныгъэ лэжыгъэм дэ кыщыдгъэсэбэпащ тхыгъэ лэжыгъэ зэхуэмыдэхэр: къэбэрдей-шэрджэсыбзэм и мыхьэнэгъэнахуэ, энциклопедие псалъальэхэр, псалъэ шэрыуэхэмкІэ, афористикэ жыІэкІэхэмкІэ, псалъэжхэмкІэ псалъальэхэр, зи мыхьэнэхэр зэгъунэгъу псалъэхэмкІэ зэхалхьа псалъальэ зэмылІэужыгъуэхэр. Абыхэм нэмыщІ, ди щІэныгъэ лэжыгъэм тегъэщІапІэ хуэхуащ лъэпкъ джэгуакІуэшхуэ Агънокъуэ Лашэ и псалъэ шэрыуэхэр [Агънокъуэ 1993], иджырей тхакІуэ, тхыдэтх Бейтыгъуэн Сэфарбий [Бейтыгъуэн 1996] и жыІэгъуэ купщІафІэхэр. Щапхьэхэр кыщыдгъэпхьуэм дызыхэпльа афоризмэхэр, псалъэжхэр, псалъэ шэрыуэхэр, хуэхуэхэр щэм щІегъу.

Къэбэрдей-шэрджэс бзэщІэныгъэм «бзылхугъэ» концептым кІуэцІыль «анэ» («мамэ») гурыІуэгъуэр бзэ занэ нэхьыщхьэхэм ящыщ зыщ. Ільэс 18–65-рэ ныбжхэм иту зи жылагъуэ статусхэр зэтемыхуэ цІыхухуэхэм, цІыхубзхэм я деж щІэупщІэныгъэр щрагъэкІуэкІати, «цІыхубз», «цІыхубзыгъэ» гурыІуэгъуэхэм псом япэу гум къагъэкІыр анагъэмрэ жьэгумрэщ. Ар апхуэдэу щІыщытыр, зэпхар, кызыэрытлгытэмкІэ, адыгэ цІыхубзыр зэрысабийрэ зыхуагъасэри зыщІапІыкІри унагъуэ ихьэныр, сабий пІыныр, гъэсэныр зэрыарат. Адыгэ лъэпкъыбзэ щІэныгъэм хыхьэ «анэ» гурыІуэгъуэм и семантикэ губгъуэм къреубыдэ: «щабагъэр», «бзэІэфІыгъэр», «гулгытэ иІэныр», «угъурлыгъэр», «гъэсэныгъэр», «пхъум и шапхьэр» нэщэнэхэр. Мы къэдгъэлъэгъуэхэм «анэ» гурыІуэгъуэр лъэныкыуэ псомкІи кытхузэІуах икІи кытхуаубзыху. Ауэ нэхь куужу и купщІэр зэпкъыртхыну дыхуейщи, «бзылхугъэ» концептым и семантикэ губгъуэр «щІэтпщытыкІынщи» абы и хьэл-шэныр, и дуней тетыкІэр, и къалэнхэр псалъэжхэмкІэ къэдгъэлъэгъуэнщ. Псалъэм папщІэ:

- *Анэр нэм хуэдэщи, адэр дэм хуэдэщ.*
- *Анэ зимыІэм гуІэр и махуэщ.*
- *Анэм и хабзэр пхъум и бзыпхьэщ.*
- *Анэр бын гъэкІуэдщ.*
- *Анэ зиІэрэ Іэ зыфІэтрэ (зыпытрэ) Анэр уиІэмэ Іэ опыт палъэщи, уи Іуэхури ефІэкІуэнщ, жыхуиІэщ. Анэ узыушиин уиІэмэ, Іуэху зехьэкІэ фІыуэ ухуигъасэмэ, аращ «Іэ зыфІэт» хьужыр.*
 - *Анэм лыуэ кыльхуащ «ЛІыхужыщ, гъэсаш, лыгъэ хэлыщ, хабзэ зэрехьэф», жыхуиІэщ.*
 - *Анэ акъылыр акъылыщ.*
 - *Анэ бгъафэрэ хьурыфэ джэдыгурэ.*
 - *Анэм быныр и зэхуэдэщ.*
 - *Анэм и быным хуищІэр фІэмащІэщ.*
 - *Анэм лъэгъуиІэтын зыхуэщІ.*

«Анэ» гурыІуэгъуэр цІыхубзым хуэгъэза псалъэхэр къэзыгъэхуэ лексикэ гупым хыхьэ лексемэ нэхьыщхьэ дыдэхэм ящыщ зыщ: *фыз – цІыхубз – бзылхугъэ – хьыджэбз – пщыцэ – анэ – пхъу – гуацэ – нысэ – пщыпхьу*, н. Къэгъэлъэгъуапхьэщ, лексемэ *цІыхубз, бзылхугъэ* кызыхэщ псалъэжхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ я мыхьэнэкІэ зэрыгурыхьыр. Псалъэм папщІэ, *ЦІыхубз пшэрыхь хуцанэ* псалъэжыым къэгъэлъагъуэ абы и пщІэр зэрылбагэр.

Къэбэрдей-шэрджэс бзэщІэныгъэм щІыпІэ щхьэхуэ шеубыд сабийхэр, псом хуэмыдэу хьыджэбз цІыкІухэр, гъэсэным. Этнолог Сэбаншы Л.Хь. гу зэрылытащи, «гендер пщальэхэр адыгэ жылагъуэ лъэпкъ хабзэм кыгъэуэв къалэнхэр игъэзащІэу щызэфІэувэм, сабийхэр хабзэм тету гъэсэным ехьэлІа псалъэжхэм, псалъэ шэрыуэхэм, фІыгъуэ къехьулІэну зыгуэрым зыхуэгъэзыныгъэхэм – хуэхуэхэм, веллеризмхэм, н. мыхьэнэ щхьэхуэхэр ягъээщІащ» [Сабанчиева 2005]. ЦІыхубэм

я деж шыцІэрыІуэщ хьыджэбзхэр нэмысыфІэу гъэсэным, «ар унагъуэ ихьэным», «унагъуэ къалэнхэм» хуэзыгъэхьэзыр псалъэжхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ.

ЩІалэгъуалэр гъэсэным и тегъэщІапІэу шытар унагъуэм ис нэхьыжхэмрэ жылагъуэмрэ я дуней тетыкІэкІэ, я гъэсэнныгъэкІэ шапхъэ ягъэлыагъуэр арат. ЦІыхубзым и психикэр, психологиер зэфІэувэнымрэ шапхъэ техынымрэ наІуэу къыхошщ мыпхуэдэ псалъэжхэм:

▪ *И анэ еплъи ипхъу къашэ.*

▪ *Анэм и гъуапэр пхъум и джанэщ.* Пхъур и анэм ещхъ мэхъуж, жыхуиІэщ [Адыгэ псалъэжхэр 1982].

Адыгэхэм, псом хуэмыдэу къэбэрдейхэм, щІагъыбзэ щІэлъу хьыджэбз цІыкІухэр гъэсэныр я нэцэнэт. Гъэсэнныгъэм ехьэлІауэ Іуэрыуатэм ди деж къыхьэса афорист жыІэгъуэхэм щІагъыбзэ куу ящІэлъщ:

▪ *Къэдалуэ, си хьыджэбз (сипхъу), зэхэщІыкІ, си нысэ.*

▪ *Уи нысэ уигу ебгъамэ, уипхъу ешхыдэ.*

▪ *И пхъум жриІурэ нысэм иреІуэкІ.*

▪ *Нысэм зэхэбгъэхьыным, пхъум желэ* [Адыгэ псалъэжхэр 1982].

«Іуащэ-нысэ» зэпэщІэу лексемэхэм адыгэхэм я деж мыхьэнэшхуэ шаубыдыр, абыхэми увыпІэ щхьэхуэ псалъэжхэм къащылъос:

▪ *Іуащэм и хабзэр нысэм и бзыпхъэщ.*

▪ *Іуащэр гъуммэ, шхэрейщи, нысэр кІэнтІмэ, шхын щІэлІэщ.*

▪ *Іуащэ гурымыкъ нысэ хуэлъэщ.*

▪ *Іуащэжъри зэгуэр нысащІэу шытащ* [Адыгэ псалъэжхэр 1982].

Адыгэ псалъэжхэмрэ псалъэ шэрыуэхэмрэ яхэтщ цІыхубзым и ныкъусаныгъэхэр, шыщІагъэхэр, хьэл-щэн гурымыхьхэр къыщІэзыгъэщхэр е ауан зыщІхэр:

▪ *Псэжъым къильхуа.*

▪ *НысащІэ мышынэ-мыукІытэ мэлыщхъэ фІэбзам щошынэ.*

▪ *Насып зиІэм я хьэ удз ехъури, унэхъунум я нысэ мэдыгъуэ.*

▪ *Псэжъым гуащэ къельхури, гуащэми псэжъ къельху.*

▪ *Іуащэ къуийм зихуэпэху, джэгур яухащ.*

▪ *И Іуэху зыхэмылъым и бэлагъ хелу.*

▪ *И щхьэр мыжърэ и жьэр джатэу* [Адыгэ псалъэжхэр 1982].

Іуужь ит псалъэ шэрыуитІым цІыхубз къэзыгъэлыагъуэ лексемэ хэткъым, ауэ зытеухуакІэ гурыуэгъуэщ ахэр цІыхубзым зэрытепсэлъыхьыр.

Ди къэхутэныгъэм къызэригъэлыгъуамкІэ, лъэпкъ афористикэм «бзылъхугъэ» концептым и зыужьыныгъэр наІуэу къыпкърош. Афоризмэхэр, псалъэжхэр, псалъэ шэрыуэхэр бзэщэнхабзэ текстхэщ, лъэпкъым и щхьэхуэныгъэхэр, бзэм и семантикэр, а бзэр зезыхьэ лъэпкъым и дунейр къызыхэщыжхэщ. Адыгэ хабзэм, гупсысэкІэм, тхыдэм, адыгэ щэнхабзэм – адыгэм ехьэлІа Іуэхугъуэ псоми – ятеухуа информацэхэр къэбэрдей-шэрджэс бзэщІэныгъэм хьуэхьухэмкІи къыщыІуэтэжаш.

ТегъэщІапІэхэр Список источников

Сабанчиева 2005 – *Сабанчиева Л.Х.* Гендерный фактор традиционной культуры кабардинцев. Вторая половина XVI – 60-е гг. XIX века. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905; Эль-Фа, 2005. 248 с.

Адыгэ псалъэжхэр 1982 – *Адыгэ псалъэжхэр* / Зэхэзылъхьар КъардэнгъушІ З.П. Налшык: Эльбрус, 1982. 148 н.

Агънокъуэ 1993 – *Агънокъуэ Л.* Усэхэр. Налшык: Эльбрус, 1993. 208 н.

Адыгэбзэ псалъалъэ 1999 – *Адыгэбзэ псалъалъэ* / Ред. Багъ П.М. М.: Дигора, 1999. 854 н.

References

SABANCHIEVA L.Kh. *Genderny`j faktor tradicionnoj kul`tury` kabardincev. Vtoraya polovina XVI – 60-e gg. XIX veka* [Gender factor in the traditional culture of Kabardians. Second half of the XVI – 60s XIX century]. Nalchik: Republican Printing Plant named after. Revolutions 1905; El-Fa, 2005. 248 p. (In Russian)

Ady`ge` psal`e`zh`xe`r [Adyghe proverbs] / Compiled by Z.P. Kardangushev. Nalchik: Elbrus, 1982. 148 p. (In Kabardino-Circassian)

AGNOKOV L. *Use`xe`r* [Poems]. Nalchik: Elbrus, 1993. 208 p. (In Kabardino-Circassian)
Ady`ge`bze`psal`al`e` [Explanatory dictionary of the Kabardian-Circassian language / Ed. P.M. Bagov]. M.: Digora, 1999. 854 p. (In Kabardino-Circassian)

Авторым теухуауэ

Къуэдзокъуэ З.В. – филологие щІэныгъэхэмкІэ кандидат, адыгэбзэ секторым и щІэныгъэ лэжъакІуэ.

Информация об авторе

З.В. Кодзокова – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

Z.V. Kodzokova – Candidate of Science (Philology), Researcher of the Sector of the Kabardino-Circassian Language.

Статья поступила в редакцию 07.12.2023; одобрена после рецензирования 19.12.2023; принята к публикации 26.12.2023.

The article was submitted 07.12.2023; approved after reviewing 19.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья
УДК 81(470.64)
DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-77-87

АДЫГЭБЗЭМ И ТХЫГЪЭ (ТХЫЛЪЫБЗЭ) ЛЕКСИКЭР

Токмакъ Мадина Хъэсэнбий инхъу

Гуманитар къэхутэныгъэхэмкIэ институт – Федеральнэ къэрал бюджет шIэныгъэ IуэхушIапIэ «Урысейм шIэныгъэхэмкIэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр шIэныгъэ центр» Федеральнэ шIэныгъэ центрэм» и филиал, Налшык, Урысей, tokmak_madina_h@mail.ru, orcid.org/0000-0003-2172-5070

© Токмакъ М.Хъ., 2023

Аннотаци. Лэжыгъэр зытеухуар тхыгъэ лексикэр адыгэбзэм зэрыщылажьэрщ. ШIэныгъэлIхэм я къэхутэныгъэхэр къэдгъэсэбэурэ абы хыхъэ лIэужыгъуэхэр зэпкърыдох. Апажэ М.Л. и стиль гуэшыныгъэр и лъабжэ тшIыуэрэ иджырей адыгэбзэ тхыгъэ лексикэм кыыхыдогъэщ шIэныгъэ-педагогикэмрэ газет-публицистикэрэ. Стиль къэс езым и щхъэхуэныгъэхэр иIэжщ, ахэр лэжыгъэм кышыдогъэлыагъуэ, абыхэм я щапхъэхэр кыдохъ. Кыдохутэ шIэныгъэ-педагогикэ лексикэм терминологие системэр кызырэзщIиубыдэр, абы и нэщэнэхуэ Iэдэж псалъэхэр, уасэхуэщI, хэдзэ псалъэхэр, жыIэгъуэхэр зэрыщытыр. Кыдогъэлыагъуэ шIэныгъэ лексикэр адыгэбзэм гуишчу зэрыщыгуэшар: япэ гупым хохъэ нейтрал псалъэхэр, бзэм шалэ мыхъэнэхэр яIэжу; етIуанэм – литературэбзэм хэт псалъэхэр я мыхъэнэм хэхъуауэ, зэхъуэкIыныгъэ ягъуэтауэ, фIэщыгъэцIэ хъуахуэ; ешанэм – шIэныгъэ стилим фIэкIа нэгъуэщIхэм кыщамыхъ фIэщыгъэцIэхэр. Адыгэбзэ лексикэ-стилистикэ системэм и нэхъыбэ дыдэу щыт, зыпIэм имыту зызыхъуэж зэпытыр газет-публицистикэ лексикэраш. Лэжыгъэм и гугъу щыдошI абы тематикэ земылIэужыгъуэхэр кызырэзщIиубыдэр, езым хуэфашцэ псалъэ, псалъэ зэпхэхэр, Iэмалхэр кызыригъэсэбэпыр, езым хуэфашцэ морфологие, синтаксис зэриIэр.

Зэрыгуэзэн псалъэхэр: лексикэ-стилистикэ системэр, тхыгъэ лексикэ, шIэныгъэ-педагогикэ лексикэ, газет-публицистикэ лексикэ, художествэ жъабзэ

Цитатэ кызырэхынхур: Токмакъ М.Хъ. Адыгэбзэм и тхыгъэ (тхылъыбзэ) лексикэр // Вестник КБИГИ. 2023. № 4 (59). С. 77–87. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-77-87

Original article

WRITTEN VOCABULARY OF THE KABARDINO-CIRCISSIAN LANGUAGE

Madina H. Tokmakova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, tokmak_madina_h@mail.ru, orcid.org/0000-0003-2172-5070

© M.H. Tokmakova, 2023

Abstract. The article is devoted to the vocabulary of the written style of the Kabardian-Circassian language. Having studied the available scientific literature, we adhere to the classification proposed by the famous Adyghe lexicologist and lexicographer M.L. Apazhev, namely, we consider scientific-pedagogical and newspaper-journalistic styles within the written vocabulary. The work touches on the controversial issue of literary and artistic

style and provides reasons for not distinguishing it as an independent one. The features of the scientific and pedagogical style are analyzed and highlighted, including, along with neutral words and words that have expanded their meanings, special words and terms. The morphological and syntactic characteristics used in this style are also noted. It is emphasized that the overwhelming majority of modern terminology of the Kabardian-Circassian language, used in a scientific style, is borrowed from the Russian literary language. It is also observed that certain Kabardian words, which were included in the Russian terminological vocabulary and known to representatives of the relevant sciences, became reverse borrowings for the Kabardian-Circassian language. The significant contribution of Bizhoviev B.Ch. is noted in the development of Kabardian-Circassian terminology. It is shown that newspaper and journalistic vocabulary is one of the most numerous and flexible in the lexical-stylistic system of the Kabardian-Circassian literary language, influencing the entire speech practice of Kabardians and Circassians more diversely and deeply than others. It is indicated how in the first years of national writing, in the absence of a sufficient number of textbooks and various aids, a newspaper in the native language was an important breeding ground for literacy, culture, as well as scientific, socio-political, technical, general cultural terms, and new borrowings. Morphological, syntactic features, various linguistic and speech techniques used in newspaper and journalistic vocabulary are demonstrated.

Keywords: lexical and stylistic system, written style, scientific and pedagogical vocabulary, newspaper and journalistic vocabulary, artistic style

For citation: Tokmakova M.H. Written vocabulary of the kabardino-circassian language. Vestnik KBIGI = KVIHR Bulletin. 2023; 4 (59): 77–87. (In Kabardino-Circassian) DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-77-87

Научная статья

ПИСЬМЕННАЯ ЛЕКСИКА КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Мадина Хасанбиевна Токмакова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, tokmak_madina_h@mail.ru, orcid.org/0000-0003-2172-5070

© М.Х. Токмакова, 2023

Аннотация. Статья посвящена лексике письменного стиля кабардино-черкесского языка. Изучив имеющуюся научную литературу, мы отдали предпочтение классификации, предложенной известным адыгским лексикологом и лексикографом Апажеевым М.Л., а именно рассматриваем в пределах письменной лексики научно-педагогический и газетно-публицистический стили. В работе затрагивается спорный вопрос о литературно-художественном стиле и приводятся причины невыделения его как самостоятельного. Анализируются и выделяются особенности научно-педагогического стиля, включающего наравне с нейтральными словами и словами, расширившими свои значения, специальные слова и термины. Отмечаются также морфологические и синтаксические отличия, присущие данному стилю. Подчеркивается, что подавляющее большинство современной терминологии кабардино-черкесского языка, применяемой в научном стиле, заимствовано из русского литературного языка. Наблюдается также, что отдельные кабардинские слова, вошедшие в русскую терминологическую лексику и известные представителям соответствующих наук, стали обратными заимствованиями для кабардино-черкесского языка. Обращаем внимание на существенный вклад Бижоева Б.Ч. в развитие кабардино-черкесской терминологии. Показано, что газетно-публицистическая лексика – одна из самых многочисленных и подвижных в лексико-стилистической системе кабардино-черкесского литературного языка, разнообразнее и глубже других влияющая на всю речевую практику кабардинцев и черкесов. Указывается, как в первые годы национальной письменности, в условиях отсутствия достаточного количества учебников и различных пособий, газета на родном языке явилась важной рассадницей грамотности, культуры, а также научных, общественно-политических, технических, общекультурных терминов, новых заимствований. Демонстрируются морфологические, синтаксические особенности, различные языковые и речевые приемы, используемые в газетно-публицистической лексике.

Ключевые слова: лексико-стилистическая система, письменный стиль, научно-педагогическая лексика, газетно-публицистическая лексика, художественный стиль
Для цитирования: Токмакова М.Х. Письменная лексика кабардино-черкесского языка // Вестник КБИГИ. 2023. № 4 (59). С. 77–87. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-77-87

Иджырей адэгэбзэм и тхыгэ стилим нагуэу гупитI кыхэбгэщ хьунуш: щIэныгэ-педагогикэмрэ газет-публицистикэмрэ. Абы нэмышI, языныкьуэ щIэныгэлхэм (Будагов Р.А. [1958], Ефимов А.И. [1961], Гальперин И.Р. [1958], Кожинэ М.Н. [1977], н.) художествэ стилир щхьэхуэу кыхагэкI, ар тхыгэ стилим хагэхьэ. Апхуэдэу, Кожинэ М.Н. етх, «Адрей щцэрыль стилхэм ящыщ дэтхэнэ зыми стиль и ГуэхукIэ кыщхьэщызыгэкIыу зыгуэр иIэу щытмэ, стиль и лъэныкьуэкIэбзэмиIэIэмалпсори зэщIыгьуу иIэщ художествэ стилим. Художествэ жьабзэм и кыщхьэщыкIыныгьуэу щытц абы литературэ нормэм итхэм нэмышI, мылитературэ бзэ Iэмалхэри – кызырыкIуэ жьабзэр, жаргонизмэхэр, щыпIэбзэ псалъэхэр, н. кыгьэсэбэпу зэрыщытыр. Ауэ а Iэмалхэри кызырыгьэсэбэпыр абыхэм я япэ мыхьэнэмкIэкьым атIэ эстетикэ мыхьэнэ ягьуэтауэщ. А лингвистикэ Iэмалхэр псори художествэ жьабзэм иIэщ... Художествэ жьабзэр щIэныгэ, Гуэху зэрызрахьэ стилхэм зыкьомкIэ IупщIу кьашхьэщыкIыу щыткIэрэ, публицистикэ стилим ещхьщ абы и щытыкIэ зыбжанэмкIэ» [Кожина 1977: 197–198].

НэгьуэщI зы гупым (Максимов Л.Ю. [1975], Панфилов А.К. [1972], Бондалетов В.Д. [1982], н.) дызытепсэлыхь Гуэхугьуэм нэгьуэщI бгьэдыхьэкIэ хуалэщ. Псалъэм папщIэ, «Урысыбзэ стилистикэм и еджалъэм» [Бондалетов и др. 1982] мыпхуэдэу итц: «Художествэ литературэм и бзэр урыс литературэбзэм и щцэрыль стилхэм IупщIу кьашхьэщыкI кьэхьукьащIэщ, абы и щытыкIэр нэхь кууц литературэбзэм и стилхэм ящхьэпрыкIыу... Филологие щIэныгьэмрэ лингвистикэ щIэныгьэмрэ куэд щIащ зэхэкла зэрыхьурэ, зы лъэныкьуэкIэ литературэбзэр щыIэу, адрей лъэныкьуэмкIэ художествэ литературэр щыIэу. А зэгукIыныгьэр лъабжьэ хуохьу дисциплинэу тIу кыхэхьэхьукIыным икIи абыхэм щхьэхуэ-щхьэхуэу заужьыным: 1) урыс литературэбзэм и стилистикэ, 2) художествэ литературэм и стилистикэ. Урыс литературэбзэм и стилистикэр псом япэу лингвистикэ дисциплинэу щытмэ, художествэ литературэм (е художествэ жьабзэм) и стилистикэр филологие щIэныгьэм и дисциплинэщ» [Бондалетов и др. 1982: 267–270]. Адэгэбзэми художествэ стилим и Гуэхур апхуэдэу зэрыщыщытыр.

Апажэ М.Л. зэритхымкIэ [Апажэв 1992: 113], иджырей адэгэбзэм литературэ-художествэ стилир щхьэхуэу кыхэбгэщын щхьэкIэ щхьэусыгьуэ нэгьэса щыIэкьым. Кьапщтэмэ, художествэ литературэбзэм адрей стилхэр кыщыбгьуэтынуш, абы нэмышI, адрей стилхэм кыщхьэщыкIыу езым фIэкла нэгьуэщым кьимыгьэсэбэп нэщэнэ абы иIэкьым. Абы кыхэкIкIэ, «художествэ стилир» щхьэхуэ кыхэбгэкIыныр щыуагьэщ. «Зэзэмызэ стилхэм щыуагьэкIэ хагьахьэ «художествэри», ауэ художествэ литературэбзэм адрей стилхэм я пкьыгьуэхэр кызыщIеубыдэ литературэ тхыгьэм и кызырагьэлыгьуэ Iэмалхэу» [Новиков и др. 1987: 109; 1999: 277].

Иджырей адэгэбзэм и лексикэ-стилистикэ системэм и гупитIым датепсэлыхьынщ.

ЩIэныгэ-педагогикэ лексикэр

ЩIэныгэ-педагогикэ лексикэр нэхьыщхьэу щызэтеувар совет лъэхьэнэрщ. ДауикI, абы ипэкли адэгэхэм кьагьэсэбэпу щытащ щIэныгэ фIэщыгьэцIэ щхьэхуэхэр. Абы щыхьэт тохьуэ ди щIэныгэлхэми, нэгьуэщI кьэралхэм кыкIахэми зэхуахьэсауэ щыта псалъалъэ материалхэр, псалъэм папщIэ, Нэгумэ Ш.Б. [1947], Лопатинский Л.Г. [1890] сымэ ятха лексикографие лэжьыгьэхэр.

Зи гугъу тшчы лексикэм, япэрауэ, иджырей адыгэбзэм убгъуауэ къагъэсэбэп терминологие системэхэр хохъэ. Щэныгъэ-педагогикэ лексикэм и нэщэнэщ Іэдэж псалъэхэр, уасэхуэщІ, хэдзэ псалъэхэр, жыІэгъуэхэр, псалъэм папщІэ: *япэрауэ, етуанэрауэ, абы кыхэкІкІэ, абы цхьэкІэ, сым цхьэкІэ жыпІэмэ, гу зылытапхъэ, зэгъапцэ (зэвгъапцэ), цапхъэ, псалъэм папщІэ, къапцтэмэ, араци, си гугъэмкІэ, пэжи, дауикІ, гурыгуэгъуэц, хэзыгъэгъуазэ, кІэух псалъэ, гъэсэныгъэ лэжыгъэ, унэ лэжыгъэ, уравненэ зэхэлъхъэн, склонять цІын, спрягать цІын, цхьэ (грам.), зэман (грам.), лъабжъэ (лингв.), гъэбэгъуэн (мат.), хуэгъуэшы (мат.), хэлъхъэн (мат.), кыхэхын (мат.), н. Цапхъэхэр: **Къапцтэмэ, бжыгъэцІэ** пщыкІузым къыщыцІэдзэуэ пщыкІубгъум нэс пычыгъуэ **кІу-кІэ** зэпха мэху, **пщІы-р пщІы-уэ** къапсэлъ **икІи ятх**, и **ужь ит** лъабжъэхэм хьэрфзешэ **ы-р** покІуэдэыкІ... [Джаурджий, Дзасэжъ 1995а: 151]. **Араци, и цхьэкІэ зэрыжыІащи**, псалъэм и лексическэ мыхъэнкІэ зэдэжэр дэ дыкъэзыхъуреихъхэм цыщу псалъэм къыгъэлабгъуэриц [Урыс 2001: 94]. **ДауикІ**, лексическэ мыхъэнэр къомылъытэу хъунукъым псалъэ зэхэлъыр цыбубзыхукІэ, ауэ а зы нэцэнэмкІи Іуэхур зэфІэкІыркъым [БищІо 2012: 72].*

Адыгэбзэ стилхэм елэжъа Урыс Хь.Щ. зэритхымкІэ [2002], мы стилиым лэжыгъэцІэр къыщагъэсэбэп хабзэщ ит зэманым тегу, ещанэ цхьэм иту, зи гугъу ящІыр нэхъ абстрактнэу щытын папщІэ; щыІэцІэ, пльыфэцІэ, ІуэхуцІэ, ІуэхуцІэ зэхыхъэ, ІуэхудэкІуэ, ІуэхудэкІуэ зэхыхъэр жъабзэм куэдэу къыщокІуэ; щыІэцІэхэр закъуэ гъэпсыкІэм итми, зэдай бжыгъэ къагъэлабгъуэу; цхьэ цІэпапщІэ «сэ»-м ипІэкІэ къыгъэсэбэпырейщ «дэ», нэгъуэщІхэр. Псалъэм папщІэ: *Псалъэжъым и псалъэ нэхъыцхьэм тецІыхъауэ бгуэши мэху, ауэ псалъэжъым и мыхъэнэм елытакІэ псалъэ нэхъыцхьэхэр тІу-щы хъункІэ мэху* [Нало 2008: 97]. *Дэ къэдгъэлабгъуэну дызыхъыр* лъэпкъым и «дыцэ пхъуантэм» и гъэтІылыгъэ къулейр лэужыгъуэ куэдэу хэхэс адыгэ тхакІуэхэми къызэрагъэсэбэпыриц [Тымыжъ 2016: 82]. *Псалъэжъым купщІэшхуэ кІуэцІылыц, цІыхум тегъэцІанІэ яхуэхъуу, къащхьэнэу* [Нало 2008: 8]. **ЦІэпапщІэр** – ар цхьэхуэу хэхауэ езым и мыхъэнэ зимыІэж, ауэ нэгъуэщІ псалъэ лъэпкъыгъуэхэм я пІэкІэ къакІуэ псалъэхэр къызэщІэзыубыдэц, ар цыІэцІэхэм, пльыфэцІэхэм, бжыгъэцІэхэм я пІэ йоувэ [Джаурджий, Дзасэжъ 1991: 151]. Фонемэхэм язынкъуэхэм куэд дыдэрэ **дыщыхуозэ** псалъэ лъабжъэхэм, нэгъуэщІхэм нэхъ мащІэрэ, адрейхэр мащІэ дыдэрэц къызэрыкІуэр [Урыс 2000: 72].

Абы нэмышІ, Урыс Хь.Щ. [2002] щІэныгъэ лексикэм хыхъэхэр гупищу зэщхъэщегъэкІ. Япэрауэ, ар нейтрал псалъэхэращ, бзэм абы щалэ мыхъэнэр яІэжу, псалъэм папщІэ: *гъээзцІэн, зэфІэгъэкІын, тхыгъэ, гуащІэдэкІ, зыхуэгъэхъэзырын, гулытэн, зэхэцІыкІ, пцІэ хуэцІын, дуней, цІы, гупсысэ, хуабэ, хуэфІэкІ, гъащІэ, хэку, зы, цхьэхуэ, къагъэсэбэп, цытыкІэ, къэкІуэн, пкъыгъуэ, къэгъэлабгъуэн, цытын, епха, хуэдэу, жыІэн, папщІэ, кыхэкІын, лэужыгъуэ, лъэпкъ, хъун, цхьэкІэ, къыкІын, лэжыгъэ, гуп, и гугъу цІын, лъабжъэ, н.*

Етуанэгупырлитературэбзэм хэт псалъэу зимыхъэнэм хэхъуэу, зэхуэкІыныгъэ игъуэту, фІэщыгъэцІэ хъуахэр арщ. Псалъэм папщІэ: *лъэпкъыгъуэ – псалъэ лъэпкъыгъуэ; гъуджэ – гъуджэ (рентген) зэгъэлтын; лъабжъэ – лъабжъэгъусэ, лъабжъэпэ, лъабжъэужь, псалъэ лъабжъэ; гуэдзэ – псалъэуха гуэдзэ, гуэдзэ текъузэ; макъ – макъ дэкІуашэ, макъ зэгъусэхэр, макъ пІытІа, макъзешэ, макъыцІэ, макъыщІ; цІэ – фІэцыгъэцІэ, бжыгъэцІэ, цІэпапщІэ, цІэ зэдай, цІэ уней, цІэІуэ псалъэуха; псалъэ – псалъальэ, псалъафэ, псалъэ гъэпсыкІэ, псалъэ заницІэ, псалъэ зэпха, псалъэзэныщІэ, псалъэзешэ, псалъэзыхъуэж, псалъэщІ, н.*

Ещанэ псалъэ гупыр щІэныгъэ стилиым фІэкІа нэгъуэщІхэм къыщамыхъ фІэщыгъэцІэхэр арщ. Апхуэдэ псалъэхэр адыгэбзэм къыщта урыс е интернационал фІэщыгъэхэщ: *гранулированнэ удобренэ, аккумулятор, лад (макъамэм и зэхэлъыкІэ), дифференциал (математикэм идж Іыхъэ), гидролиз (псы зыхэт пкъахуэм и реакцэ), ажур (бухгалтерием: сым хуэдэ Іуэхуэгъуэри зэрызэфІэкІыу*

тхылъ цхьэхуэм иратхуэ зтеублэныгъэ), брифинг (зэлуцлэ кIэцл), астероид, радар (цIыпIэр кызырахутэ радиоIэмэпсымэ), физиотерапие, эндициль (шахмат, шашкэ джэгуи и кIэух Iыхьэр), фармакологие, эмфазэ (гурьцлэ хэлъу кьэлуэтэныгъэ, псалъэмакъым и тклишгъуэ), н. Абыхэм яхэтщ адыгэбзэкIэ зэдзэкIа (калькэ ящIа) фIэщыгъэцIэхэр: цIэпапщIэ, цыIэцIэ, бжыгъэцIэ, пльыфэцIэ, лэжыгъэцIэ сыт хуэдэ псалъэхэр.

ЩIэныгъэ стилкьуэжым и лексикэм уцытепсэлъыхькIэ кыыхэгъэщыпхьэщ иджырей адыгэбзэ фIэщыгъэцIэхэм я нэхьыбапIэр урысыбзэм кызырэыхэкIар. Ауэ, гъэщIэгъуэныракъэ, адыгэбзэ псалъэ цхьэхуэхуэ урысыбзэм кыиштахэр, псалъэм папщIэ, къафэ «кабардинка», пыIэ «кабардинка», шы «кабардинка», «кабардинец» (Даль [1956], БАС [1948–1965]), зэнтхь «кабардинец», нартыху «кабардинец», цIыв «кабардензис», зэрыIээ шыгъуэ «нартыгъ», техникэм ехьэлIа ятIагъуэ «нальчикин», минералыпс, псынэ «нарзан» сыт хуэдэхэр [Апажев 1977: 11–19] адыгэбзэм и зэпрыгъэза псалъэ кыыхыхьа хьуахэщ.

ЩIэныгъэ стилим и синтаксисым кыщыкIуэрэищ цхьэ мыбелджылы зиIэ псалъэухахэр, цIэиIуэ псалъэухахэр, эллиптикэ псалъэухахэр, цIэ гъээщIэн зэхэт, зыгъээж зэхыхьэр, н. Псалъэм папщIэ: *Псалъэ заницIэр зэпыуда зэхьум деж япэ Iыхьэм и кIэми етIуанэ Iыхьэм и пэми кавычкэ ягъэувыркъым* [Джаурджий, Дзасэж 1995б: 200]. *Щхьэм елытауэ, лъэIэс-лъэмыIэсым зэрелъытам хуэдэу, кIуэ-н, цIы-н, ты-н лэжыгъэцIэхэм я псалъэпкьхэр зы цытыкIэм итиц: кIуэ-н-ым кьегъэхьу цхьэзакъуэ лэжыгъэцIэм и парадигмэ (зэрызыхьуэжыр субъект закъуэм и цхьэхэмкIэц), цIы-н-ым – цхьытI лэжыгъэцIэм и парадигмэ (субъектымрэ объект заницIэмрэ я цхьэхэмкIэ зехьуэж), ты-н-ым – цхьыц лэжыгъэцIэм и парадигмэ (субъектым, объект заницIэм, объект мыблагъэм я цхьэхэмкIэ зехьуэж)* [БищIо 2021: 36]. *БжыгъэцIэхэм я синтаксическэ къалэн нэхьыцхьэр определэнэу кьэкIуэныриц...* [Урыс 2001: 136].

ЩIэныгъэ-педагогикэ стилим адыгэбзэм лъэщу зыщиужьауэ убж хьунукъым, адыгэбзэ зэрадж тхылъхэр, адыгэ литературэ зэрадж тхылъхэр, щIэныгъэ грамматикэхэр, статьяхэр а стилимкIэ тхауэ щытми.

Мыбдеж кыыхэдгъэщын хуейщ бзэщIэныгъэ терминологиэм зиужьынымкIэ хэлъхьэныгъэшхуэ хьуа, БищIо Б.Ч. и IэдакьэцIэкIыу [Бижоев 2022] иджыблагъэ кыдэкIа «БзэщIэныгъэ фIэщыгъэцIэхэмкIэ урыс-адыгэ, адыгэ-урыс псалъалъэхэр». Абы мы псалъалъэхэм ди лъэпкьыр бзэщIэныгъэкIэ дызыхуэныкьуэ фIэщыгъэцIэщIэ куэд хигъэхьащ, псори зэрыщыту я бжыгъэр 1865-м нэсу. Псалъалъэхэм я фIыгъэкIэ адыгэ фIэщыгъэцIэхэр урысыбзэкIэ кьэдгъэсэбэп куэдым я пIэ иувэнущ. Псалъэм папщIэ, псалъэ лъэпкыгъуэхэм я цIэхэр (кьэхьукIэцIэ «наречие», лэжыгъэцIэ «глагол», *ИухьуцIэ* «причастие», *ИухьудэкIуэ* «деепричастие», *макьыцIэ* «междометие», н.), нэгъуэщI фIэщыгъэхэр (псалъафэ «фразеологизм», *лъабжэпэ* «префикс», *увьпIанэ* «предлог», *гъээщIакIуэ* «подлежащее», *мыхьэнэбагъэ* «полисемия», н.). БищIо Б.Ч. игъээщIа лэжыгъэр мыхьэнэшхуэ зиIэщ, щIэныгъэлIхэми, еджакIуэхэми, егъэджакIуэхэми кьахуэщхьэпэнущ.

Газет-публицистикэ лексикэр

Мыр адыгэбзэ лексикэ-стилистикэ системэм шыщу нэхьыбэ дыдэу щыт, зыпIэм имыту зызыхьуэж зэпыт лексикэщ. Ар адыгэ жьабзэм лъэныкьуэ куэдкIэ кууэ холэжыжь, газет-публицистикэ стилим и псалъэхэмрэ жыIэгъуэхэмрэ зыхьыхьэ стиль лIэужьыгъуэ кьэгъуэтыгъуейщ. Газетым шыбгъуэтынущ тематикэ зэмылIэужьыгъуэхэм, Iуэхугъуэ куэдым тепсэлъыхь статьяхэр: политикэ, экономикэ, щэнхабзэ, спорт сыт хуэдэ кьэхьукъащIэхэм, мыхьэнэшхуэ зиIэ проблемэхэм, зыгуэркIэ цIэрыIуэ хьуа цIыхухэм, н. теухахэр. Апхуэдэу

газет-публицистикэ лексикэм стиль шыгэхэр шызэхохьэ, шызэхошэпсыхь. Газет еджэхэм, радио едагүэхэм, телевизор еплгхэм – цыгхубэм я хуэгъзауэ шыгкIэрэ, публицистикэ стилым и жьабзэр шытын хуейщ псом я дежкIи гурыгүэгүэу, псоми кыызэдащтауэ, литературэ нормэм тету. Абы кыыхэкIкIэ Урыс Хь.Щ. кыыхегъэщ, куэдым ямышцIэ, IэщIагъэ гуэрым епха псалгъэ, фIэщыгъэцIэ, нэгъуэщIыбзэхэм шыщхэр мащIэу фIэкIа кыызэрымыгъэсэбэпыным хуэсакъын зэрыхуейр [Урыс 2002: 10].

Апажэ М.Л. зэритхымкIэ [1992: 115], адыгэ тхыбзэр зэфIэувэу шыщIидзам, зэреджэн тхыль щIагъуэ зэрыщымыIэм кыыхэкIыу, анэдэльхубзэкIэ кыдэкI газетхэм псом хуэмыдэу мыхьэнэшхуэ яIащ – ахэр щIэныгъэм, щэнхабзэм и хэкIыпIэу шытащ, абы нэмышцI, жылагъуэ-политикэ, техникэ сыт хуэдэ фIэщыгъэцIэхэр, урысыбзэ, совет псалгъэ кыыхыхьахэр цыгхухэм ирагъэцIыгуащ. Газетхэм кьахошыж ди бзэм кыыхыхьа псалгъэхэр зэрызаубгъуа щIыкIэхэр. Щапхьэхэр: *бэнэныгъэ – борьба, гъащIэ епльыкIэ – взгляды, дуней епльыкIэ – мировоззрение, хуитыныгъэхэр – свободы, хэыныгъэхэр – выборы, кьарухэр – силы, жэрдэм – инициатива, ухуэныгъэ – строительство, унэтIыныгъэ – направление, тегъэгъуихуакIуэ – вдохновитель, ныкьюэкьюэгъуэ – конкурент, ядернэ Iэцэ – ядерное оружие, кьэралщIыб политикэ – внешняя политика, кьару узэдахэр – вооруженные силы, зауэ тхыдэ – военная история, хуницIагIуэ зауэ – грабительская война, демократизацэ – демократизация, зэхуэкIыныгъэ – перестройка, н. Иджырей еджанIэр зэрыщытыпхьэр: лэжыгъэм кыыцагъэсэбэп Iэмэпсымэхэмрэ Iэмалхэмрэ, егъэджэныгъэм и фIагъыр, дерс нэужьбым ныбжыщIгэхэм драгъэкIуэкI лэжыгъэр, гупжьей зэмылIэужьыгъуэхэмрэ спорт секцэхэмрэ кыызэщIаубыдэр – псори мыхьэнэшхуэ зилэц кьэралым и дежкIэ [«Адыгэ псалгъэ» 2023, № 2:1] – мыхэр зи псалгъафэр публицистикэ стилирщ.*

ЗигугъутщIыстилимнейтралпсалгъэхэрикьегъэсэбэп, псалгъэм папщIэ: зэIуцIэ, зыгъэужьын, кьалэн, пашэ, мэкъумэши, ухуэныгъэ, жьыджэру, мыльку, лэжыкIуэ, кьудамэ, гъуазджэ, Iуэхугъуэ, щекIуэкIын, нэхьыщхьэ, дауэдапцэ, зэнеуэ, упицIэ, жэуап, цыгхубэ, кьэрал, щIэпхьаджагъэ, зэхьэзэхуэ, щIэблэ сыт хуэдэхэр. Щапхьэ: **ЗэIуцIэм** кыыщыхагъэщIащ мы гъэм нэхь тклиуэ кыызэрапщытэнур сабий зыгъэпсэхунIэхэм я кьабзагъэм зэрыщыкIэлыплгъыр, мафIэс, нэгъуэщI Iуэхухэми теухуа шынагъуэнишагъэр кыызэрызэрагъэпэщыр [«Адыгэ псалгъэ» 2023, № 15:1]. **ЩIэблэм** я узынишагъэр, **зыужьыныгъэр**, ягъуэт гъэсэныгъэмрэ щIэныгъэмрэ егъэфIэкIуэныр дапцэщIи цагъэнэхьапэ ди щIыналгъэм апхуэдэу цызэттегъэувац а унэтIыныгъэр [«Адыгэ псалгъэ» 2023, № 2:1].

Нэхьыбэрэ газетхэм ущыхуоузэ жылагъуэ-политикэ, Iуэху зэрызэрахьэ лексикэм: IуэхущIанIэ, Iэтащхьэ, муниципальнэ, политикэ, щэнхабзэ, экономикэ, республикэ, министр, федеральнэ, президент, унафэ, парламент, процент, жэрдэмщIагIуэ, хьэрычэтыщIэ, район, хьыбарегъащIэ сыт хуэдэ псалгъэхэм. Псалгъэм папщIэ: **Сенаторым КьБР-м и Iэтащхьэм, КьБР-м и Парламентым и УнафэщIымы, депутатхэм, республикэм и министерствэхэм** фIыцIэ яхуищIащ, щIыналгъэм щыIэ гугъуехьхэр гъэбелджылынымрэ я кьалэнхэр ягъэзэщIэнымрэ зрегугъум папцIэ [«Адыгэ псалгъэ» 2023, № 12:1]. **Республикэм хьэрычэтыщIэ** мин 54-рэ щыIэц [«Адыгэ псалгъэ» 2023, № 2:1]. **Мэкъумэши IуэхущIанIэхэм** мэкъуауэгъуэ мазэм щыщIадзэри, бжыыхьэм техьэху яхурикъуну мэкъумылэр, хьэуазэр, силосыр, кьэуат зыщIэлэ Iусыпхьэ зэмылIэужьыгъуэхэр ягъэтIылыгъац [«Адыгэ псалгъэ» 2023, № 7:4].

Мыпхуэдэ псалгъэ зэпхэхэм куэдрэ уащыхуоузэ газет, журнал, телевиденэ, радио сыт хуэдэхэм: илгъэсым кьриубыдэу, блэкIа илгъэсым, кьэунэхуа илгъэсым, щIэблэ гъэсэныр, дауи, дауи црехьуи, фигу кьэдгъэкIыжыныци... нэтыныр егъэкIуэкIын (гъэхьэзырын), адэкIэ щыгъуазэ фхуэтищIыныц, губгъуэ кхьухь, зэхьэзэхуэр щIэгъэхуэбжьэн, фIыкIэ дыщогугъ, Iуэху цхьэпэ хэтын, Iэщыхуэ пэрытхэм, жэрдэмыр дэIыгъын, щIыхь тхыль, фIыцIэ тхыль, н. Щапхьэхэр:

Дауи ирехъуи, мыбдеж мыпхуэдэу цыгъысІэну сфІэзахуэц [Къэжэр 2013: 5]. Фигу къэдгъэкІыжыныци, 2022 гъэм кыщыцІэдзауэ адэ-анэхэм я псэунІэхэр ирагъэфІэклун папщІэ анэ мылкъур къагъэсэбэп хъунуц кредит зыт ІуэхуцІанІэхэм зыпащІэурэ [«Адыгэ псалъэ» 2023, № 14:4]. Телевиденэм адыгэ нэтынхэр цыгъэхъэзыру илгъэс пщыкІутхукІэ лэжъа Софият адыгэбзэм теухуауэ ищІэм цыгъуазэт Търкум, Иорданием, нэгъуэщІ къэралхэм щыц егъэдэжакІуэхэр [«Адыгэ псалъэ» 2023, № 10:12].

Газет-публицистикэ стилим куэдрэ къегъэсэбэп псалъэ зэпхэхэр – языр урысыбзэм кыхэкІауэ: жылагъуэ *палатэ*, жылагъуэ *совет*, щІалэгъуэ *политикэ*, цІыхубэ *артист*, хадэхэкІым елэжэ *бригадэ*, гъэзэщакІуэ *власть*, къэрал *власть*, лъэпкъ *проект*, мэкъумэи *техникэ*, *транспортырэ* гъуэгу *хозяйствэмрэ*, щІыналгъэ *программэ*, хъэлъэзешэ *автотранспорт*, н. Псалъэм папщІэ: *Жылагъуэ палатэм* и утыку зэмылІэужыбгыгъуэхэм цызэпкърахащ *щІалэгъуалэ политикэм*, егъэдэжэныгъэм, узынагъэр хъумэным я лъэныкыуэкІэ къэуэ зи чэзу къалэнхэр [«Адыгэ псалъэ» 2023, № 5:1]. *Лъэпкъ проектхэм*, къуажэхэр егъэфІэклуным теухуауэ *щыІэ программэхэм* япкъ *иткІэ* ухуэныгъэщІэхэр ирагъэкІуэкІынуц [«Адыгэ псалъэ» 2023, № 5:1]. *Мэкъумэи техникэр*, жылапхъэхэр лъанІэ зэрыхуар къэллытэмэ, зэрызащІигъэкъуэнур *хэкІыпІэ* яхуэхъуну *узыгъэгугъэц* [«Адыгэ псалъэ» 2023, № 13:1].

Мы гупым хэбгъэхъэ хъунуц псэунІэ-коммунальнэ *хозяйствэ*, псэунІэ-коммунальнэ *ІуэхуцІанІэ*, *щІы-промышленнэ комплекс* сьт хуэдэ псалъэ зэпхэхэр: *ЗэІуцІэм щытесэлъыхъащ псэунІэ-коммунальнэ ІуэхуцІанІэм* и лэжыбгыгъэр зэзыгъуэІу *управленэ* кызэгъэпэщыным [«Адыгэ псалъэ» 2023, № 10:1]. *КъБР-м* и *щІы-промышленнэ комплексым* зегъэужынымыкІэ *щыІэ субсидиэхэр* зэрат *щІыкІэм* зэхуэкІыныгъэхэр зэригъуэтынур *жилащ* *КъБР-м* и *мэкъумэи ІэнатІэмкІэ* и *министрым* и *къалэнхэр* *пІалгъэкІэ* зыгъэзащІэ *Шэт Мэчрэлл* [«Адыгэ псалъэ» 2023, № 13:1].

Газет-публицистикэ стилим куэдрэ кыщагъэсэбэп зыхэщІэгъуэу щыт псалъэ зэпхэхэр: *ди жагъуэ* зэрыхъуныци, *ди гуапэу* кыхыдогъэщ с.ху. Щапхъэ: *Ди гуапэ зэрыхъуныци*, къат куэдэ зэтет унэхэм я пщІантІэхэри зэпэщ *ящІ* ухуакІуэхэм [«Адыгэ псалъэ» 2023, № 8:1]. *Ди жагъуэ зэрыхъуныци*, *анхуэдэ щапхъэхэр* кыпхуэхъынуц *ди литературэмрэ* *искусствэмрэ* *ехъэлгъуи* [Гъут 2021: 40].

Авторым зыхуейр статья еджэхэм ІупщІу захригъэщІэн папщІэ, къиІуатэр я гум нэхъ щІэх нэсын щхъэкІэ, псалъафэхэри, псалъэжхэри кыщигъэсэбэпи къохъу – абыхэм бзэр нэхъ гъэщІэрэщІа ящІ: *Гур мыпІейтейуэ*, *щхъэфэцыр мытэджу* *укъеджэфыркыым* *зауэм* *теухуа* *усэхэу* «*Гупсысэ*», «*Си къуэши*», «*Нэф*», «*Анэм и гур*», «*Сурэт*», «*Ди гъунэгъуу а лыжыбыр псэуат*» *жыхуиІэхэм*, «*Фэепль*» *поэмэ* *кІэщІыым*, *нэгъуэщІхэм* [ХъэфІыщІэ 2021: 36]. *Пасэрейм* зэрыжилащ, «*гуауэри гүфІэгъуэри зэлъагъыщ*», *къэхъуу щытмэ* *нэщхъеягъуэ*, *абы цыгъуэм* *усагІуэр* *мэлъыхъуэ* *ар* *къызэригъэлъэгъуэн* *псалъэ*, *мэлъыхъуэ* *нэхъ* *ерыщу* *псалъэхэм* *хэщытыхъу*, *сьт* *щхъэкІэ* *жыпІэмэ*, *гуауэр* *нэхъ* *къэлгъуэтэгъуейщи...* [ХъэфІыщІэ 2021: 36].

А зи гугъу тщІа мурадыр зрагъэхъулэн папщІэ зэгъэпщэныгъэри языныкыуэ авторхэм къагъэсэбэп: *Ахэр* (усэ мылхуэхэр зэрыт тхылъ гъэщІэрэщІахэмрэ уэрэд купщІэншэхэмрэ) *литературэ* *нэсым* *зэрэкІуалІэр* *нартыху фомрэ* *бжъэ фомрэ* *зэрызхуыщытым* *хуэдизщ* [Гъут 2021: 40]. *Ауэ*, *адыгэм* *ди* *насы-пыншагъэти*, *абы* (я лгъахэм къэкІуэжыну) *пэллэ* *хуэдэ*, *дунейм* *гужыбгыжырэ* *бампІэу* *тетыр* *къэукъубейри*, *зэбгъэщцэнкІэ* *мыдахэм*, – *джэдылІэм* *здихъа* *бабыщыым* *ещхърэ* *гу* *лъамытэххэу* *адыгэ* *хэхэс* *тхъэмыщІкІэхэм* *я* *гуцІагъыцІэлъ* *хуэпсанІэр* *щІуІубэжсауэ* *щытащ* *къэублэрэкІа* *дунейм* [ІутІыж 2007: 331].

Публицистикэ стилим зыгуэр хуэмыгъэдэхэн, ехъурджэуэн и мурадкІэ ауан зыхэлъ Іэмалыр кыщагъэсэбэпи къохъу, къуапэхэм дэту. Щапхъэ: *АтІэм* *мы* «*ди зманым* и *лгъхуужы*» *гуэрхэр* *нэсауэ* *си* *гугъэщ* *кыкІуэти* *укІыти* *хэмылгъу* *анхуэдэ*

псалъэ гурьуэхэр («ТхэмыщкIэфI шыIэкъым», «ТхэмыщкIэр лъагъугъуейщ») тхэмыщкIэ ящIахэм цыхужаIэфыну цытыкIэм [IутIыж 2007: 343]. ПрозэмкIэ зыкъэбгъазэм, нэм заныцIэу кыщIоуэ цIэрыIуэхуным хуэнэхъуейуэ мазэ-мазитIым къриубидэу тхылы пIащэ кыщIезыгъэдз «романистхэр» [Гъут 2021: 40].

Публицистикэ жъабзэм морфологии и IуэхукIэ и гугъу пщIыуэ щытмэ, абы лэжыгъэцIэр куэдрэ къехъ унафэ-кыхуеджэныгъэ тешэм иту, инфинитиву, псалъэм папщIэ: *ИтIани, дымыщхъэху, иджыри цIэрыщIэу девгъэгупсысыжыт* [Къэжэр 2013: 5]. **Зыдгъэгумысыжыт:** махуэ къэс дыхуэзэу пIэрэ апхуэдэ щапхъэ? [КхъуэIуфэ 2016: 144]. *МафIэм фыхуэмакъ! Фи цхъэри фи унэри мафIэм щыфхъум!* [«Адыгэ псалъэ» 2023, №5:4]. *Къэбгъэлабгъуэм, иджыпсту IуэхуцIанIэ псоми Интернетыр хуиту къагъэсэбпыну Iэмал яIэц* [«Адыгэ псалъэ» 2023, № 8:1]. *КыкIэлъыкIуэ джэгугъуэм зейкхуэдэхэм яхуэзфIэклац хэщIыныгъэншэу къекIуэкI «Терчым» 1:0-уэ ефIэкIын икIи етIуанэ увыпIэм зэкIэ кыщIызытеувыIэн* [«Адыгэ псалъэ» 2003, № 2:4].

Жылагъуэм, щIэныгъэм мыхъэнэшхуэ щызиIэ Iуэхугъуэхэм тепсэлъыхъ статьяхэм, авторхэм я гупсысэр къэзыгъэлабгъухэм, зэрыупщIэ псалъэухахэр кыщIыгъэсэбпыпхъэщ, псалъэм папщIэ: *Апхуэдиз цIэлэр зыцIанIыкIа хугъуэфIыгъуэм и пIалъэр зэуэзэпсэу икIауэ къалъытэныр сытым кыхэкIа икIи сыт абыхэм я пIэкIэ ди сабийхэр нобэ зэпIыр?* [«Адыгэ псалъэ» 2023, № 17:3]. НэгъуэщI щапхъэ – Къэжэр Хь. «Iуащхъэмахуэ» журналым Налло З. теухуауэ итха статьям литературэ Iуэхухэм тепсэлъыхурэ, упщIэ зыщыхуегъуэвыж: *ИтIани, дымыщхъэху, иджыри цIэрыщIэу девгъэгупсысыжыт. А зэрыдигугъэм хуэдэу псори гурьуэгъуэу пIэрэ? Iуэхум и тэмэмыпIэ дьдэр икIэм-икIэжым къэтицIэну дыхуеймэ, сыт IуэрыIуатэкIэ узэджэ хъунур? Литературэр-цэ? Дэнэ деж дьдэ абыхэм я «хъэсэ гъунэр»? Хэт джэгуакуэкIэ узэджэнур? УсакIуэ зыфIэпщынуур хэт? IуэрыIуатэ мыхъуу, литературэ къэунэхуауэ, лъэпкъым литературэ игъуэтауэ жыпIэ цыхъунур сытым деж?* [Къэжэр 2013: 5].

ХэIэтыкIа псалъэухахэри газет-публицистикэ стилим куэду хэтщ: *А хабзэм и фIыгъэкIэ нобэ дызэрыгушхуэ къуажэ дапщэ кытхэхъуауэ дилэ!* [IутIыж 2007: 517]. *Адыгэбзэр ди еджапIэхэм щаджын-щамыджыныр адыгэ спонсорхэм я гупыжым епха хъуауэ кызыщывгъэхут!* [IутIыж 2007: 182].

ЗэрыупщIэ псалъэкIапэ пIэрэ, – цэ-р газет-публицистикэ стилим инэщэнэхэм ящыщ. Псалъэм папщIэ, *Апхуэдэ зэхээрыхъам, зэман дэкIмэ, лъэпкъ хабзэ, щэн, унагъуэм илтын хуей пщIэмрэ нэмысымрэ кыщIыбгъуэтыжыныр гугъу мыхъуну пIэрэ?* [«Адыгэ псалъэ» 2023, № 17:3] *ЕджапIэхэм ди анэдэлъхубзэр щадж зэрыхуар-цэ? Лъэпкъ литературэ, анэдэлъхубзэм ирилажээ прессэ, театр дилэ зэрыхуар-цэ?* [IутIыж 2007: 338]. Языныкыуэ статьяхэм псалъэкIапэ – цэ-р хэIэтыкIа псалъэухам хэту ущыхуоэз, псалъэм папщIэ: *Налло Заур и бзэр-цэ! ... ФIы дьдэу хъума дыщэплъ нэхъей, абы (мэкъу пыпхъуэм) и теплэ къудейр-цэ! Хъэмэрэ цхъэр гуанэу игъэуназэрэ псэм IэфI кыщIыхъуу абы мэ гуакуащэу кыхихыр-цэ! Абы ещхыц Налло Заур Iурылы адыгэбзэр* [Къэжэр 2013: 12].

Газет-публицистикэ стилим цIэIуэ псалъэухахэри кыхохуэ, ахэр куэдрэ псалъащхъэу къахъ: *«Гъуазджэм и утыку»* [«Адыгэ псалъэ» 2023, № 2:4], *«Джатэгъэжыым и ехъулэныгъэ»* [«Адыгэ псалъэ» 2023, № 6:4], *«ЩIэныгъэм и цыгум нэса еджагъэшхуэ»* [«Адыгэ псалъэ» 2023, № 8:2], *«Иджырей тхакIуэ»* [Гъут 2017: 81–86], *«Ди нобэрэи дьгъуасэхэр»* [IутIыж 2007: 201–216], н. Авторхэм псалъэуха иримыкхуэр кыщагъэсэбэпи щыIэщ: *Уэ плъэкIмэ къэтиц гур зэрыхуапсэм и инагъыр! Нэр зэрыхуэпскIым и лъэцагъыр! ГукъэкIыж нэхухэм я хъэлабгъыр!..* [IутIыж 2007: 219] *Адыгэ театрым адыгэ пьесэщIэу игъэувар тIу къудейщ. ИлгъэсипIым – тIу!* [IутIыж 2007: 244].

ТегъэщӀапӀэхэр Список источников

Адыгэ псалъэ – КъБР-м и парламентыmrэ Правительствоmrэ я газет. Налшык: КБР-Медиа.

Апажев 1977 – *Апажев М.Л.* О русско-северокавказских языковых контактах и некоторых вопросах лексикографии // Структурно-типологические особенности русского и кавказских языков. Грозный, 1977. С. 11–19.

Апажев 1992 – *Апажев М.Л.* Проблемы кабардинской лексики. Нальчик: Эльбрус, 1992. 336 с.

БАС – *Большой академический словарь*: Словарь современного русского литературного языка. В 17 томах. М., Л.: Издательство АН СССР, 1948–1965.

Бижоев 2022 – *Бижоев Б.Ч.* Русско-кабардино-черкесский и кабардино-черкесско-русский словаря лингвистических терминов. Нальчик: Принт Центр, 2022. 172 с.

БицӀо 2021 – *БицӀо Б.Ч.* Адыгэбзэ лэжьыгъэцӀэм и щхьэбагъыmrэ и грамматикэ категорэ нэхьыщхьэхэмрэ ядӀэплагъу щхьэхуэныгъэхэм ятеухуауэ // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Вып. 2 (49). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2021. С. 28–41. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-2-49-28-41.

БицӀо 2012 – *БицӀо Б.Ч.* Псалъальэм ихуэн хуей псалъэхэр кыхьэхыным ехьэлӀа Гуэхугъуэхэр // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Вып. 1 (19). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2012. С. 64–74.

Бондалетов и др. 1982 – *Бондалетов В.Д., Вартапетова С.С., Кушлина Э.Н., Леонова Н.А.* Стилистика русского языка. Л.: Просвещение, 1982. 286 с.

Будагов 1958 – *Будагов Р.А.* Введение в науку о языке. М.: Учпедгиз, 1958. 435 с.

Гальперин 1958 – *Гальперин И.Р.* Очерки по стилистике английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. 462 с.

Гъут 2017 – *Гъут I.* Иджырей тхакӀуэ // Гуащхьэмахуэ. № 6. Налшык, 2017. Н. 81–86.

Гъут 2021 – *Гъут I.* СеукӀыр сэ жьы зӀепуэм // Гуащхьэмахуэ. № 4. Налшык, 2021. Н. 40–45.

Джаурджий, Дзасэжь 1991 – *Джаурджий Хь.З., Дзасэжь Хь.Е.* Адыгэбзэ. ЯпӀэ Ыхьэ. Налшык: Нарт, 1991. 272 н.

Даль 1956 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. 779 с.

Джаурджий, Дзасэжь 1995а – *Джаурджий Хь.З., Дзасэжь Хь.Е.* Адыгэбзэ. ЯпӀэ Ыхьэ. Налшык: Эльбрус, 1995. 288 н.

Джаурджий, Дзасэжь 1995б – *Джаурджий Хь.З., Дзасэжь Хь.Е.* Адыгэбзэ. ЕтӀуанэ Ыхьэ. Налшык: Эльбрус, 1995. 240 н.

Ефимов 1961 – *Ефимов А.И.* Стилистика художественной речи. М.: Издательство Московского университета, 1961. 520 с.

Кожина 1977 – *Кожина М.Н.* Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1977. 223 с.

Къэжэр 2013 – *Къэжэр Хь.* МыкӀуэдыжын Гуэужь // Гуащхьэмахуэ. № 4. Налшык, 2013. Н. 3–13.

Кхьуэлуфэ 2016 – *Кхьуэлуфэ Хь.* УсакӀуэм и пэж пшынер // Гуащхьэмахуэ. № 3. Налшык, 2016. Н. 140–160.

Лопатинский 1890 – *Лопатинский Л.Г.* Русско-кабардинский словарь. Тифлис: Упр. Кавк. учеб. окр., 1890. 299 с.

Максимов 1975 – *Максимов Л.Ю.* Литературный язык и язык художественной литературы // Анализ художественного текста: сб. статей. Вып. 1. М.: Педагогика, 1975. С. 11–20.

Нало 2008 – *Нало З.М.* Адыгэ псалъэгъэпсахэр. Налшык: Эльбрус, 2008. 240 н.

Новиков и др. 1987 – *Новиков Л.А.* Современный русский язык. Теоретический курс. Лексикология / Под ред. Л.А. Новикова. М.: Рус. яз., 1987. 160 с.

Новиков и др. 1999 – *Новиков Л.А.* Современный русский язык. Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис / Под ред. Л. А. Новикова. СПб.: Лань, 1999. 854 с.

Ногмов 1947 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик: Кабгосиздат, 1947. 160 с.

Панфилов 1972 – *Панфилов А.К.* Лекции по стилистике русского языка. М.: Московский гос. педагогический институт им. В.И. Ленина, 1972. 105 с.

ТЫМЫЖЬ 2016 – *Тымыжь Хь. Т. Хэхэс адыгэ литературэм и кыхэкъыпэ нэхыщхьэ // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Вып. 1 (28). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. С. 79–83.*

Урыс 2000 – *Урыс Хь.Ш. Адыгэбзэм и тхыдэ. Налшык: Эльбрус, 2000. 358 н.*

Урыс 2001 – *Урыс Хь.Ш. Адыгэ грамматикэ. Фонетикэ, морфонемикэ, морфологие. Налшык: Эльбрус, 2001. 232 н.*

Урыс 2002 – *Урыс Хь.Ш. Адыгэбзэмкэ практическэ стилистика. Налшык: Эльбрус, 2002. 208 н.*

Хьэфыщэ 2021 – *Хьэфыщэ М. Усакуэ щэджащэ // Гуащхьэмахуэ. № 4. Налшык, 2021. Н. 31–39.*

Иутыж 2007 – *Иутыж Б. Лъэужь. Налшык: Эльбрус, 2007. 628 н.*

References

ADYGHE WORD. Newspaper of the Government and Parliament of the KBR. Nalchik: KBR-Media. (In Kabardino-Circassian)

АРАЗНЕВ М. Л. *O russko-severokavkazskih yazykovykh kontaktah i nekotoryh voprosah leksikografii* [About Russian-North Caucasian language contacts and some issues of lexicography] IN: Structural and typological features of Russian and Caucasian languages. Grozny, 1977. P. 11–19. (In Russian)

АРАЗНЕВ М.Л. *Problemy kabardinskoy leksiki* [Problems of Kabardian vocabulary]. Nalchik: Elbrus, 1992. 336 p. (In Russian)

BAS *Bol'shoj akademicheskij slovar': Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 17 tomah* [Big academic dictionary: Dictionary of the modern Russian literary language. In 17 volumes]. M., L.: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1948–1965. (In Russian)

BIZHOEV B.CH. *Russko-kabardino-cherkesskij i kabardino-cherkessko-russkij sloviri lingvističeskikh terminov* [Russian-Kabardino-Circassian and Kabardino-Circassian-Russian dictionaries of linguistic terms]. Nalchik: Print Center, 2022. 172 p. (In Russian, in Kabardino-Circassian)

BIZHOEV B.CH. *O mnogolichnosti glagola kabardino-cherkesskogo yazyka i osobennostyah proyavleniya ego osnovnykh grammatičeskikh kategorij* [On the polypersonality of the verb of the Kabardino-Circassian language and the features of the manifestation of its main grammatical categories] IN: Bulletin of KBIGI. 2021. No. 2 (49). P. 28–41. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-2-49-28-41. (In Kabardino-Circassian)

BIZHOEV B.CH. *K probleme nacional'nogo slovarya glossirovaniya* [On the problem of national dictionary glossing] IN: Bulletin of KBIGI. 2012. No. 1 (19). P. 64–74. (In Kabardino-Circassian)

BONDALETOV V.D., VARTAPETOVA S.S., KUSHLINA E.N., LEONOVA N.A. *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian language]. L.: Education, 1982. 286 p. (In Russian)

BUDAGOV R.A. *Vvedenie v nauku o yazyke* [Introduction to the science of language]. M.: Uchpedgiz, 1958. 435 p. (In Russian)

GALPERIN I.R. *Očerki po stilistike anglijskogo yazyka* [Essays on the style of the English language]. M.: Publishing house of literature in foreign languages, 1958. 462 p. (In Russian)

GUTOV A.M. *Sovremennyj pisatel'* [Modern writer] IN: Elbrus. 2017. No. 6. P. 81–86. (In Kabardino-Circassian)

GUTOV A.M. *Ubivaet menya skvoznyak* [The draft is killing me] IN: Elbrus. 2021. No. 4. P. 40–45. (In Kabardino-Circassian)

GYAURGIEV H.Z., DZASEZHEV H.E. *Kabardino-cherkesskij yazyk* [Kabardino-Circassian language]. Vol 1. Nalchik: Nart, 1991. 272 p. (In Kabardino-Circassian)

DAL V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. T. 2. M.: State publishing house of foreign and national dictionaries, 1956. 779 p. (In Russian)

GYAURGIEV H.Z., DZASEZHEV H.E. *Kabardino-cherkesskij yazyk* [Kabardino-Circassian language]. Vol 1. Nalchik: Elbrus, 1995a. 288 p. (In Kabardino-Circassian)

GYAURGIEV H.Z., DZASEZHEV H.E. *Kabardino-cherkesskij yazyk* [Kabardino-Circassian language]. Vol 2. Nalchik: Elbrus, 1995b. 240 p. (In Kabardino-Circassian)

- EFIMOV A.I. *Stilistika hudozhestvennoj rechi* [Stylistics of artistic speech]. Moscow: Moscow University Press, 1961. 520 p. (In Russian)
- KOZHINA M.N. *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian language]. Moscow: Education, 1977. 223 p. (In Russian)
- KAZHAROV H. *Bessmertnoe tvorenie* [Immortal creation] IN: Elbrus. Nalchik, 2013. No. 4. P. 3–13. (In Kabardino-Circassian)
- KAUFOV H. *Pravdivayagarmon' poeta* [The poet's truthful harmonica] IN: Elbrus. Nalchik, 2016. No. 3. P. 140–160. (In Kabardino-Circassian)
- LOPATINSKY L.G. [Russian-Kabardian dictionary]. Tiflis: Ex. Kavk. textbook Okr., 1890. 299 p. (In Russian)
- MAKSIMOV L.YU. [Literary language and the language of fiction] IN: Analysis of the artistic text: coll. articles. Issue. 1. M.: Pedagogy, 1975. P. 11–20. (In Russian)
- NALOEV Z.M. *Adygskaya paremiologiya* [Adyghe paremiology]. Nalshik: Elbrus, 2008. 240 p. (In Kabardino-Circassian)
- NOVIKOV L.A. *Sovremennyj russkij yazyk. Teoreticheskij kurs. Leksikologiya* [Modern Russian language. Theoretical course. Lexicology] Ed. L.A. Novikov. M.: Rus. yaz., 1987. 160 p. (In Russian)
- NOVIKOV L.A. *Sovremennyj russkij yazyk. Fonetika. Leksikologiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya. Sintaksis* [Modern Russian language. Phonetics. Lexicology. Word formation. Morphology. Syntax] Ed. L. A. Novikova. St. Petersburg: Lan, 1999. 854 p. (In Russian)
- NOGMOV SH.B. *Istoriya adyhejskogo naroda* [History of the Adykhean people]. Nalchik: Kabgosizdat, 1947. 160 p. (In Russian)
- PANFILOV A.K. *Lekcii po stilistike russkogo yazyka* [Lectures on the style of the Russian language]. M.: Moscow state. Pedagogical Institute. IN AND. Lenina, 1972. 105 p. (In Russian)
- TIMIZHEV H.T. *Osnovnoj istochnik literatury cherkesskogo zarubezh'ya* [The main source of literature of the Circassian abroad] IN: Bulletin of KBIGI. 2016. No. 1 (28). P. 79–83. (In Kabardino-Circassian)
- URUSOV KH.SH. *Istoriya kabardinskogo yazyka* [History of the Kabardian language]. Nalchik: Elbrus, 2000. 358 p. (In Kabardino-Circassian)
- URUSOV KH.SH. *Adygskaya grammatika. Fonetika, morfonemika, morfologiya* [Adyghe grammar. Phonetics, morphonemics, morphology]. Nalchik: Elbrus, 2001. 232 p. (In Kabardino-Circassian)
- URUSOV KH.SH. *Prakticheskaya stilistika kabardinskogo yazyka* [Practical style of the Kabardian language]. Nalchik: Elbrus, 2002. 208 p. (In Kabardino-Circassian)
- KHAFITSEV M. *Bol'shoj poet* [Great poet]. IN: Elbrus. No. 4. Nalchik, 2021. P. 31–39. (In Kabardino-Circassian)
- UTIZHEV B. *Sled* [Next] Nalchik: Elbrus, 2007. 628 p. (In Kabardino-Circassian)

Авторым теууауэ

Токмакъ М.Хь. – филологие щэныгъэхэмкэ кандидат, доцент, адыгэбзэ секторым и лэжыакгуэ нэхыжь.

Информация об авторах

М.Х. Токмакова – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the authors

M.H. Tokmakova – Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector.

Статья поступила в редакцию 12.11.2023, одобрена после рецензирования 01.12.2023, принята к публикации 26.12.2023.

The article was submitted 12.11.2023, approved after reviewing 01.12.2023, accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья

УДК 801.6

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-88-94

ПОВЕСТЬ Н. КУЕКА «ПРЕВОСХОДНЫЙ КОНЬ БЕЧКАН» В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИОСОФИИ

Мадина Андреевна Хакуашева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dinaarma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1290-6649>

© М.А. Хакуашева, 2023

Аннотация. Статья посвящена исследованию поэтики повести адыгейского писателя Н. Куека «Превосходный конь Бечкан». Рассматриваются наиболее важные аспекты: история времен второй мировой войны, выраженной через художественный дискурс. Цель исследования непосредственно обусловлена актуальностью и научной новизной и заключается в исследовании особенностей поэтики, а также причин дегуманизации, перелома в массовом сознании народа во время войны, болезненный процесс деградации традиционного образа жизни и культуры адыгов. В статье преимущественно применяется метод структурного и исторического анализа, сравнительно-сопоставительный, типологический методы. Автором актуализируются поиски истоков вселенского зла, насилия, военных конфликтов, – традиционной темы, типичной для всего творчества Н. Куека. Исследуются особенности композиции, жанровой принадлежности, выразительные художественные средства, используемые автором. В ходе исследования делаются выводы о том, что особенностями идиостиля Н. Куека являются поэтизированный стиль лирической прозы, жанр повести-притчи, что соответствуют тенденциям северокавказского литературного процесса. Полученные результаты могут найти применение при изучении истории адыгской литературы, написании квалификационных и другого рода исследовательских работ, методической и учебной литературы для студентов филологических вузов.

Ключевые слова: лирическая проза, Нальби Куек, традиционный уклад, дегуманизация, жанр, поэтика, композиция, идиостиль

Для цитирования: Хакуашева М.А. Повесть Н. Куека «Превосходный конь Бечкан» в контексте историософии // Вестник КБИГИ. 2023. № 4 (59). С. 88–94. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-88-94

Original article

N. KUEK'S NOVEL «THE EXCELLENT HORSE BECHKAN» IN THE CONTEXT OF HISTORIOSOPHY

Madina A. Hakuasheva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dinaarma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1290-6649>

© М.А. Hakuasheva, 2023

Abstract. The article is devoted to the study of the poetics of the story of the Adyghe writer N. Kuek «The Excellent horse Bechkan». The most important aspects are considered: the history of the Second World War, expressed through artistic discourse. The purpose of the study is directly due to the relevance and scientific novelty and is to study the features of poetics, as well as the causes of dehumanization, the turning point in the mass consciousness of the people during the war, the painful process of degradation of the traditional way of life and culture of the Adygs. The article mainly uses the method of structural and historical analysis, comparative, typological methods. The author actualizes the search for the origins of universal evil, violence, and military conflicts, a traditional theme typical of the entire work of N. Kuek. The features of composition, genre affiliation, expressive artistic means used by the author are investigated. In the course of the study, conclusions are drawn that the idiosyncrasies of N. Kueka is a poetic style of lyrical prose, the genre of the story-parable, which correspond to the trends of study of the history of Adyghe literature, writing qualification and other kinds the North Caucasian literary process. The results obtained can be used in the of research papers, methodological and educational literature for students of philological universities.

Keywords: lyrical prose, Nalbi Kuek, traditional way of life, dehumanization, genre, poetics, composition, idiosyncrasy

For citation: Hakuasheva M.A. N. Kuek's novel «The excellent horse Bechkan» in the context of historiosophy. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 4 (59): 88–94. (In Kabardino-Circassian). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-88-94

Прозаик Н. Куек проявляет себя мастером поэзии: его художественные прозаические произведения написаны в манере *поэтической прозы*. Такая особенность соответствует тенденции в адыгейской литературе: «Бурное, плодотворное становление жанров прозы в 60-80-х годах в адыгейской литературе, – отмечает Р.Г. Мамий, – было продиктовано самой жизнью... В творчестве адыгейских авторов, таких как Х. Ашинов, П. Кошубаев, С. Панеш, Ю. Чуяко, Х. Теучеж и ряд других писателей... наиболее ярко проявилось такое мощное стилевое течение, как *лирическая проза*» [Мамий 2001: 42–43].

В повести «Превосходный конь Бечкан» автор обозначает болезненный процесс постепенного упадка традиционного образа жизни и культуры адыгов. Знаковым образом становится главный герой Салих, «лесной человек», как его называют односельчане, так как из своих восьмидесяти лет шестьдесят он провел в лесу, чувствовал себя в нем «намного свободнее и уютнее, чем с людьми» [Куек 2011: 469].

Человек, укорененный в природе («лесной человек») и две лошади – Абекуш и ее сын Бечкан как естественные природные существа – не случайные персонажи, потому что для Н. Куека животные и «природные» люди – своеобразные индикаторы, безошибочно определяющие степень утраты подлинных ценностей. Подобная позиция – неновая в мировой литературе, деструктивное начало любой цивилизаторской модели отстаивали Л. Толстой, Генри Торо, провозгласивший природную сущность (в интерпретации Торо – «дикость») как животворную основу любого живого существа, в том числе человека. Еще раньше Жан-Жак Руссо, усмотревший единственный способ для полноценного существования человека в естественном природном ландшафте, провозгласил лозунг «Назад, к самой природе!». Органически вписанные в природу главные герои повести являются единственными выразителями должного пути развития социума и космоса. Автор в своей обычной манере постоянно апеллирует к природному естественному единству природы, животных и человека. В эту гармоничную сферу входит отнюдь не все человечество, а отдельные редкие люди, наделенные некой эмпирической гармонией, которые являются подлинным продолжением природы, ее высшим гуманистическим воплощением. Вот, например, «самоощущение» взрослеющего коня Бечкана, выполненное в типичном пантеистическом духе: «Бечкан... был частью этой нахлынувшей воды, легкого движения воздуха вокруг него, оживших и застывших трав... Он с нежностью ощущал, как порывистые дуновения воздуха

охватывали его точеную голову, стекали по шее, шевеля гриву, и, расширяясь по гладкой спине, разбегались по всему телу...» [Кук 2011: 468].

Автор отнюдь не склонен к идеализации человеческих ценностей, более того, он вводит в повествование образы лошадей будто бы для того, чтобы противостоять эгоизму. Коневодство – центральная отрасль не только хозяйственной жизни, но и традиционной культуры адыгов; тысячелетия люди и лошади составляли единый тандем; присутствие лошади во всех областях жизни было совершенно неотъемлемо в хозяйственной, военной практике народа, постепенно оно прочно вошло в народный мифологию, фольклор, стало центральным концептом адыгского культурного и духовного космоса. Адыги-черкесы вывели блестящие породы ездовых лошадей, таких как Шолох, Абекуш, Бечкан и других, собственно, имена литературных героев-лошадей в повести происходят от названия пород. Старик Салих вырастил, любовно выпестовал сначала Абекуш (соответствующей редкой породы), затем ее сына Бечкана (рожденного от жеребца породы бечкан).

Время нарративного действия повести – период Великой Отечественной войны. Автор дает позитивную оценку конкретному историческому общественному явлению или феномену, исходя из принципов подлинного гуманизма, надежным маркером которого является «хорошее отношение к лошадям». Такой аксиологический принцип отнюдь не случаен: по мере развития сюжета образ Абекуш превращается в символ чистой природной сущности, наделенной физическим и духовным совершенством, врожденным благородством, непогрешимой интуицией. «Ухоженная кожа Абекуш легко угадывала малейшие изменения в воздухе и свете, уши улавливали легчайшие шорохи, она знала, какие травы в какую пору дня слаще. Она угадывала по шелесту и меняющемуся цвету листьев на деревьях, по поведению животных и насекомых в лесу – будет ли теплый дождик или грянет гроза; в ее теле не было ни одной клеточки, которую она не ощущала бы ежеминутно» [Кук 2011: 501]. Но такой высокой ступени индивидуальной эволюции Абекуш смогла достичь лишь благодаря ее хозяину Салиху, его неусыпной заботе, любви и пониманию: «Ничто не мешало ей чувствовать себя лошадью, наоборот, все, чему она училась у Салиха, укрепляло в ней ощущение, что она – существо со своими особенностями. Более того, чем явственнее проявляются присущие только ей черты, тем лучше и ей, и Салиху. Она знала, что с каждым днем становится сильнее, в ней проявляются новые свойства, помогающие понимать окружающий мир, и ничто не угрожает ее существованию. И все это благодаря одному человеку» [Кук 2011: 501].

В описании ощущений Салиха, связанных с восприятием Абекуш, автор сумел передать особый невербальный тип реакции. Эта особенность обусловлена тем, что адыгский менталитет значительное время формировался в условиях военной демократии и обусловил аскетический образ жизни с минимальной вербальной нагрузкой и максимальным объемом моторно-волевых реакций. Это было обусловлено мотивировано безусловным влиянием адыгского этикета (адыгэ хабзэ), который регламентировал все поведенческие паттерны, начиная от нравственно-этических, заканчивая гигиеническими предписаниями. Поэтому адыгский психотип можно с определенностью назвать конативным, интроверсивным, с превалированием скорее экспрессивной, а не эмотивной функцией выражения по сравнению с особенностями «вербальных» народов, долгое время имеющих письменность. Это, например, передано через восприятие Саида, который ощущает красоту лошади «сердцем», а не словом: «Никто не видит истинной красоты лошади, ее надо чувствовать так, чтобы словами невозможно было передать. Слова – тень того, что чувствуешь сердцем» [Кук 2011: 502]. Взгляд художника, свободный от утилитаризма, переводит объект наблюдения в категорию прекрасного: «Разве он (офицер. – М.Х.) не видит, что Абекуш прекрасна и без движений? Разве не прекрасно летнее дерево, стоящее одиноко на просторе, или тихая вода

в прохладной тени нависающих веток высоких деревьев, или погожий день, с утра до вечера облагораживающий мир?.. Абекуш красива тем, что ты тоже становишься красивым вместе с ней, и все, кто это видит, тоже становятся красивыми» [Куек 2011: 503].

Сдержанное отношение к слову – продолжение проявления любви и уважения к нему, эта мысль заключена в авторских комментариях: «Народ, к которому я принадлежу, придумал самые красивые слова. Многие поверили этим словам. Только словом можно рассказать о себе, чтобы о тебе узнали другие. Есть еще другие способы, но слово сильнее всего – так считают люди» [Куек 2011: 419]. Однако автор отражает парадоксальность, амбивалентность народного восприятия по отношению к слову: «Но слово – только звук. Только – это даже слишком, но как иначе?» [Куек 2011: 419].

Партизаны убивают старика Бечира только потому, что он оказался невольным свидетелем преступления командиров партизанского отряда, ранят русского мальчика Саню, усыновленного Бечиром, самого Салиха. Автор не склонен идеализировать партизанское движение, среди народных «защитников» нередко находились криминальные элементы, личности с темным прошлым. Согласно художественной логике, сама война превращается в причину зла даже для бойцов сопротивления. Так, партизаны, встреченные Салихом, Бечиром и Саней – закономерный «продукт» войны с деформированной психикой: «стертой» нравственностью и полной утратой гуманистического начала.

Напряженное размышление автора относительно природы войны, насилия, мирового зла приобретает характер глубинного разностороннего философского поиска, направленного в том числе и на область бессознательного. После жестокого столкновения с партизанами главный герой Салих видит сон, который отчасти освещает проблему невинных жертв войны. «Почему ты убил Хромого Бечира, Ы?» – спрашивает его Салих. «Он бы донес на нас!» – «Но в чем он виноват?» – «А разве убивают только виноватых, Салих? Идет большая война, убивают тысячи. Кто спрашивает, виноваты они или нет? Ты родился, значит – уже виноват» [Куек 2011: 480].

Сон как художественный прием, приоткрывающий глубины бессознательного, достаточно активно используется современными русскоязычными адыгскими авторами, такими как Ю. Шидов, А. Макоев, А. Балкаров и др.

Вторжение немецко-фашистских оккупантов заканчивается повторным ранением Салиха; его Абекуш, «никогда не знавшая ни хомута, ни хворостины, ни окрика, сама все понимавшая в полуслова, с легкого движения или мягкого прикосновения» [Куек 2011: 499], была запряжена в старую телегу, превращена в тягловую лошадь. Партизаны рассматривают великолепную скаковую лошадь как источник пропитания. Однако среди немцев находится офицер – подлинный знаток лошадей, который сумел по достоинству оценить Абекуш и намерен увезти ее в Германию в коммерческих целях для разведения редких дорогостоящих пород.

Автор сталкивает благородное животное с целым рядом испытаний, которые грозят ему гибелью исключительно по вине человека, – одной из них является технократия. Заместитель председателя колхоза на всей скорости врывается в табун лошадей на мотоцикле, сбивает и калечит Абекуш. Он жалеет не прекрасное живое создание, а свой «пострадавший» мотоцикл, и на заседании правления колхоза пытается доказывать, что машина «стоит намного больше, чем весь этот нищий табун, и он заставит Лекура и Салиха расплатиться за него» [Куек 2011: 513].

Технократия, постепенно коммерциализирующаяся действительность, убивающая живое чувство, становится подлинным злом, – превращается в «Железного Волка» (главный персонаж в одноименном романе адыгейского писателя Юнуса Чуюко), разрушает традиционный, веками сложившийся уклад, разъединяет и ожесточает людей, – именно к таким выводам приходит читатель при чтении

художественных произведений современных русскоязычных адыгских писателей: Ю. Шидова, А. Макоева, А. Балкарова, В. Мамишева и др.

Драматизм сюжета к финалу стремительно нарастает, художественный дискурс постепенно начинает напоминать предапокалипсис: приходит к концу все, что составляло смысл, цель и гордость всего адыгского народа. Неотъемлемый образ традиционной народной жизни – племенные скаковые лошади, обретшие мировую славу, в пространстве художественного хронотопа больше никем не ценятся, кроме Салиха, Лекура и мальчика Сани. «Разве людям сейчас до каких-то лошадиных пород? – думал Салих. – Они их в скотину обыкновенную превращают, уничтожают в них столетиями возвращенные качества. Как бы они сами тоже не оскотинились» [Кук 2011: 525].

Лекур – «косолапый», «кривоногий», но при этом чуткий художник, влюбленный в красоту, в разных ракурсах пытается изобразить ускользающий образ любимого коня Бечкана. Своей странностью, несуразностью внешнего облика, манер он, несомненно, несет печать «юродивого», «блаженного», столь узнаваемого персонажа в русской классической и советской литературах. Эти черты на самом деле маркируют святость, чистоту, «внеземное», высшее назначение подобного типа персонажей. Лекур для автора – человек мира. Не случайно он связывает его с излюбленным и столь распространенным образом бога-кузнеца Тлепша, который, очевидно, способен своими руками «выковывать» новый мир: «Лекур, сцепив руки на затылке, прилег и стал представлять: «Я великан, мои ноги лежат в воде, спина перекрыла русло, плечи покоятся на стволах больших деревьев в лесу, а голова достает до облаков. Вот птицы садятся мне на грудь. Если пошевелюсь, вспорхнут птицы, заволнуется вода, обрушатся берега» [2011: 485]. За юмористической, иронической авторской интонацией – образ героя-фантазера, воображающего себя великаном, скрывается подлинное отношение автора к Лекуру как истинному герою: он бросился в бурную реку, чтобы спасти Салиха и бесценную лошадь, и только чудом уцелел. Но благодаря усилиям Салиха, Лекура и Сани избежал гибели сын Абекуш – Бечкан, который по сути символизирует спасенное будущее.

Эти персонажи олицетворяют «хранителей», которые отвечают за сохранение и процветание прекрасных племенных лошадей. Но присущая Н. Куеку полисемичность неизмеримо расширяет рамки художественного повествования и формирует символический план восприятия этих (и других) литературных героев, а также самого контекста. Салих, Лекур и Саня воплощают реальных немногочисленных представителей адыгской культуры, которые не только способны понять и отдифференцировать подлинные высшие духовные ценности древней адыгской народной культуры, сформированные тысячелетней сложной историей становления, но и отстаивать их любыми путями, даже ценой собственной жизни.

Драматизм художественного подтекста обусловлен наличием символических исторических аллюзий, связанных с трагическими вехами реальной истории адыгского народа: Кавказской войны, революции, красным террором, трагедии Второй мировой войны, обозначенной сюжетом повести. Народная трагедия коснулась всех сфер традиционной культуры, в том числе коневодства, основного промысла адыгов. Автор не прибегает к исторической или художественной риторике, не артикулируемый исторический контекст так или иначе «мерцает» за счет недосказанностей, пауз, неопределенных отсылок к трагическому прошлому, которые вместе создают довольно плотный информационный и эмоциональный фон.

Культовое отношение к лошадям, долгий кропотливый труд, вековые традиции и мастерство адыгов привели к появлению редких элитных кабардинских пород, снискавших мировую славу. Это отношение сквозит в описании Бечкана – образ коня и человека сливается в единый вневременной портрет, вписанный в пролонгированный разностадийный исторический хронотоп пантеистического восприятия: «Люди должны понимать, что быстрые ноги Бечкана – это... легкие,

сильные, стремительные ноги наших предков, теперь только наши сердца могут быть такими. Разве можно уничтожить бег наших сердец, их полет?.. Глаза Бечкана – это и наши глаза: мягкие, кроткие, ясные, глубокие, они видят мир таким, каким он рожден в первый день творения... Бечкан не думает: для меня воды текут, дожди идут, травы растут, а видит себя вместе с ними, он тоже течет, идет, растет, дышит, светит...» [Куек 2011: 529]. В античной истории греков и черкесов длительный период сосуществования на Черноморском побережье в составе множества греческих колоний привел к взаимной аккультурации, в результате которой родился и мифологический образ кентавра как следствие особой укорененности лошади в быту и культуре этих народов. Образы Абекуш и Бечкана как символы свободы и благородства олицетворяют дух адыгского народа, именно поэтому они становятся этическими и нравственными маркерами авторского нарратива.

Художественные произведения Н. Куека, как правило, подчинены единому стилю: текст насыщен философской символикой, сохраняет приверженность эпическому повествованию, (чаще по принципу эпической стилизации), например, в описании Бечкана: «Страшен был вид Бечкана. Он разрывал туман своим бегом, грива его металась в воздухе, из ноздрей полыхал огонь, а из-под копыт взметались искры. Стало тихо, Бечкан бежал через проход, образованный лошадьми, от его звонкого и гневного ржания дрожали даже травы» [Куек 2011: 512]. Характерно, что автор прибегает к художественным средствам выражения, типичным для эпического текста, – экспрессии, гиперболе. Однако этот прием реализуется, чтобы описать чудо-коня в мечтах одного из героев повести Лекура, когда тот только воображает «превосходного коня Бечкана», который приходит ему на помощь, чтобы защитить свою мать – кобылицу Абекуш. Так в повести реализуется тенденция «снижения» эпического стиля, к которому автор прибегает в некотором пародийном ключе. Автор склонен к созерцательности, риторическому вопрошанию, афористичности: «Жизнь леса начинается в его корнях, но кто может увидеть их, а если и увидит, что он может понять?» [Куек 2011: 469].

Н. Куек широко использует идею анимализма – «интроспективный, психолого-ориентированный подход к познанию животного и репрезентации его в различных сферах культуры, исходящий из признания факта наличия в животном чувственного и разумного начал» [Белогурова 2011 (эл.рес.)]. Поэтому главным героем, способным выполнять необходимую смыслообразующую и структурообразующую функции, становится животное-нарратор. По словам немецкого исследователя В. Шмидта, «как раз субъектность нарратора и обуславливает его притягательность в литературе» [Шмидт 2003: 64].

Провозглашение начала времен дегуманизации, художественная фиксация их примет, доступных порой лишь проницательному взгляду художника, – такова одна из центральных задач творческого метода Н. Куека. Истоки подлинного гуманизма, по представлению автора, – в нравственном императиве отдельных личностей, но не в массах. Так реализуется концепция индивидуализированной нравственности, определяющей качество жизни в любой из ее сфер.

«Статья Блока «Крушение гуманизма» (1919) в самом своем названии обозначила то, от чего, по мнению автора, будущая жизнеспособная культура новой эпохи масс не может не отвернуться: от гуманизма, понимаемого поэтом как «мощное движение» культуры, которое идет от эпохи Возрождения, возрастая и развиваясь на идее и идеале индивидуалистического, самоопорного человека... Народ, по Блоку, был естественно отлучен от гуманистического культурного движения, «индивидуалистического по существу», выражая свои стремления (...) на диком и непонятном для гуманистов языке – на варварском языке бунтов и кровавых расправ» [Семенова 2003: 33–34].

Особенности идиостиля Н. Куека: поэтизированный стиль, жанр романа-мифа, повести-притчи – соответствуют тенденциям мирового литературного процесса.

Список источников

- Белогурова 2011 – *Белогурова С.П.* Анимализм как культурологический и художественный феномен в общественной мысли рубежа XIX–XX вв. (Электронный ресурс). 2011. URL: <http://cheloveknauka.com/animalizm-kak-kulturologicheskij-i-hudozhestvenny-fenomen-v-obschestvennoy-mysli-rubezha-xix-xx-vekov#ixzz4eUl3gDRf>
- Кук 2011 – *Кук Н.Ю.* Собрание сочинений. В 8 т. Т. 1. Майкоп, 2011.
- Мамий 2001 – *Мамий Р.Г.* Вровень с веком. Майкоп, 2001. С. 42–43.
- Семенова 2003 – *Семенова С.Г.* Грезы о новой культуре. Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М.: ИМЛИ, 2003. С. 33–34.
- Шмидт 2003 – *Шмидт В.* Нарратология. Языки славянской культуры. М., 2003.

References

- BELOGUROVA S.P. *Animalizm kak kul'turologicheskij i hudozhestvennyj fenomen v obshchestvennoj mysli rubezha XIX–XX vv.* [Animalism as a cultural and artistic phenomenon in public thought at the turn of the XIX–XX centuries]. (Electronic resource). 2011. URL: <http://cheloveknauka.com/animalizm-kak-kulturologicheskij-i-hudozhestvenny-fenomen-v-obschestvennoy-mysli-rubezha-xix-xx-vekov#ixzz4eUl3gDRf>
- KUEK N.Y. *Sobranie sochinenij. V 8 t. T. 1* [Collected works]. In 8. Vols. 1. Maykop, 2011.
- MAMIY R.G. *Vroven' s vekom* [Level with the century]. Maykop, 2001. Pp. 42–43.
- SEMENOVA S.G. *Grezy o novoj kul'ture. Filosofskij kontekst russkoj literatury 1920–1930-h godov* [Dreams of a new culture. The philosophical context of Russian literature of the 1920s–1930s]. Moscow: IMLI, 2003. Pp. 33–34.
- SCHMIDT V. *Narratologiya* [Narratology]. Languages of Slavic culture. M., 2003.

Информация об авторе

М.А. Хакушева – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардинской литературы.

Information about the author

M.A. Hakuasheva – Doctor of Science (Philology), Leading Researcher of the Kabardian Literature Sector.

Статья поступила в редакцию 10.11.2023; одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 26.12.2023.

The article was submitted 10.11.2023; approved after reviewing 01.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья

УДК 398.22

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-95-106

ОБРАЗ «НИЗКОГО» ГЕРОЯ В АДЫГСКОМ ЭПОСЕ

Мухамед Фуадович Бухуров

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, mbf72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6253-4097>

© М.Ф. Бухуров, 2023

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению эволюции одного из универсальных фольклорных типов, который в научной литературе часто обозначается термином «низкий герой». В адыгской фольклористике нет специальных исследований, посвященных данному персонажу, хотя он отмечается и в сказках, и в сказаниях архаического нартского эпоса, и в циклах историко-героических песен и преданий. Большинство работ, в которых обращается внимание на образ «низкого» героя, посвящено его рассмотрению в богатырских и волшебных сказках, что отчасти обусловлено его большей популярностью в данном фольклорном жанре. В настоящей работе впервые на широком сравнительном материале исследуются истоки образа, его типология и его эволюция в разных жанрах адыгского народного устно-поэтического творчества. Устанавливается, что функция данного типа персонажей в разных произведениях неоднозначна. В сказаниях нартского эпоса чаще всего сказитель прибегает к приему «снижения» героя для создания эффекта неожиданности: герой или совсем еще младенец, или же с виду глубокий старик, вследствие чего общество его недооценивает. В сказке он обычно просто скрывает свою истинную богатырскую природу, чтобы проявить ее только тогда, когда в этом есть необходимость. В преданиях историко-героического эпоса герой прибегает к хитрости, чтобы скрыть от противника свою сущность и намерения.

С опорой на международный указатель сюжетов и мотивов, созданный С. Томпсоном по системе А. Аарне, устанавливается типология сюжетов, в которых фигурирует этот персонаж. К анализу привлекаются материалы как из ранее опубликованных текстов, так и из архивных источников рукописного фонда и фонотеки ИГИ КБНЦ РАН, которые до этого не вводились в научный оборот.

Ключевые слова: образ «низкого» героя, нартские сказания, историко-героический эпос, сказка, предание, сюжет, мотив

Для цитирования: Бухуров М.Ф. Образ «низкого» героя в адыгском эпосе // Вестник КБИГИ. 2023. № 4 (59). С. 95–106. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-95-106

Original article

THE IMAGE OF A «LOW» HERO IN THE ADYG EPIC

Mukhamed F. Bukhurov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, mbf72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6253-4097>

Abstract. The article is devoted to the consideration of the evolution of one of the universal folklore types, which in specialized literature is often designated by the term “low

hero". In Adyg folklore there are no special studies devoted to this character, although it is noted in fairy tales, in the tales of the archaic Nart epic, and in cycles of historical-heroic songs and legends. Most of the works that draw attention to the image of the "low" hero are devoted to considering it in heroic and fairy tales, which is partly due to its greater popularity in this folklore genre. In this work, for the first time, using broad comparative material, the origins of the image, its typology and its evolution in different genres of Adyg folk oral and poetic creativity are explored. It is established that the function of this type of character in different works is ambiguous. In the tales of the Nart epic, the narrator most often resorts to the technique of "lowering" the hero to create the effect of surprise: the hero is either just a baby, or he looks like a very old man, as a result of which society underestimates him. In a fairy tale, he usually simply hides his true heroic nature in order to reveal it only when there is a need for it. In the legends of the historical-heroic epic, the hero resorts to cunning to hide his essence and intentions from the enemy.

Based on the international index of plots and motifs created by S. Thompson according to the system of A. Aarne, a typology of plots in which this character appears is established. The analysis involves materials both from previously published texts and from archival sources of the manuscript collection and record library of the IHR KBSC RAS, which had not previously been introduced into scientific circulation.

Keywords: image of a «low» hero, Nart legends, historical-heroic epic, fairy tale, legend, plot, motive

For citation: Bukhurov M.F. The image of a «low» hero in the Adyg epic. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 4 (59): 95–106. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-95-106

В настоящее время в отечественной фольклористике существует ряд трудов, посвященных изучению образа так называемого «низкого» героя. В данном случае следует упомянуть имена известных ученых Е.М. Мелетинского, Н.В. Новикова, В.Я. Проппа, в чьих исследованиях с наибольшей полнотой освещаются основные признаки и черты характера этого персонажа. Имеются также монографические работы адыгских фольклористов, где этой проблеме отводится значительное внимание. Таковы, например, труды А.И. Алиевой «Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов» [Алиева 2019: 368–626], М.Ф. Бухурова «Адыгская богатырская сказка» [Бухуров 2015], Ж.Г. Тхамоковой «Адыгская бытова сказка (сюжетный состав в сравнительном освещении)» [Тхамокова 2014], Ш.Х. Хута «Сказочный эпос адыгов» [Хут 1981] и др. Однако, как видно, особенности этого типа персонажей больше всего изучались в связи со сказочным эпосом адыгов.

В литературе, в которой охарактеризован этот персонаж, авторы для его обозначения пользуются различными терминами – «низкий» герой, «не подающий надежд», «иронический удачник» и др., однако, несмотря на это, он выделяется по одному и тому же принципу – по социальному положению и личным качествам. Чаще всего он или сын бедных, или ничем не знаменитых родителей (например, сын бедной вдовы), или же сын князя (хана, царя), но по своим способностям не равный подобным себе по происхождению (например, самый младший из трех братьев, на вид глуповатый, презираемый всеми юноша), неизвестного происхождения.

Так, по справедливому замечанию Е.М. Мелетинского, «в народной волшебной сказке – два основных типа героя. Один из них – эпический, его делают героем «благородное происхождение, юношеские подвиги и красота (Иван-царевич, например). Другой – «низкий», «не подающий надежд». Он занимает низкое социальное положение, плохо одет, презираем окружающими, на вид ленив и простоват, но неожиданно совершает героические подвиги либо получает поддержку волшебных сил и достигает сказочной цели» [Мелетинский 1958: 213]. В мировом фольклоре ученый выделяет несколько видов героя этого типа: «грязный мальчик» у североамериканских индейцев, «лысый паршивец» у тюркских и монгольских народов, «запечник» – в Скандинавских странах (норвежский Аскеладден, исландский Кольбитр или «углеед»), карело-финский Тухкимус и др. Придерживаясь концепции М.Е. Мелетинского, Ш.Х. Хут пишет: «Подлинным героем

адыгской волшебной сказки бывает бедный, презираемый всеми и даже на первый взгляд, глуповатый юноша. В начале сказки он, как правило, не только не отличается никакими достоинствами, но даже стремится скрыть их. Над ним глумятся и взрослые и дети. О его истинных достоинствах обычно узнает младшая дочь князя, которая выбирает его себе в мужа» [Хут 1981: 44]. В отличие от них, для обозначения данного типа героя, Н.В. Новиков пользуется термином «иронический удачник», и он дает ему следующую характеристику: «Иронические удачники обычно не наделяются от рождения ни физической силой, ни красотой. Напротив, они, как правило, выглядят замарашками, забитыми, загнанными, ничтожными и всеми презираемыми существами. Счастья «по случаю», физическая сила и красота к ним приходят со временем, с помощью волшебных животных, прежде всего коня и рыбы-щуки» [Новиков 1974: 79]. По его мнению, таковыми являются персонажи восточнославянской волшебной сказки Незнайка, Иванушка-дурачок, Емеля-дурак. Как считает А.И. Алиева, «иронический удачник» адыгской сказки типологически соответствует идентичным героям восточнославянской сказки Незнайке и отчасти Иванушке-дурачку. По ее словам, характерным признаком для этого персонажа является то, что он «по разным причинам (или вовсе без них) скрывает свои богатырские достоинства и даже больше того – нередко ведет себя как глупый, ленивый, никчемный человек» [Алиева 2019: 441].

В работе «Адыгская богатырская сказка» нами была предпринята попытка определения нескольких разновидностей типа «низкого» героя. Взяв за основу принцип, с помощью которого герой достигает поставленной цели, мы рассматриваем «иронического удачника» как отдельную разновидность типа «низкого» героя. Как можно заметить из приведенных высказываний ученых, в судьбе «иронического удачника» решающую роль играют чудесные помощники или предметы, т.е., благодаря им, сказочный герой достигает цели.

В данном случае в качестве примера можно привести адыгскую сказку «Губная гармошка» [Сказки... 1978: 267–270]. Текст сказки контаминированный. Экспозиция – это характеристика героя – он самый младший из трех братьев, глуповатый юноша. После смерти отца, сыновья делят богатство и ему оставляют только спицу от колеса старой арбы. Далее следуют сюжеты из новеллистических сказок на сюжеты под номерами 1653 и 1000 в международном указателе сюжетов и мотивов, созданном С. Томпсоном по системе А. Аарне (далее АТ) [Thompson 1961]: братья отправляются на поиски счастья; в лесу, чтобы переждать ночь, они взбираются на какое-то дерево; под деревом останавливаются абреки, которые возвращались из набега; задремавший дурак роняет спицу, и она падает в кипящий навар, испугавшиеся абреки, оставив добычу, убегают (ср. в восточнославянской сказке: СУС 1653А, В, С = АА 1653В *Дурень, его братья (жена и муж) и разбойники*: братья ночуют в лесу на дереве (на мельнице); дурак (жена) роняет от туда дверь (жернов, труп) (ср.: 1009) на головы разбойников; они убегают, оставив свою добычу; она достается дурню и его братьям [Сравнительный указатель... 1979: 342]). Братья делят добычу, дурак оставляет себе только мешок проса; он отдает просо какому-то старику, и за это получает чудесную губную гармошку (как только дурак начинает играть на ней, все вокруг пляшут). Дурак нанимается в работники к какому-то князю за пять рублей в год (ср. в восточнославянской сказке: СУС 1000 *Уговор не сердиться*: хозяин (поп) и батрак (наем за три щелчка в лоб) – рамочное обрамление нескольких сюжетов [Сравнительный указатель... 1979: 254]). Выделяется также распространенный в волшебных сказках сюжет АТ 592: дурак играет на гармошке, князь танцует; он обещает дураку половину своего богатства, лишь бы он прекратил игру на гармошке (ср. в восточнославянской сказке: СУС 592 *Чудесная скрипка (дудка, гусли, флейта)*: герой получает скрипку; слушающие игру пляшут (в терновнике или в другом месте) до изнеможения; героя за это судят, он играет и судьи невольно пускаются в пляс [Сравнительный

указатель... 1979: 165]). Дурак выполняет его просьбу, и за это получает половину богатства князя и женится на самой красивой девушке.

Как видно, в сказке герой получает чудесный предмет, благодаря которому он достигает своей цели по счастливой случайности, и это позволяет отнести его к категории «иронических удачников», но его образ больше всего встречается в волшебных и бытовых сказках.

В адыгском сказочном эпосе, как и в фольклоре многих других народов, распространён и другой тип «низкого» героя, который является более активным в действии. Как правило, в начале сказки он, как и «иронический удачник» характеризуется как «не подающий надежд»: он сын бедной вдовы, у него нет ни родни, ни друзей, его называют «сыном дряхлой шубы». Или же он самый младший из трех братьев, все свое время проводит у очага, играясь в золе, или же пасет коз, ухаживает за старшими братьями, а те нещадно издеваются над ним. Однако он неожиданно для всех проявляет чудеса и храбрость: в одиночку сражается с целым войском или многоголовыми мифологическими существами иныжами (великан), бляго (дракон) и одерживает победу, выполняет завещание отца, «трудные задачи», поставленные князем (ханом), девушкой-богатыршей и др. Но он, в отличие от «иронического удачника», достигает сказочной цели, благодаря своей физической силе. Подобный герой фигурирует в фольклорных жанрах героического характера – богатырских сказках, архаических нартских сказаниях и историко-героическом эпосе. Например, в богатырских сказках перед смертью отец завещает сыновьям три ночи караулить его могилу; завещание отца выполняет только младший из братьев – «не подающий надежд»: на могиле отца он сражается с иныжами, побеждает их и получает трех чудесных коней, на которых в дальнейшем он совершает подвиги и женится на дочери князя (см. АТ 530 I *Волшебный конь*; ср.: 300 А *Бой на мосту*: герой получает коней, убив великанов на мосту). В других сказках на сюжет АТ 530 III отец три ночи последовательно посылает трех сыновей сторожить табун лошадей; только младшему, невзрачному, сыну удается убить антагониста. В финале он получает дочь пши (хана), богатство, становится пши (ханом). Интерес представляют также сказки на сюжет АТ 530 А *Плешивый зять*: герой добывает для заболевшего тестя молоко лани, клеймит старших зятьев, чем разоблачает их [Сравнительный указатель... 2018: 578] (ср. в восточнославянской сказке: СУС 530А=АА 530* В *Свинка золотая щетинка*: царь поручает трем зятьям – младший считается дурнем – добыть диковинки (свинку с золотой щетинкой, златорогого оленя или морских кабанов, коров и т.п.); добывает диковинки дурень, но уступает двум другим зятьям за отрезанные пальцы и кожу со спины; на пиру, где их чествуют, доказательств, представленные дурнем, изобличают обманщиков. – Началом часто служит 530 [Сравнительный указатель... 1979: 151].

Как видно, в сказочном эпосе адыгов выявляются две разновидности типа «низкого» героя:

а) «иронический» удачник: достигает успеха благодаря чудесным помощникам и предметам; больше всего известен по волшебным и новеллистическим сказкам;

б) «низкий» герой-богатырь: достигает цели благодаря своей физической силе; которую он до поры скрывает; фигурирует в богатырских сказках.

Наиболее распространенными в адыгских сказках являются Куйцук (Маленький Плешивец), Шихумций, Кулаций, Хамыр и др., которые во многих случаях представлены «ироническими» удачниками, а в некоторых – богатырями. Например, Шихумций (Кулаций, Хамыр) (идентичен восточнославянскому Мальчик с пальчик) встречается в волшебных сказках на сюжет АТ 700 (Кулацу (крохотный мальчик) несет обед отцу в поле, помогает ему. Затем он попадает в дом к старухе Нашгушидзе, но спасается благодаря своей находчивости. С помощью хитрости забирает у встречных всадников угнанных ими коней, у пастухов – быков

и телят и вместе с добычей возвращается домой [Алиева 2019: 396] (см. сказки «Кулаций I», «Кулаций II» [Адыгэ таурыххэр... 2018: 222–225]). В некоторых случаях он является героем и богатырских сказок, и его образ связан с сюжетом АТ 301 А, В (ср. в восточнославянской сказке СУС 301 А, В *Три подземных царства*: герои идут искать исчезнувшую царевну; поочередно варят обед; старичок с ноготок калечит братьев или спутников силача, но терпит поражение в схватке с ним; тот по следам старичка спускается под землю или (реже) поднимается на гору, освобождает трех царевен и, несмотря на предательство братьев (спутников), не пожелавших вытащить его обратно, возвращается наверх (на гигантской птице); приходит на свадьбу царевны и мнимого ее спасителя (ср.: 974); женится на ней) (см. сказку «Кулаций III» [Адыгэ таурыххэр... 2018: 226–229]).

Часто сказки, в которых фигурируют эти персонажи, начинаются с инициальной формулы (или с эпизода), повествующей о низком социальном положении героя или о его личных качествах:

«Зы хъаньжъ гуэрэм къуищрэ пхъуищрэ иГэт. И къуэ нэхъыщIэ дьдэр КъуийцIыкIут» [Адыгэ таурыххэр... 2018: 58] – «У какого-то старого хана было три сына и три дочери. Самым младшим был Куйцук»;

«Зы къуажэ гуэрэм зы лIыфI дэст, къуищрэ пхъуищрэ иГэу. И къуэхэм ящыщу нэхъыщIэ дьдэр къуийт, зреджэри КъуийцIыкIут» [Адыгэ таурыххэр... 2018: 79] – «В одном ауле жил хороший муж, у которого было три сына и три дочери. Из сыновей самый младший был плешив, и звали его Куйцук»;

«Зы лIыжъ гуэрэм къуищ иГэт: тIур губзыгъэт, ещанэ нэхъыщIэ дьдэр делэт» [Адыгэ таурыххэр... 2018: 219] – «У одного старика было три сына: двое <старших> – умные, а третий – дурак».

Отдельного внимания заслуживает персонаж «благородного» происхождения, в образе которого наблюдаются черты отважного и храброго воина, но пребывающий в «низком» состоянии временно. Он с самого начала сказки обладает богатырской силой, мужеством и рыцарским благородством и всегда следует идеям адыгского этикета: «рыцарской чести и отваги, почитания старших и женщин, принципам гостеприимства, скромности, толерантности и т.п.» [Бгажноков 1978: 147]. Однако иногда, для достижения своей цели, он принимает черты «низкого», «не подающего надежд» героя. Например, в богатырской сказке «Мыхьэмэтищ» («Три Магомета») [Адыгэ таурыххэр... 2018: 447–457] самый младший из трех братьев, Магомет сын Князя, еще в юношеском возрасте совершает подвиги. Он убивает двух многоголовых иныжей (великанов) и освобождает девушек, похищенных ими. Узнав о существовании девушки необыкновенной красоты, отправляется на ее поиски. В пути герой преодолевает различные препятствия, находит красавицу в плену у великана, сражается с ним, одерживает победу и женится на этой девушке. Однако ее похищает какой-то князь. Магомет, сын Князя переодевается в невзрачную пастушью одежду, *гобенеч*, и с чабанской палкой в руке приходит к князю. Он нанимается к нему в работники: ему поручают ухаживать за лошадьми князя. В финале сказки он убивает князя и возвращает себе жену.

Образ подобного персонажа типологически соответствует восточнославянскому Незнайке (ср. СУС 532 *Незнайка*: царевич изгнан мачехой; по совету коня надевает рубище и на вопросы отвечает «не знаю»; поступает садовником к царю, царевна его примечает; тайно он трижды избавляет царя от врагов; о его подвигах узнают, и он женится на царевне). Как отмечает Н.В. Новиков, «Незнайка – образ героический. Вместе с тем в нем, пожалуй, как ни в одном из сказочных персонажей героические черты сливаются с чертами комическими, и лукавое притворство, озорство и хитрость проявляются столь же отчетливо, как и физическая сила» [Новиков 1974: 80]. По мнению ученого, в судьбе этого Незнайки решающая роль принадлежит волшебному коню. Высказывания Н.В. Новикова можно отнести к героям собственно волшебных сказок на сюжет АТ 532. Однако, как

показывает анализ нашего материала, в богатырских сказках чудесный конь лишь дает советы герою, а достигает он своей цели, как уже было сказано, благодаря собственной физической силе и мужеству (см. также адыгскую богатырскую сказку «Зыри зымышцІэ Нарун» – «Нарун-Незнайко» [Адыгэ таурыххэр... 2018: 420–426]).

Черты «низкого» героя выявляются и в образах персонажей адыгского нартского эпоса. Сюжет о невзрачном старике, который оказывается богатырем и одолевает целую компанию всадников, известен, например, в сказаниях о Тлепше. Веселый нартский свадебный поезд возвращался домой. В пути молодые люди видят бедно одетого всадника на белой кляче. На нем была старая лохматая шапка, а полы его черкески свисали так, что он сидел на коне неказисто. Нарты стали приставать к нему, смеяться, издеваться над ним, гонять его, наезжая лошадьми. Незнакомец просит их оставить его в покое, но те отказываются и начинают еще больше подшучивать над ним. Старик, неожиданно для всех, ударив своего коня, начинает гарцевать, вышибает нартов одного за другим из седел, подъехав к повозке, подхватывает невесту и уезжает [Нартхэр... 2012: 112–116]. Согласно многочисленным вариантам сказания о Сосруко, между ним и обществом нартов происходит конфликт. Например, нарты недооценивают его, поэтому выезжают в поход, не сообщив ему об этом. Неприязненное отношение нартов к этому герою вызвано несколькими обстоятельствами. По словам А.М. Гутова, «в контексте всего цикла отмечены две основные линии – низкое происхождение героя (его презрительно именуют «рожденный от пастуха», «носящий чарыки», т.е. обувь людей низкого звания) или же дерзкий нрав, по причине чего он не дает спуска другим нартам» [Гутов 2009: 24]. Однако это он, убив иныжа и Еминежа (драконоподобное чудовище), возвращает нартам похищенных ими огонь и зерен проса.

По справедливому замечанию А.П. Скафтымова, «одна из любимых былинных ситуаций, осуществляющих и мотивирующих недооценку, это – молодость героя» [Скафтымов 1958: 7]. В этом плане большой интерес представляют образы Батраза и Ашамеза. В сказаниях, посвященных этим богатырям, центральным является мотив кровной мести, и оба героя мстят за кровь своих отцов в юношеском возрасте. Как говорится в одном из вариантов пшинатля [Нартхэр... 2017: 136–144] о Батразе, герой еще младенцем выходит из люльки, разорвав ремни из кожи лани (буйвола) и разломав торцы люльки из прочного явора. Заметив богатырские качества мальчика, Вако-нана (его воспитательница) бросает его в реку. Пастухи находят его и воспитывают. После семи лет пребывания у пастухов, Батраз отправляется на поиски убийцы (Пши-Маруко, Пши-Дада) своего отца, находит его и побеждает. Вако-нана сообщает нартам весть о возвращении Батраза, и те отправляют войско, чтобы убить его. Он встречает их у реки Псыж и истребляет. Далее он, как и сказочные персонажи-богатыри, временно принимает черты «низкого» героя: отпускает своего коня с пустым седлом (символизирует о гибели воина), снимает с себя снаряжение, переодевается в другую одежду и отправляется на хасу (собрание) нартов; становится подальше за спинами других нартов и слушает их разговор. Потом сам начинает рассказывать свою историю о том, как победил Пши-Маруко, но нарты недооценивают его:

«– Пщы соуќІри, пщы Марыкъуэ я нэхъ хахуэт <– жеІэ Батрэз>.

– Уэ ущІалэщ, пщы Марыкъуэ дэнэ къипх?» <– щІоупщІэ нартхэр>» [Нартхэр... 2017: 139].

«– Князей я убиваю, и среди них пши-Маруко самый мужественный, <– говорит Батрэз>.

– Ты юн, где ты нашел пши-Маруко? <– спрашивают нарты>» [Нартхэр... 2017: 142].

По другой версии [Нартхэр... 2017: 186–191], Батраз приходит на пиршество-санопитие, заходит в дом и занимает место рядом с Сосраном-Жаке, где сидел его отец. К нему обращаются со словами: «Что это за поганец?», пытаются сдвинуть его с места, но не могут, потому что он обладает богатырскими качествами. Батраз

требует от нартов плату за кровь своего отца, и те, убедившись в его силе, соглашаются с ним, хотя условия выдвинутые героем были невыполнимы.

Мотив недооценки героя более подробно разработан в цикле об Ашамезе, и он представлен в следующих эпизодах:

Нартское войско во главе с Насырен-жаче отправляются в поход, чтобы отомстить за гибель Аши, отца Ашамеза, и заодно угнать лошадей убийцы (Тлебица). Однако они не могут переправиться через реку Индыл. Кто-то из нартов предлагает позвать Ашамеза, и Насырен-жаче вестником туда посылает Арыкшу Могучего. Он узнает, что Ашамез еще младенец и обижается на нартского предводителя за то, что тот отправил его за мальчиком. Так описывается эта сцена в одном из вариантов пшинатля:

– Ашэмэз щІалэр щІэхыу кысхуевджэ!
– Хывыфэ гущэпсыр кызыэпиудри...
ЩІалэ кІэн джэгум ар яыхыакьэ.
Ар кьекІуэлІэжмэ, ныпхуэдгьэкІуэнкьэ.
– КІэн джэгум хэту сабий быдзафэр...
Нартыжьхэм дауэ кытщхьэпэфын! –
ЖиІуэ кьожьэжри дзэм хопсыхэжыр.
– Нэсрэн ЖьакІуэ жьыщхьэ мыгъуэжь...
СыздэбгьэкІуар сабий быдзафи [Нартхэр... 2017: 361–362].

– Ашамеза юного быстро мне позовите!
– Буйволовоуеи кылыбельные ремни разорвав,
Он на мальчишечьи игры ушел, ведь...
Когда вернется, к тебе пришлем.
– В альчики играющий мальчик-сосунок
Чем может быть полезным нам, нартам могучим! –
Говоря так, он возвращается к войску и с коня спешивается.
– Насырен-жаче, да постигнет тебя несчастливая старость,
Тот, к кому ты меня послал, ребенок-сосунок, ведь [Нартхэр... 2017: 382].

Далее, от матери Ашамез узнает имя убийцы отца и отправляется совершить кровную месть. Он угоняет табун Тлебицы, наносит раны головному жеребцу и отпускает, тем самым вызывая кровника на открытый поединок. Ашамез при встрече с Тлебыцей сообщает ему, что это он угнал его лошадей, однако тот не воспринимает его слова всерьез, так как Ашамез был еще младенцем. Мотив недооценки героя в такой же форме встречается в финале пшинатля в разговоре Тлебицы со своей женой Будух-Прекрасной.

Льэбыщэжьейри пщІантІэм кьосыжри...
Быдыхуу дахэм кьоджэри щІешыр.
– Ди льэпкьэ и бийуэ дызымыгъэпсэур...
Мис сукІащи, хьэхэм егъэш!
Быдыхууэ дахэр щІалэм ныІуоплъэ...
– ЩІалэ сабий мыгъуэр дауэ уукІт!
Хьэм схуегъэшхынкьым! – жери...
Ашэмэз щІалэр ІэплэкІэ кьещтэ..
Ехьри куэншыбым ар ныщыщІельхьэ [Нартхэр... 2017: 375].

Тлебыца Малый во двор свой въезжает и ...
Будух Прекрасную кличет, просит выйти.
– Вот тот, кто враждует с нашим родом, житья не давал нам,

Я его убил, скорми его собакам!
Будух Прекрасная на юного взглянула...
– Как же ты мальчика маленького убил!
Собакам его не смогу скормить, – говоря,
Ашамеза юного она на руки берет...
Относит и в пережное его хоронит [Нартхэр... 2017: 388].

Однако Ашамез ночью незаметно заходит в дом Тлебицы, достает его меч, и им убивает кровного врага, захватив с собой Будух-Прекрасную и все добро убитого врага, возвращается домой.

Черты низкого героя также наличествуют в образах персонажей сказаний цикла о нарте Шауе. Например, в «Сказании о Сосруко, Насыране, Шауе сыне Канжа, единственном сыне Нарыбгеи» [Нартхэр... 2020: 489–493] братья Насыран и Сосруко отправляются на санопитие. В пути, на развилке дорог, они встречают Шауея, сына Канжа, ехавшего им навстречу. Как говорится в тексте: «Къанжэ и къуэ Щауейр шу фейцейт, мо санэуафэ кIуэ зэшитIым я щхэм хуагъэфэщакъым, бэлэбанэр ягъусэну...» [Нартхэр... 2020: 489] – «Шауей, сын Канжа выглядел убогим, поэтому братья посчитали ниже своего достоинства брать такого невзрачного всадника с собой на санопитие...» [Нартхэр... 2020: 491]. Братья решают избавиться от него. В другом варианте сказания он выглядит так: «Шум [Щауей] и щIакIуэр гъущIыфэт, и уанэр кIыгът, и шыр уэдт. «Мы хэм хуэдэр дэ тщIыгъуу накIуэм, ди напэр кытрихакъэ», – жиIащ Сосрыкъуэ» [Нартхэр... 2020: 489–494] – «Бурка на нем [Шауея] была цвета железа (т. е. выцветший – М.Б.), седло его скрипело, конь его был тощий. «Если этот, собакой рожденный, будет нашим спутником, стыда не оберешься ведь», – сказал Сосруко» [Нартхэр... 2020: 497]. Однако, как оказалось, герой просто скрывал свои богатырские качества. Далее только он выдерживает испытания на этикетность (дождаться спутников в течение длительного времени) и на твердость духа (испытание холодом), и только ему удается добыть коней, обладающих фантастическими достоинствами, победить многоголового мифологического существа иныжа.

Мотив предварительной недооценки героя встречается и в историко-героическом эпосе. В качестве примера можно привести неопубликованный ранее вариант предания о сыне Куалы Созарыхе, который был записан М. Абитовым со слов Юсуфа Кемова (1902 г.р., а. Кошехабль Адыгеи) [ФАИГИКБНЦРАН: Инв. № 701-ф/3]. Здесь в образе Созарыхи мы видим некоторые черты «низкого» героя. Предание начинается следующим образом: «Къуалэжьхэ я лъэпкъым нэхъ пелуанышхуэ адыгэ лъэпкъым къахэкIауэ щытакъым» – «Среди всех адыгов не было другого рода, из которого бы вышли такие силачи, как из рода Куала Могучего». Как видно, герой происходит из богатырского рода. Как и сказочные персонажи, он самый младший из трех братьев, и его богатырство проявляется уже в девятилетнем возрасте – подобно Ашамезу или некоторым героям богатырских сказок, он калечит мальчиков, с которыми играет на улице. Какая-то вдова, сына которой он побил, упрекает его так: «Ар къызэрынам хуэду Алыхъым укыгъанэ уэ зы щхэ мьгъуэ-жьыр! Ахуэду уэ ущызауэкIэ уи къуэшхэр здэщыIэһэр къыщIомыгъуэтыр лIоу?» – «Да станется с тобой то же самое, ты, злосчастный! Если уж ты такой задиристый, что же ты не разыщешь, где твои братья?». От отца он узнает, что двое его братьев погибли во время похода. Он отправляется на поиски своего двоюродного брата по материнской линии Хусина Широкоступого, который служит у князя Шужея пелуаном (борцом). Далее следуют эпизоды встречи в пути Созарыхи с терпящими бедствия героями. Как и сказочные персонажи рассматриваемого типа, он пытается скрыть свое богатырство, но здесь оно и обнаруживается: в первый раз он поднимает и вытаскивает на поляну вырубленное каким-то стариком огромное дерево размером в три обхвата; во второй раз – вытаскивает застрявшую в

болоте повозку вместе с быками. В третий раз во время встречи с двоюродным братом-богатырем Хусином Широкоступым: Созарыха не знал, где находится дом Хатокشوковых. Он просит Хусина показать его; тот поднимает одной рукой ось с колесом арбы и указывает в сторону дома; Созарыха сходит с коня, поднимает одной рукой за один конец всю повозку, поворачивает в сторону дома и еще раз спрашивает: «Вот тот, ты говоришь?». Узнав о богатырстве Созарыхи, князь Хатокшуко берет его к себе на службу. Далее следуют компоненты о коварстве князя Шужея, который хитростью убивает силача, о мести князя Хатокшуко за кровь своего борца и о способе, которым он избегает возмездия.

Другой персонаж младшего эпоса адыгов Атабий Ешаноко (отец братьев Озырмеса и Темиркана) был известным наездником, обладал огромным мужеством, и это стало не по душе другому славному наезднику, Догужею Куйцукоко. Он приходит к Атабию, чтобы испытать его, убивает младшего брата Атабия, тем самым вызывая его на открытое сражение. Атабий отправляется к Догужею, чтобы отомстить за кровь брата. Догужей узнал бы его по внешнему виду, поэтому он сбривает свои усы, одевается в лохмотья и входит <во двор> Догужея, сына Куйцука в облике типичного «низкого героя». Причину своего визита к нему он объясняет тем, что наслышан о мужестве Догужея, и приехал, чтобы служить ему помощником, оруженосцем [АИГИКБНЦРАН: Ф. 12. Оп. 1. П. 21-м. Пасп. № 18]. Во многих вариантах предания вместо Атабия фигурирует его старший сын Озырмес. Он находит селение Догужа и, притворившись нищим, входит туда и нанимается у Догужа в работники. Ему поручают ухаживать за его коровами и лошадьми [ФАИГИКБНЦРАН: Инв. № 645-ф/12]. Другими словами, в начале повествования герои предстают воинственными и суровыми рыцарями, однако, чтобы достичь своей цели, они временно принимают черты «низкого» героя. Кроме того оба не вступают в открытое противостояние с врагом, а расправляются с ним, когда он спит. Т.е. они как бы нарушают рыцарский кодекс.

Форма реализации данного мотива в цикле об Ашамезе рассматривается в одной из работ А.М. Гутова, и по его замечанию, «одно обстоятельство оказывается способным принизить подвиг героя: он убивает противника не в открытом поединке, а спящего. Этот далеко нерыцарский поступок находит в повествовании довольно надежное обоснование: во-первых, нарушение героем «кодекса чести» представляет ответное действие на такое же нарушение его противником (Глебыца, возвращаясь домой, залечивает все раны благодаря волшебству жены, в то время, как герой страдает от полученных ран; он отдает Ашамезу незакаленные стрелы, а сам стреляет закаленными), во-вторых же, у противника обнаруживается чудесное свойство: он может погибнуть только от собственного оружия» [Гутов 2009: 42]. То же самое мы видим и в преданиях цикла о братьях Ешаноко: в образе Догужа (Догужея) сочетаются жестокое коварство, невероятная физическая сила и волшебные свойства – его можно убить только его же мечом. К сказанному можно добавить и то, что по содержанию приведенные здесь предания близки сказочному сюжету АТ 302. *Местонахождение души антагониста героя*. Женщина выведывает у своего похитителя, где скрыта его душа, и таким образом помогает жениху (мужу) погубить его, а саму ее освободить. Всеми этими особенностями предания переплетаются с богатырской сказкой и нартскими сказаниями. Другими словами, данный мотив в цикле о братьях Ешаноко можно рассматривать как прямое заимствование из названных жанров адыгского фольклора, и, если сказать словами А.П. Скафтымова, здесь, как и в сказках и героическом эпосе, он используется с целью «привлечения и закрепления интереса к рассказу» [Скафтымов 1958: 6]. Все это означает, что сформировавшийся в архаических жанрах фольклора мотив предварительной недооценки героя используется и младшим эпосом, при этом по-прежнему сохраняя свою функцию – выделения центрального персонажа из общей среды.

Список источников

Адыгэ таурыхьхэр... 2018 – *Адыгэ таурыхьхэр*. ТомитІу. 2 т.: Тельдыджей таурыхьхэр / зэхэз. Тхьэмокьуэ (Брай) Женэщ. Налшык: ИГИ КБНЦ РАН-м и тхылъхэр тедзэным шыуагъэхьэзыр къудамэ, 2018. Н. 592 (Адыгские сказки. В 2-х т. Т. 2: Волшебные сказки / сост. Ж.Г. Тхамокова (Браева). Налчык: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 592 с.).

АИГИКБНЦРАН – *Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук*.

Алиева 2019 – *Алиева А.И.* Адыгский героический эпос. Сказка: Источниковедение. Текстология. Типология. Семантика. Поэтика (серия ИМЛИ РАН «Фольклор»). М.: ИМЛИ, 2019. 736 с. DOI: 10.22455/978-5-9208-0587-4.

Бгажноков 1978 – *Бгажноков Б.Х.* Адыгский этикет. Налчык: Книжное изд-во. «Эльбрус», 1978. 160 с.

Бухуров 2015 – *Бухуров М.Ф.* Адыгская богатырская сказка. Налчык: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 160 с.

Гутов 2009 – *Гутов А.М.* Народный эпос: Традиция и современность. Налчык: Издательство КБИГИ, 2009. 228 с.

Мелетинский 1958 – *Мелетинский Е.М.* Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М.: Издательство восточной литературы, 1958. 264 с.

Нартхэр... 2012 – *Нартхэр. Адыгэ эпос*. ТомиплІу. 1 т.: Эпосым и ублапІэ лъэхьэнэ. Сосрыкьуэ / Гьут І.М. и ред. Налшык: ООО «Тетраграф», 2012. Н. 424 (Нарты. Адыгский эпос. В 4-х т. Т. 1: Ранние циклы эпоса. Сосруко / под ред. А.М. Гутова. Налчык: ООО «Тетраграф», 2012. 424 с.).

Нартхэр... 2017 – *Нартхэр. Адыгэ эпос*. ТомиплІу. 2 т.: Уэзырмэс. Батрээ. Ашгэмэз / ред. нэхь. Гьут І.М. Налшык: ИГИ КБНЦ РАН, 2017. Н. 468 (Нарты. Адыгский эпос. В 4-х т. Т. 2: Озырмес. Баграз. Ашамез / гл. ред. А.М. Гутов. Налчык: ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 468 с.). URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/2.%D0%9D%D0%90%D0%A0%D0%A2%D0%AB.%D0%A2%D0%BE%D0%BC-2.pdf> (дата обращения: 04.12.2023).

Нартхэр... 2020 – *Нартхэр. Адыгэ эпос*. ТомиплІу. 3 т.: Бэдынокьуэ. Шауей / ред. нэхь. Гьут І.М. Налшык: ИГИ КБНЦ РАН, 2020. Н. 582 (Нарты. Адыгский эпос. В 4-х т. Т. 3: Бадиноко. Шауей / гл. ред. А.М. Гутов. Налчык: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2020. 582 с.) URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/%D0%9D%D0%90%D0%A0%D0%A2%D0%AB-2020%D0%91%D0%AD%D0%94%D0%AB%D0%9D%D0%9E%D0%9A%D0%AA%D0%A3%D0%AD-%D0%94%D0%9B%D0%AF-%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F.pdf> (дата обращения 04.12.2023).

Новиков 1974 – *Новиков Н.В.* Образы восточнославянской волшебной сказки. Л.: Ленинградское отделение издательства «Наука», 1974. 256 с.

Сказки... 1978 – Сказки адыгских народов // сост. А.И. Алиева. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1978. 406 с.

Скафтымов 1958 – *Скафтымов А.П.* Статьи о русской литературе. Саратов: «Саратовское книжное издательство», 1958. 392 с.

Сравнительный указатель... 2018 – *Сравнительный указатель сюжетов адыгских (кабардинских, черкесских, адыгейских) волшебных сказок по системе Аарне-Томпсона* / сост. Ж.Г. Тхамокова (Браева) // *Адыгэ таурыхьхэр*. ТомитІу. 2 т.: Тельдыджей таурыхьхэр / зэхэз. Тхьэмокьуэ (Брай) Женэщ. Налшык: ИГИ КБНЦ РАН-м и тхылъхэр тедзэным шыуагъэхьэзыр къудамэ, 2018. Н. 553–588 (Адыгские сказки. В 2-х т. Т. 2: Волшебные сказки / сост. Ж.Г. Тхамокова (Браева). Налчык: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. С. 553–588.).

Сравнительный указатель... 1979 – *Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка* / отв. ред. К.В. Чистов. Л.: Наука, 1979. 438 с.

Тхамокова 2014 – *Тхамокова Ж.Г.* Адыгская бытова сказка (сюжетный состав в сравнительном освещении). Налчык: Издательский отдел КБИГИ, 2014. 222 с.

ФАИГИКБНЦРАН – *Фоноархив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук*.

Хут 1981 – *Хут Ш.Х.* Сказочный эпос адыгов. Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства, 1981. 192 с.

Thompson 1961 – *Thompson S.* The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC № 3) translated and enlarged. Second revision (FFC 184). Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1961. 588 p.

References

Adyge taurykh "kher. Tomitlu. 2 t.: Tel' ydzhey taurykh "kher [Adyg fairy tales. In 2 volumes. Vol. 2: Fairy tales. Comp. Zh.G. Tkhamokova (Braeva)]. Nalchik: Editorial and Publishing Department of the IHR KBSC RAS, 2018. 592 p. (In Adyg)

AIKIBNTSRAN – *Arkhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Archive of the Institute for Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences].

ALIYEVA A.I. *Adygskiy geroicheskiy epos. Skazka: Istochnikovedeniye. Tekstologiya. Tipologiya. Semantika. Poetika (seriya IMLI RAN «Fol'klor»)* [Adyg heroic epic. Fairy tale: Source study. Textology. Typology. Semantics. Poetics (series IMLI RAS "Folklore")]. M.: IMLI, 2019. 736 p. DOI: 10.22455/978-5-9208-0587-4. (In Russian)

BGAZHNOKOV B.Kh. *Adygskiy etiket* [Adyg etiquette]. Nalchik: Book publishing house. "Elbrus", 1978. 160 p. (In Russian)

BUKHUROV M.F. *Adygskaya bogatyrskaya skazka* [Adyg heroic fairy tale]. Nalchik: Publishing department of KBIHR, 2015. 160 p. (In Russian)

GUTOV A. M. *Narodnyy epos: Traditsiya i sovremennost'* [Folk Epic: Tradition and Modernity]. Nalchik: KBIHR Publishing House, 2009. 228 p. (In Russian)

MELETINSKIY Ye.M. *Geroy volshebnoy skazki. Proiskhozhdeniye obraza* [The hero of a fairy tale. The origin of the image]. M.: Publishing House of Eastern Literature, 1958. 264 p. (In Russian)

Nartkher. Adyge epos. Tomipllu. 1 t.: Eposym i ublaple l' "ekh" ene. Sosryk "ue [Narts. Adyg epic. In 4 volumes. Vol. 1: Early cycles of the epic. Sosruko. Ch. ed. A.M. Gutov]. Nalchik: Tetragraph LLC, 2012. 424 p. (In Adyg and Russian)

Nartkher. Adyge epos. Tomipllu. 2 t.: Uezyrmes. Batrez. Ashemez [Narts. Adyg epic. In 4 volumes. Vol. 2: Ozyrmes. Batraz. Ashamez. Ch. ed. A.M. Gutov]. Nalchik: IHR KBSC RAS, 2017. 468 p. URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/2.%D0%9D%D0%90%D0%A0%D0%A2%D0%AB.%D0%A2%D0%BE%D0%BC-2.pdf> (date of access: 04.12.2023). (In Adyg and Russian)

Nartkher. Adyge epos. Tomipllu. 3 t.: Bdynok "ue. Shchayey [Narts. Adyg epic. In 4 volumes. Vol. 3: Badinoko. Shauey. Ch. ed. A.M. Gutov]. Nalchik: Editorial and Publishing Department of the IHR KBSC RAS, 2020. 582 p. URL: <http://www.kbigi.ru/fmedia/%D0%9D%D0%90%D0%A0%D0%A2%D0%AB-2020 %D0%91%D0%AD%D0%94%D0%AB%D0%9D%D0%9E%D0%9A%D0%AA%D0%A3%D0%AD-%D0%94%D0%9B%D0%AF-%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F.pdf> (date of access: 04.12.2023). (In Adyg and Russian)

NOVIKOV N.V. *Obrazy vostochnoslavlyanskoy volshebnoy skazki* [Images of the East Slavic fairy tale]. L.: Leningrad branch of the Nauka publishing house, 1974. 256 p. (In Russian)

Skazki adygskiikh narodov [Tales of the Adyg peoples. Comp. A.I. Alieva]. M.: Main editorial office of oriental literature of the publishing house "Nauka", 1978. 406 p. (In Russian)

SKAFTYMOV A.P. *Stat'i o russkoy literature* [Articles about Russian literature]. Saratov: Saratov Book Publishing House, 1958. 392 p.

Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov adygskiikh (kabardinskiikh, cherkesskiikh, adygeyskiikh) volshebnykh skazok po sisteme Aarne-Tompsona [Comparative index of plots of the Adyg (Kabardian, Circassian, Adyghey) fairy tales according to the Aarne-Thompson system. Comp. Zh.G. Tkhamokova (Braeva)]. IN: *Adyge taurykh* "kher. Tomitlu. 2 t.: Tel' ydzhey taurykh "kher [Adyg fairy tales. In 2 volumes. Vol. 2: Fairy tales. Comp. Zh.G. Tkhamokova (Braeva)]. Nalchik: Editorial and Publishing Department of the IHR KBSC RAS, 2018. P. 553–588. (In Russian)

Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavlyanskaya skazka [Comparative index of plots. East Slavic tale / Ex. ed. K.V. Chistov]. L.: Science, 1979. 438 p. (In Russian)

TKHAMOKOVA Zh.G. *Adygskaya bytova skazka (syuzhetnyy sostav v sravnitel'nom osveshchenii)* [Adyg household fairy tale (plot composition in comparative lighting)]. Nalchik: Publishing department of KBIHR, 2014. 222 p. (In Russian)

FAIGIBNTSRAN – *Fonoarkhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Phonoarchive of the Institute for Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences].

KHUT Sh.Kh. *Skazochnyy epos adygov* [Fairytale epic of the Adygs]. Maykop: Adyghey branch of the Krasnodar book publishing house, 1981. 192 p. (In Russian)

THOMPSON S. The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC № 3) translated and enlarged. Second revision (FFC 184). Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1961. 588 p.

Информация об авторе

М.Ф. Бухуров – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором адыгского фольклора.

Information about the author

M.F. Bukhurov – Candidate of Science (Philology), Leading Researcher, Head of the Adyg Folklore Sector.

Статья поступила в редакцию 19.11.2023; одобрена после рецензирования 30.11.2023; принята к публикации 26.12.2023.

The article was submitted 19.11.2023; approved after reviewing 30.11.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья

УДК 398.2

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-107-113

ОБ ОДНОЙ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЫ ЭПИЧЕСКОГО СКАЗАНИЯ

Адам Мухамедович Гутов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, adam.gut@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7526-319>

© А.М. Гутов, 2023

Аннотация. В статье рассматривается характер аккумуляции конкретных событий и реальных личностей в фольклорной традиции, взаимоотношения ранее сформированных повествовательных стереотипов с действительностью. На анализе вариантов одного сказания устанавливается, что во взаимодействии реальности с традиционными стандартами повествования налицо двустороннее влияние. С одной стороны, конкретный факт или реальная личность, оказавшись в орбите историко-героического нарратива, осмысливаются в соответствии со стандартами системы условностей фольклорного жанра. Эта система – результат протяженной во времени эволюции словесного искусства, и имеет собственный ракурс отражения действительности, формирующий как типические сюжеты и сюжетные ходы, так и типических персонажей, соответствующих мировосприятию носителей традиционного словесного искусства. С другой – новые явления действительности нередко требуют расширения ранее принятых форм и методов объективации, и это приводит в устно-поэтический обиход новации. В области сюжетосложения это проявляется в совершенствовании повествовательного искусства и усложнении композиции. Также приводятся в соответствие с действительностью конкретные формы объективации мотивов, которые возникли значительно ранее. Сложнее становится и трактовка центральных персонажей, образы которых могут сохранять отдельные особенности, свойственные героям старшего эпоса и даже сказки, но в целом все же более реалистичны.

Ключевые слова: историко-героический эпос, аккумуляция, сказание, сюжетосложение, мотив, образ.

Для цитирования: Гутов А.М. Об одной особенности образной системы эпического сказания // Вестник КБИГИ. 2023. № 4 (59). С. 107–113. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-107-113

Original article

ABOUT ONE FEATURE OF THE IMAGATIVE SYSTEM OF THE EPIC TALES

Adam M. Gutov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, adam.gut@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7526-319>

© А.М. Gutov, 2023

Abstract. The article examines the nature of the accumulation of specific events and real personalities in the folklore tradition, the relationship of previously formed narrative stereotypes with reality. By analyzing the variants of one legend, it is established that there is a two-way influence in the interaction of reality with traditional standards of storytelling. On the one hand, a specific fact or a real person, once in the orbit of a historical-heroic narrative, is interpreted in accordance with the standards of the conventions of the folklore genre. This system is the result of the evolution of verbal art over time, and has its own perspective of reflecting reality, forming both typical plots and plot moves, as well as typical characters that correspond to the worldview of the bearers of traditional verbal art. On the other hand, new phenomena of reality often require the expansion of previously accepted forms and methods of objectification, and this introduces innovations into oral poetic use. In the field of plot composition, this is manifested in the improvement of narrative art and the complication of composition. Also, specific forms of objectification of motives that arose much earlier are brought into line with reality. The interpretation of the central characters also becomes more difficult, the images of which may retain certain features characteristic of the heroes of older epics and even fairy tales, but on the whole they are still more realistic.

Key words: historical-heroic epic, accumulation, legend, plot structure, motive, image

For citation: Gutov A.M. About one feature of the figurative system of the epic legend. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 4 (59): 107–113. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-107-113

Считается, что «одноэпизодичность» – это одна из характерных особенностей сказаний адыгского архаического эпоса [Алиева 2019: 129]. Это суждение споров не вызывает, хотя подобный принцип не является единственным в характере функционирования эпических сказаний. Наряду с записями, подтверждающими данное правило, не столь уж редки и тексты с умело построенной многосюжетной структурой (речь не идет о случаях очевидной контаминации явно «механического» характера, когда налицо в одном тексте налицо «нанизывание» сюжетов, но никак не их искусное сочетание). То же самое, даже значительно чаще, отмечается в сказаниях младшего эпоса, и это дало основание Ш.Х. Хуту, одному из наиболее авторитетных исследователей адыгского фольклора, однозначно заявить противоположное мнение: «Характерно, что адыгские историко-героические сказания многоэпизодичны» [Хут 2003: 192]. Разумеется, автор также не берет за утверждать, что это единственный принцип построения сюжета, и даже в последующих своих наблюдениях признает, что эпизоды выстраиваются в своего рода ранжир по отношению к центральному [там же: 192–193]. В связи с этим резонно заметить, что во многих случаях сказание как прозаический компонент цикла выполняет функцию развернутого комментария к песенному тексту, и в таком случае центральное событие или же главный герой, т. е. явление, которому посвящена песня, получает доминирующее положение и подчиняет себе все остальное. Тем самым сюжет тяготеет к одноэпизодичности. Наряду с этим примечательно, что структура повествования в сказании младшего эпоса в отдельных случаях может представлять довольно сложную конструкцию. Причины данного явления специально не изучались, и мы можем только высказать в качестве одного из предположений суждение о том, что в младшем эпосе, несмотря на его более строгую привязку к конкретному событию или реальной личности, порою играет важную роль установка нарратива не только на информативность, но также и на занимательность, что благоприятствует усложнению канвы повествования. Иными словами, в данном случае внесакральная, эстетическая функция настолько важна, что она оказывает свое влияние и на форму бытования. Это требует от исполнителя соответствующего уровня мастерства построения сюжета. Примечательно, что историческая действительность, с которой младший эпос имеет прямую связь, предоставляет для этого жизненный материал не менее разнообразный, нежели созданная воображением система мифологических представлений, лежащая в основе большинства сюжетов старшего эпоса.

Материалом для данного небольшого исследования стало сказание цикла, известного как песня и сказание о силаче Созарыхе Куала. В его основе один из таких сложных сюжетов, который характеризуется переплетением сразу нескольких мотивов, причем две сюжетные линии могут претендовать на статус ведущей. Конкретная форма преподнесения мотива может признаваться относительно автономной частью повествования, органично включенной в единое русло, характеризующееся выраженными композиционными частями (экспозиция, завязка, развитие действия и т. д.). Несмотря на это, сложность сюжета очевидна. Событийная основа данного сказания имеет свои достоверные истоки в реальной действительности. Это социально-политическая обстановка в Кабарде XVII в., когда маленькая страна, вернее восточная часть Черкесии, была раздираема не только иноземными нашествиями, но и внутренними раздорами между представителями разных ветвей единой генеалогической линии, идущей от легендарного Инала, родоначальника кабардинских княжеских фамилий. Названный цикл из песни и сказания отразил один из эпизодов периода обострения межфеодалных противоречий. В научной литературе это впервые отражено в «Истории адыгейского народа» Ш.Б. Ногмова, созданной в первой половине XIX в. (заметим, что она была опубликована почти два десятилетия спустя после смерти ученого, а позднее многократно переиздавалась) [см. Ногмов 2019]. В ней упоминаются с опорой на фольклорные источники, а местами и на некоторые иные свидетельства, главные фигуранты весьма бурных событий, в которых погибали не только отдельные личности, но даже целые княжеские ветви, восходящие к тому же Иналу. Также кабардинский ученый излагает сюжет версии сказания о Созарыхе и даже приводит фрагмент из песни [Там же: 144–148]. Из этого следует, что Ш.Б. Ногмову был известен полный цикл данного произведения, и он первым записал не только сказание, но и песню, причем на кабардино-черкесском языке: текст песни был обнаружен в его рукописях и опубликован профессором Г.Ф. Турчаниновым в 1956 г. [Ногма 1956: 48–49].

Впоследствии в том же столетии варианты сказания, были записаны еще К.М. Атажукиным [ССКГ VI: 70–81], П.И. Тамбиевым [СМОМПК XXIX, отд. 4: 35–42], а еще позднее, в первые годы XX в., другими собирателями. Первая публикация полного цикла была осуществлена в 1936 г. в переводе на русский язык [Кабардинский фольклор 1936: 266–272]. Там же дан краткий обзор других опубликованных вариантов, в том числе и литературно обработанных [Там же: 597]. По времени записи к числу более ранних надо отнести также две публикации на адыгейском языке – песня в сборнике «Адыгские старинные песни» и сказание в другой книге, «Адыгские предания и сказки». Оба издания вышли в свет в 1946 г. под редакцией Т.М. Керашева, но сами записи были произведены не позднее, чем в 30-е годы XX в. Ссылки на них даются нами по перепечатке в сборнике «МыкIосэрэ жьуагьохэр» («Немеркнущие звезды») под редакцией проф. А.А. Схалыхо [МыкIосэрэ... 1994: 67–73]. Судя по комментариям, трудно определить, представляют ли они собой единый цикл, разделенный по формальным жанровым признакам, (не исключено, что текст песни вошел в поэтический сборник, а текст сказания – в сборник прозаических жанров) или нет. В любом случае примечательно, что и сказание, и песня были зафиксированы в пределах Западной Черкесии, в то время как события и личности, ставшие фактической основой для возникновения эпического цикла, имеют однозначную привязку к Кабарде, восточной окраине исторической Черкесии. Между тем в XX в., судя по всему, интерес к данному циклу стал затухать, а к середине XX в. по какой-то причине он уже не попадает в поле наибольшего внимания исполнителей и собирателей. Это подтверждается тем, что ни полный цикл, ни его компоненты не были отмечены в репертуаре признанных носителей народной устно-поэтической традиции в Кабарде, в их числе в перечне песен и сказаний, исполняемых

Амирханом Хавпачевым и участниками его ансамбля, репертуар которого исчисляется более, чем двумя сотнями народных сказаний и песен разных жанров – от языческих гимнов и мифологических сказаний до любовной лирики и мемуаров. Не представлен данный цикл также в весьма обширном перечне произведений в исполнении З.П. Кардангушева, который еще с детства унаследовал традиции древних джегуако и в течение всей своей долгой жизни сочетал собственное творчество с активным собиранием и публикациями фольклора.

Две последние звукозаписи цикла о Созарыхе были произведены в 1972 и 1973 гг. в селении Аушигер. Первую из них произвели мы, это полный цикл в исполнении Барасби Гутова [Фоновидеотека: Гутов]; этот материал до настоящего времени не публиковался. Год спустя, в том же селении песня из данного цикла была записана музыкантом Ю.М. Бицуевым в исполнении Кины Чеченова [Фоновидеотека: Чеченов]; текст его записи вместе с нотной транскрипцией опубликован в 1990 г. [Народные песни... 1990: 152–159]. Уместно будет заметить, что Б. Гутов перед исполнением песни заявлял, что всю песню знает только Кина Чеченов. Весь цикл, а особенно сказание из данного цикла, представляет немалый интерес с точки зрения характера взаимодействия фольклорной традиции с подлинными фактическими событиями.

Фабула повествования во всех известных вариантах совпадает в основных позициях и сводится к следующему. Герой, Созарыха сын Куала, чьим именем обычно называется все произведение, обладает редкостной физической силой, но вынужден скрывать это. Дело в том, что в составе княжеской челяди было обязательным присутствие силачей-борцов. Однако такая служба была чревата тем, что борец будет вынужден время от времени выходить на ристалище, которое традиционно заканчивается тяжкими увечьями, а то и гибелью одного из поединщиков. Чтобы быть подобного рода «гладиатором», требовались не только сила и мужество, но и доля жестокости, проявлять которую оказывалось необходимым. Случай вынуждает героя проявить свою силу, и, несмотря на все старания, тайна его богатырства становится явью, ему приходится поступить на службу к князю Хатокшуко. Он поселяется при дворе своего господина, но не просто как борец, а на правах побратима. Другой князь, Шужей, соперник и близкий родственник князя Хатокшоко, коварно губит Созарыху, Хатокшоко же мстит за кровь своего борца-побратима, после чего становится единовластным правителем в крае.

В едином повествовании четко выделяются две взаимосвязанные, но все же автономные темы: судьба силача Созарыхи и история князя Хатокшуко, который убивает князя Шужея, якобы выполняя долг кровной мести. Линия Созарыхи прорисована от начала повествования и обнаружения его физической силы до эпизода его героя, она исчерпывается сложением песни как ее логическим завершением. Но, против ожидания, на этом все повествование не заканчивается, более того, смерть Созарыхи, который был изначально центральным персонажем повествования, оказывается всего лишь завязкой действий, которые происходят далее. Продолжение же раскрывается новой линией – князя Хатокшоко, который во исполнение долга кровной мести убивает Шужея, человека, равного себе по статусу. По насыщенности событиями эта вторая часть даже содержательнее первой, а в конце всего повествования личность Созарыхи или совсем выпадает, или же всего лишь упоминается, как имя эпизодического персонажа.

С точки зрения обычного права здесь налицо острая коллизия: князь убивает князя, тем более – близкого родственника, что в эпоху раннефеодальных отношений нонсенсом не является. Однако странно, что Хатокшуко совершает это только за то, что другой князь погубил его подданного. В сказании это преподносится как санкционированный обычным правом акт возмездия во исполнение долга кровной мести. Как свидетельствует Ш.Б. Ногмов, а следом и другие авторы, действительно в XVII столетии в Кабарде имел место случай суровой расправы исторического

Хатокшуко и его сторонников над целым некогда мощным кланом, к которому принадлежал Шужей, а вместе с ним и другой князь, Алегуко Шогенуко. Но причиной этого события в реальности был не частный случай наподобие убийства одним владельцем человека из числа подданных другого, очевиден более глубокий фактор – борьба за лидерство и за власть в Кабарде. Согласно установлениям обычного права, в соответствии с которым решались фактически все конфликты, жизнь князя и жизнь простолюдина, каковым был борец при княжеском дворе, никак не могли быть положены на одни весы, чтобы применим стал принцип «жизнь за жизнь», поскольку на иерархической лестнице их разделяла большая социальная дистанция. В соответствии с тем же обычным правом два князя могли смертельно враждовать, но по многим иным поводам, когда дело касалось личного достоинства или кровных интересов. За жизнь подданного другого господина князь мог только откупиться виной, но потерпевший никак не должен был решиться на его убийство. В то же время история средневековых обществ полна примерами того, как не бытовые, а политические причины приводили к жестоким братоубийствам – в тех случаях, когда близкий по крови человек активно оспаривал или хотя бы имел возможность оспаривать право на власть.

Однако художественная система фольклора преломляет реальное событие таким образом, чтобы оно непременно укладывалось в стандарты идеальных представлений о борьбе добра со злом. Поэтому, попав в обиход изустной передачи сведений о реальных явлениях жизни, события и личности со временем утрачивают многосложное переплетение конкретных фактов и постепенно подчиняются канонам, в которых доминирует черно-белая палитра оценок и трактовок.

Это отражается в разных произведениях иногда настолько по-разному, что будь то и другое в единой идеологической обойме, непременно одно вытеснило бы из сознания другое, как это характерно для всех авторитарных режимов. Уместно будет в связи с этим заметить, что не менее, а даже более популярным в фольклорном обиходе адыгов является сюжет о гибели княжеского клана Жансох-Шогенуко; а именно к нему принадлежал исторический Шужей. Ученые, от Ш.Б. Ногмова до современных исследователей, связывают в единый узел и повествование о силаче Созарыхе, и учиненную историческим Хатокшуко Казиевичем со средневековой жестокостью расправу над своими реальными соперниками [Ногмов 2019: 144–148]. Если судить по дошедшим до нас достоверным сведениям, можно с уверенностью признать, что действительность часто предоставляет наибольшее разнообразие событий, мотивировок и путей разрешения конфликтов, нежели воображение носителей фольклорного сознания. Несмотря на то, что младший эпос, как известно, черпает тематику и сюжеты непосредственно из реальной действительности, художественная система данного жанра аккумулирует конкретные явления и подчиняет их своей стереотипной системе. Однако полифонизм фольклорного сознания все же проявляется в том, что в мозаике устного обихода спокойно находят себе место и симпатии к князю Хатокшуко, который осуществляет над жестоким князем Шужеем справедливый акт возмездия, и – в другом цикле – недвусмысленное осуждение жестокости того же самого Хатокшуко по отношению к ветви князей из рода Шужей и Жансоха, которые были истреблены до последнего младенца [Ногмов 2019: 147–148; Народные песни... 1990: 391–395].

В противоречивости композиции рассматриваемого сказания, где две фактически разные сюжетные линии – судьба силача Созарыхи и борьба за власть между двумя представителями высшей аристократии переплетаются, образуя единое повествование, отражена не только мозаичность фольклорного мышления, но также и сложность той действительности, которая породила циклы подобного рода. Попадая в систему миропонимания народного эпоса, реальные факты непременно подвергаются своего рода нивелировке в соответствии с номенклатурой мотивов

и образов, которые смогли стать определенными стандартами отражения реальных фактов и лиц. В тех случаях, когда явление без труда укладывается в прокрустово ложе фольклорных стереотипов, новое произведение, в данном случае цикл из песни и сказания, способно лишь пополнить репертуар новыми именами и упоминанием новых конкретных событий. Однако когда явление, которое входит в устно-поэтический обиход, не укладывается в традиционные стандарты, фольклор не просто пополняется именами и конкретными фактами, а рождает новые типы образов, новые сюжеты и новые принципы эстетической организации текста. Это мы и видим в рассматриваемом цикле, где песня во всем сохраняет верность традиционной форме исполнения, но тут же событийная основа сказания не умещается в утвердившиеся стандарты, она взламывает прежние каноны и, пусть еще робко, но выразительно тяготеет к полифонии.

Устная повествовательная культура не в состоянии разбираться и преподносить слушателям все перипетии борьбы представителей высшей аристократии за лидерство, за власть над всем обществом. Поэтому она еще облачает реальность в традиционные одежды. Но в изменившихся, новых формационных обстоятельствах прежние стереотипы тесны, чтобы уместить в себе многообразие действительности. Стандарты повествовательного фольклорного жанра не способны прикрыть тот факт, что эпический персонаж князь Хатокшуко, убивая по одним вариантам родного брата, по другим – брата двоюродного или же дядю, мстит не за своего слугу, а борется за свое самоутверждение, как это было в действительности. Иными словами, описывая противостояние двух исторических личностей, фольклорные клише не в состоянии отражать всю сложность явлений политического плана. Это проникает в эпическую поэтику робко, второй сюжетной линией, когда в сказании отрывочными фразами пробивается подоплека конфликта – неясное, но жестокое соперничество двух претендентов на одно место. С завершением той части, которая построена на истории Созарыхи, эта линия становится фактически доминантной, но она по-прежнему прикрывается благородной идеей мести за «человека из народа», безвинно погубленного и вызывающего только симпатии. Однако даже в фольклорной интерпретации исторической личности не скрывается, что сам силач Созарыха и его гибель – это только катализатор более глубоких противоречий, поскольку подлинной причиной конфликта является стремление к власти. Типологически это сродни поступку царя Лаия из древнегреческой мифологии: он, как гласит предание, приказывает умертвить собственного новорожденного сына, поскольку ему предсказано, что не кто иной, как сын, лишит его жизни и, что не менее важно, – власти. Последующая история многих народов и государств полна свидетельствами, того, как во имя удержания или обретения власти совершались и братоубийства, и сыноубийства и отцеубийства. Для нас важно, что древний мотив в своей локальной интерпретации стал одним из факторов, которые впоследствии привели к новациям как в поэтике фольклора, так и в сюжетике.

Список источников

Алиева 2019 – Алиева А.И. Адыгский героический эпос. Сказка. Текстология. Типология. Поэтика. М.ИМЛИ РАН, 2019. 736 с.

Народные песни... 1990 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. 2. М.: Советский композитор, 1990. 488 с.

Ногмов 2019 – Ногмов Ш.Б. Исторические и филологические труды. Т. I. Нальчик: КБИГИ, 2019. 316 с.

СМОМПК 1902 – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, выпуск XXIX. Тифлис: 1902. Отд. 4. С. 35–42.

ССКГ 1872 – Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI. Тифлис: 1872. Отд. 2. С. 70–81.

Фоновидеотека Гутов – Фоновидеотека КБИГИ, магн. касс. № 501-ф/1, 2. Исп. Барасби Гутов, голосовое сопровождение песни Мухамед и Хаджи-Мухамет Гутовы. Зап. 22.10.1972 г. А.М. Гутов.

Фоновидеотека Чеченов – Фоновидеотека КБИГИ, магн. касс. № 74-а/7. – Звукозапись Ю.М. Бицуева с голоса Кины Чеченова, партия голосового сопровождения – Мурид Чеченов и Мурат Бицуев. Опубл.: Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. 2. М.: Советский композитор, 1990. 488 с. С. 352–360.

Хут 2003 – *Хум III.X*. Адыгское народное искусство слова. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство. 2003. 536 с.

References

ALIEVA A.I. *Adygskij geroicheskiy epos. Skazka. Tekstologiya. Tipologiya. Poetika*. [Adyghe heroic epic. Fairy tale. Textology. Typology. Poetics]. М.:IMLI RAN, 2019.736 p. (In Russian)

Narodnye pesni i instrumentalnye naigryshi adygov. Т. III. Ч. 2. [Folk songs and instrumental tunes of the Circassians. Т. III. Part 2]. М.: Sovetskij kompozitor, 1990. 488 p. (In Russian)

NOGMOV SH.B. *Istoricheskie i filologicheskie trudy. T. I*. [Historical and philological works. B. I.]. Nalchik: KBIGI, 2019, 316 p. (In Russian)

Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza, vypusk XXIX. [Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus, issue XXIX]. Tiflis: 1902. Otd. 4. P. 35–42. (In Russian)

Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah. Vyp. VI. [Collection of information about the Caucasian highlanders. Vol. VI.]. Tiflis: 1872. Otd. 2. P. 70–81. (In Russian)

Fonovideoteka KBIGI, магн. касс. № 501-ф/1, 2. Исп. Барасби Гутов, голосовое сопровождение песни Мухамед и Хаджи-Мухамет Гутовы. Зап. 22.10.1972 г. А.М. Гутов. Phonovideo library KBIGI, mag. cash register No. 501-f/1, 2. Use. Barasbi Gutov, voice accompaniment of the song Mukhamed and Hadji-Mukhamet Gutov. Zap. 22.10.1972 A.M. Gutov.

Fonovideoteka KBIGI, магн. касс. № 74-а/7. – Звукозапись Ю.М. Бицуева с голоса Кины Чеченова, партия голосового сопровождения – Мурид Чеченов и Мурат Бицуев. Опубл.: Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. 2. (Phonovideo Library, mag. cash register No. 74-а/7. – Sound recording by Yu.M. Bitsueva with the voice of Kina Chechenov, voice accompaniment by Murid Chechenov and Murat Bitsuev. Published: Folk songs and instrumental tunes of the Circassians. Т. III. Part 2. Pp. 352–360). М.: Sovetskij kompozitor, 1990. 488 p. P. 352-360.

HUT Sh.H. *Adygskoe narodnoe iskusstvo slova*. [Adyghe folk art of words.]. Майкоп: Адыгское республиканское книжное издательство. 2003. 536 p. (In Russian)

Информация об авторе

А.М. Гутов – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора адыгского фольклора;

Information about the author

A.M. Gutov – Doctor of Science (Philology), Professor, Chief Researcher of the Adyghe Folklore Sector.

Статья поступила в редакцию 27.11.2023; одобрена после рецензирования 12.12.2023; принята к публикации 26.12.2023.

The article was submitted 27.11.2023; approved after reviewing 12.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья
УДК 398.1+395
DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-114-122

**МОТИВ СВАТОВСТВА И ЖЕНИТЬБЫ В ПРЕДАНИЯХ
ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА. РЕАЛЬНОСТЬ И ВЫМЫСЕЛ
(сопоставительный анализ на материалах разных жанров фольклора)**

Ляна Адамовна Гугова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, adam.gut@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3072-2234>

© Л.А. Гугова, 2023

Аннотация. Статья посвящена изучению характера отражения мотивов сватовства и женитьбы в историко-героическом эпосе адыгов (черкесов). Основной целью работы является установление роли названных мотивов как ключевых, вокруг которых нередко формируются циклы из песен и преданий младшего эпоса, а также исследование особенностей их художественного отражения. Делается попытка определения доли соответствия описаний в эпических циклах с этнографическими сведениями. В качестве сравнительного материала привлекаются произведения других жанров адыгского фольклора, в которых отражены сватовство и женитьба как основная или второстепенная сюжетная линия. К примеру, в архаическом эпосе на фоне основного подвига в некоторых случаях женитьба остается на второй план. Таковы сказание (пшинатль) о кровной мести героя из цикла о нарте Ашамезе, а также прозаический вариант сказания о незнакомом госте в цикле о Шайее. В сказке налицо большее функциональное разнообразие: в ней мотив добывания невесты может быть представлен и как основной сюжетобразующий компонент, и как сопутствующий. В статье предлагается объяснить характер данного явления уровнем осознанности вымысла: эпический нарратив, воспринимающийся как повествование о реальном событии, более ограничен в допущении разнообразия, а сказка в силу своих жанровых особенностей позволяет исполнителю проявить всё богатство фантазии.

Ключевые слова: архаический эпос, сказка, система условностей, корреляция, сватовство, женитьба, художественный контекст, историко-героический эпос, предание, песня, герой

Для цитирования: Гугова Л. А. Мотив сватовства и женитьбы в преданиях историко-героического эпоса. Реальность и вымысел (сопоставительный анализ на материалах разных жанров фольклора) // Вестник КБИГИ. 2023. № 4 (59). С. 114–122. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-114-122

Original article

**THE MOTIVE OF MATCHMAKING AND MARRIAGE IN THE LEGENDS
OF THE HISTORICAL AND HEROIC EPIC. REALITY AND FICTION
(comparative analysis based on materials from different genres of folklore)**

Lyana A. Gutova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, adam.gut@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3072-2234>

© L.A. Gutova, 2023

Abstract. The article is devoted to the study of the nature of the reflection of motifs of matchmaking and marriage in the historical and heroic epic of the Adyghs (Circassians). The main purpose of the work is to establish the role of these motifs as key ones, around which cycles of songs and legends of the younger epic are often formed, as well as to study the features of their artistic reflection. An attempt is made to determine the proportion of correspondence of descriptions in epic cycles with ethnographic information. As a comparative material, works of other genres of Adyghe folklore are involved, which reflect matchmaking and marriage as the main or secondary storyline. For example, in the archaic epic, against the background of the main feat, in some cases, marriage remains in the background. These are the legend (pshinatl) about the blood feud of the hero from the cycle about the nart Ashamez, as well as a prosaic version of the legend about an unknown guest in the cycle about Shauei. There is a greater functional diversity in the fairy tale: in it, the motive of getting a bride can be presented both as the main plot-forming component and as an accompanying one. The article proposes to explain the nature of this phenomenon by the level of awareness of fiction: the epic narrative, perceived as a narrative about a real event, is more limited in allowing diversity, and the fairy tale, due to its genre features, allows the performer to show all the richness of fantasy.

Keywords: archaic epic, fairy tale, system of conventions, correlation, matchmaking, marriage, artistic context, historical and heroic epic, legend, song, hero.

For citation: Gutova L.A. The motive of matchmaking and marriage in the legends of the historical and heroic epic. Reality and fiction. (comparative analysis based on materials from different genres of folklore). Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 4 (59): 114–122. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-114-122

Одним из важных этапов жизненного цикла человека является создание семьи, как неотъемлемой части не только личностного роста, но и функционирования всего общества. Видимо, в этом одна из причин того, что мотивы сватовства и женитьбы столь популярны в мировом фольклоре – в эпических сказаниях, сказках, песнях. На адыгском материале эта тема получила наиболее широкое освещение в трудах в области этнографии. В данной области интересны описательно-аналитические исследования Мафедзева С.Х. [Мафедзев 1979], Джандар М.А [Джандар 1991: 15–19], Бгажнокова Б.Х. [Бгажноков 2011: 307–341] и др.. Тексты фольклорных произведений привлекаются ими исключительно в качестве иллюстративного материала как дополнение к этнографическим наблюдениям. Художественная значимость устно-поэтических произведений на отмеченную тему остается до настоящего времени недостаточно освещенной. Специальных работ, посвященных рассмотрению фольклорных произведений на избранную нами тему с точки зрения их художественных достоинств и соотношения в них вымысла и реальности ранее не проводилось. Однако отметим, что роль песен, стихотворных тирад, народных афористических выражений и устойчивых словесных формул, приуроченных к комплексу обрядовых действий сватовства и женитьбы, находит отражение в работах ряда специалистов по фольклору. Вербальное сопровождение свадебной церемонии несет достаточно мощный эстетический потенциал, который превращает ритуал с его магической функцией в некое театрализованное представление с выраженными элементами вне сакрального искусства как органической части единого целого. Более того, в обрядовом цикле сватовства, свадьбы и послесвадебных церемоний, удельный вес эстетической функции в традиционном патриархально-феодальном обществе настолько велик, что их практические функции значительно отстают. Поэтому нельзя не принять во внимание того факта, что фольклор свадебного цикла (включая в это понятие не только словесное искусство, но также и музыку, хореографию, элементы драматургии) имеет свою самостоятельную художественную значимость. С особой выразительностью это проявляется в поэтическом языке песен и благопожеланий с яркими образными выражениями, четкой словесной ритмической организацией и эстетически организованной фоникой. Аналогичным примером являются и фольклорные произведения, в основе которых лежат мотивы сватовства и женитьбы. Что же касается

историко-героического эпоса, в нем мотивы указанной тематики еще более отдалены от сакрализирующей ритуализации, чем в фольклоре самого свадебного цикла.

Следует отметить, что мотив сватовства и женитьбы как центрального сюжетобразующего или второстепенного явления представлен и в архаическом эпосе, и в сказках, и в преданиях, и в песнях. К примеру, в нартских сказаниях событийную основу в большей части составляют мифологические нарративы, в которых, как это ни покажется странным, со всей ясностью проявлены практические функции: герой по своему типу фактически не индивидуальность, а стержневая часть общественного организма, поэтому все его знаковые действия, в том числе и женитьба, социально ориентированы. В сказке акцент делается в пользу фантазийного сюжета, и это открывает возможность для пробуждения интереса к чувствам и переживаниям личности. Благодаря этому даже некоторые канонизированные традицией компоненты свадебного цикла преподносятся в соответствии не столько с традиционными правилами, сколько с законами словесного искусства. Историко-героический эпос связан с реальностью непосредственно, что наиболее близко к традиции. Таким образом, в каждом из случаев описание сватовства и заключения брака призвано соответствовать закономерностям того фольклорного жанра, в котором оно представлено. Однако фактически во всех жанрах сохраняются как универсальные константы такие общепринятые моменты как повод отправления героя на поиски суженой, препятствия, которые необходимо преодолеть герою, сама женитьба и некоторые ключевые эпизоды свадебной церемонии, степень активности самих молодоженов или двух роднящихся сторон. Нашей основной задачей в рамках представляемой статьи, является установление того, какие формы заключения брака у адыгов нашли отражение в контексте историко-героического эпоса, как содержание фольклорного текста соотносится с данными этнографических исследований как достоверных источников бытования тех или иных ритуальных действий традиционного общества. Также для наиболее объективного освещения избранной темы рассматривается художественное отражение обычая и в других жанрах фольклора.

Исследователи традиционной культуры единодушно отмечают, что *официальное сватовство* – наиболее распространенная и принятая за основу форма женитьбы. В нем обычно представлен весь комплекс основных действий соответствующих традиции. Как правило, начальной стадией является возникновение объективных обстоятельств для женитьбы / замужества. Это могут быть и сугубо социально мотивированные обстоятельства (например, династические браки, в которых мнения и настроения будущих молодоженов учитываются в наименьшей степени), и мотив состязательности или же самоутверждения личности путем заключения партии с престижной невестой (своего рода приз, добываемый на состязаниях с другими претендентами), и сугубо личные симпатии молодых людей друг к другу. Далее следуют в регламентированном порядке все предсвадебные и свадебные ритуальные действия: сватовство, достижение договоренностей о сроках и затратах, заключение брака, сама свадьба, послесвадебные церемониальные действия, связанные с породнением стороны жениха со стороной невесты.

Наиболее предпочтительным вариантом заключения брака был признан тот случай, когда молодые по обоюдной договоренности, поручали кому-то из приближенных друзей оповестить о своих намерениях родителей и старших рода (самим молодым оповещать о принятом намерении родных считалось не этичным). До определенного времени не принято было обоим родам оповещать других родственников о предстоящем событии. Также было не принято заранее объявлять имя избранницы, хотя в случае положительного исхода намерений сторона невесты, как и сторона жениха активно готовилась к предстоящим торжествам.

Наряду с этим в традиционном обществе были нередки так называемые браки по расчету, когда браки заключались по инициативе родителей или родовых

старейшин. Участие самих жениха и невесты во всем таком мероприятии было минимально значимым, как это было практически во всех человеческих сообществах на определенной эволюционной стадии. До самой свадьбы молодые люди даже могли не знать друг друга, ибо это не признавалось существенным. В подобных случаях неколебимо властвовал принцип «стерпится – слюбится».

Другой вид заключения брачного союза является альтернативой открытому сватовству – это *умыкание невесты*. Поставив в известность лишь узкий круг людей, юноша умыкал девушку и только после этого оповещал через своих поверенных как своих, так и ее родственников. Такого рода заключение брака избавляло молодых от многих церемониальных условностей, таких как переговоры сватов, вывоз невесты из родного дома и т. д. Правда, при этом был риск и негативной реакции с обеих сторон. Хотя в большинстве случаев умыкание происходило с негласного одобрения старейшин рода и носило театрализованный характер. Вместе с тем, умыкание могло совершаться, как по обоюдному согласию юноши и девушки, так и по желанию только юноши (в этом случае сама невеста могла и не подозревать о намерении молодого человека, не говоря уже о ее родных. Девушка узнавала похитителя только после похищения). Также такого рода заключение брачного союза имело свои причины. К примеру желание молодых воссоединиться вопреки воле родных, либо желание форсировать события во избежание длительных церемоний, а также желание избежать лишних материальных затрат при затяжном сватовстве. Зачастую одной из веских причин умыкания было стремление юноши поступить так, как подобает настоящему рыцарю-наезднику: похитить невесту, привезти ее в свой дом как дорогую добычу. Таким образом, умыкание было одним из проявлений молодечества, поэтому такая форма обретения супруги представлялась даже престижнее, нежели гласное сватовство. Эти и иные обстоятельства приносили свое разнообразие и в последующие действия.

Очень важным фактором при заключении брака было сословное соответствие сторон. Хотя в сказках разных народов, в том числе и адыгов, можно встретить сюжеты о том, как герой из низшего сословия женится на дочери князя, короля, хана, в действительности такого не могло произойти. В данном случае очевиден художественный вымысел, так как межсословные союзы крайне не одобрялись. Об этом пишут многие ученые, в их числе Покровский М.В. [Покровский М.В. 1958: 122], Гарданов В.К. [Гарданов 1967], Джимов Б.М. [Джимов 1986]. Адыгское общество имело сложную структуру, согласно которой аристократия и простой народ строго дифференцировались. Брак считался идеальным в том случае, если партнеры были равноправны: князь искал невесту из княжеского рода, дворяне из более низкого сословия рождались соответственно своей иерархической лестнице, вольный крестьянин обычно женился на девушке из семьи свободных крестьян и т.д.

Вот как пишет о приведенном явлении Султан Хан-Гирей: «... брак учреждаться должен по обычаям, по равенству родов; князья берут из княжеских родов и, равномерно отдают дочерей лишь за княжеских сыновей» [Хан-Гирей 1978: 291]. В то же время нельзя не обозначить тот факт, что большинство княжеских фамилий черкесов либо перероднились, либо имели общее происхождение. Согласно обычаю, у адыгов кровосмешение, то есть – браки между родственниками по крови, решительно осуждались. В таких случаях представители княжеского сословия искали брачные союзы за пределами своего этнического, языкового и ментального происхождения. Так адыгские княжеские фамилии были связаны родством через брачные узы с крымскими, калмыцкими, ногайскими ханскими династиями, с кумыкскими шамхалами, грузинскими княжескими фамилиями. Стоит вспомнить и об известных связях с русской правящей династией (Иван Грозный и Мария Темрюковна), с персидским шахом, турецким султаном. Заметим, что это не спасало страну от многочисленных нашествий и еще более частых и столь же разорительных набегов.

Вместе с тем достаточно частыми были случаи неодобрения брачного союза молодых старейшинами родов. Основным поводом взаимного неприятия могли стать неприязненные личные отношения между роднящимися сторонами, разные иерархические ступени и желание более выгодной партии своему чаду. Иногда воля двух родов и молодых людей, желающих вступить в брак, не совпадала. В адыгском историко-героическом эпосе – это, например, песня и предание о Хасанше Шогемоко. Согласно преданию, юноша по имени Хасанш Шогемоко был влюблен в девушку Дадусю. Чувства молодых были взаимными, и юноша рассчитывал жениться на возлюбленной. Однако родня Дадуси посчитала эту партию невыгодной и, не считаясь с желанием молодых, отдала девушку за сына знатного ногайского хана. Юноша никак не может смириться с таким положением дел. С одной стороны, попираются желания и чувства обоих молодых людей. С другой – безропотно смириться с тем, что его возлюбленную увозит другой претендент, означает утратить престиж в глазах общества. Поэтому у Хасанша Шогемоко фактически нет выбора. Он в одиночку устраивает засаду на пути свадебного кортежа, лихим налетом отбивает свою невесту у целой компании, но все же, будучи не в силах уйти от погони, погибает в неравной схватке. Но в глазах общества его гибель со славой превышает бесславного примирения с долей заурядного обывателя. Возлюбленная героя, впечатленная смелым поступком своего подлинного избранника, проявляет достойное отношение к нему и предпочитает умереть следом за ним. Предложив похоронить погибшего якобы по всем правилам, девушка вызывается опуститься в могильную яму, дабы уложить его тело согласно обычаю, но неожиданно для всех, закалывает себя и остается похороненной рядом с любимым человеком. Со временем над могилой Хасанша и Дадуси вырастают два деревца с переплетенными стволами (в мировом фольклоре и литературе – т.н. мотив Тристана и Изольды) [НПИНА 1986: 126–133, 134–137, 138–141].

Аналогичен сюжет еще одной лиро-эпической песни-баллады, «Адиюх» [Къэбэрдей уэрэхэмрэ... 1948: 62–63; АУ 1979: 67–68]. Эта песня распространена по всей исторической Черкесии и представляет собой переходное явление, от подлинно героико-исторического эпоса к лирическому жанру. Само предание, сопровождающее песню, до нас не дошло. Но, по мнению исполнителей, обрывочные сведения легко просматривающиеся в песенном контексте, позволяют воссоздать целостную картину всего происшедшего. Песня не приурочена к реальному событию, как чаще всего бывает в циклах историко-героического эпоса и сложена в стиле монолога от имени безымянного юноши, который оплакивает свою погибшую возлюбленную по имени Адиюх. Молодые люди испытывающие горячие чувства друг к другу с самого детства, по всей видимости не получили одобрения на брачный союз от родных. Исходя из этих обстоятельств, юноша по договоренности похищает девушку из родительского дома. Так поначалу замысел молодых удастся, и парень выкрадывает Адиюх из окна ее дома и уносит на горячем скакуне. Однако молодые вынуждены бежать, путь их пролегает через лес, где их настигает беда: на дорогу вылетает фазан, громко хлопая крыльями, конь мечется от неожиданности в сторону, девушка падает с коня на землю и разбивается насмерть. Молодой человек, оставшись один со своим горем, от безысходности оплакивает погибшую.

Таким образом, налицо, что «Песня Адиюх» имеет развернутый сюжет. И после каждого трагического стиха с описанием произошедшего, герой повторяет фразу «Уэр си Адиюху» – «О, моя Адиюх», что создает в сочетании с мелодией песни атмосферу замкнутой, трагической безысходности. Герой сетует на то, что ему даже некуда положить тело возлюбленной. Так, если он отнесет ее в свой дом – она в нем будет чужая; если же отвезет в ее отчий дом, то и там она проклята родителями за ослушание; если на землю уложит, то насекомые съедят, а если на верхушку дерева положит – там вороны склюют. Посредством художественной

условности во всей глубине, изливается чувство огромной утраты и осознание того, что для юноши разрушился целый иллюзорный мир, в котором он видел себя вместе со своей любимой.

Переплетение романтики и тревожности обстоятельств, прослеживается в предметно-образном мире песенного текста. К примеру, *черный конь, распахнутое окно*, через которое выходит любимая, *ночная дорога, черная бурка, горячее объятие* и откровенно трагически значимые *окровавленное тело, смерть в объятиях возлюбленного*, бессильного что-либо сделать, *звери, рыщущие по лесу*, всеядные *муравьи*, черные *вороны*. Также в тексте присутствует обилие глаголов, которые тоже можно поделить на две группы. В первую группу следует отнести слова, подразумевающие пылкое чувство: «с малых лет мы *любили*», «с малых лет я о тебе *мечтал*», «о тебе *тосковал*», «коня черного *взнуздал*», «к окну твоему *подскакал*», «ты на коня *прыгнула*», «мы в объятия *бросились*». Ко второй группе относятся наиболее доминирующие глаголы деструктивного содержания: фазан *вылетает*, конь *отлетает*, драгоценная ноша *падает*, *погибает*, *испускает дух* в объятиях. Всю представленную систему образов пронизывает рефрен: «Куда, куда же я тебя дену». Вполне очевидно, что речь идет не просто о мертвом теле, а о том, как жить дальше лирическому герою, на которого обрушилось такое несчастье и все его мечты, которые он бережно хранил в памяти с самого детства до настоящего времени, увенчались таким трагическим событием. Таким образом, резкий контраст между светлым, искренним человеческим чувством и суровой реальностью бытия, между иллюзорными надеждами и нелепой случайностью породило песенный сюжет.

Другую группу формы заключения брака образуют случаи брачного союза *без учета мнения самих молодых людей*. Такое происходило без участия молодых, согласно договоренности между родителями или близкими родственниками. Как и другие формы заключения брака, этот способ имеет свои варианты. Самый распространенный – это решение старших (родителей, старших рода и т.д.) выдать дочь, племянницу или сестру за определенного, подходящего человека или женить сына, племянника младшего брата на такой-то. Молодые вынуждены были повиноваться решению старших. На наш взгляд этот вид брака наиболее устарелый, когда брак являлся решением кланов. Так, к примеру, в архаическом эпосе запечатлен подобный вид брака, когда великанша-мать выдавала свою дочь за нарта Канжа. При этом она нисколько не интересовалась волей дочери, а та и не противилась. Хотя, будучи в замужестве она проявляет свой дикий нрав, во всей полноте [Нарты 1974: 308–310].

Как видим, и архаический эпос дублирует через свои художественные образы традиционную культуру. Такого же рода дублирование можно наблюдать и в сказках, где герой подвергается *инициальным испытаниям* прежде чем жениться. Герой представляется не только как идеал отважного воина наездника, но и проявляет такие свои наилучшие человеческие качества как острый ум, знание тонких правил этикета, верность слову и готовность защищать свою семью, род, землю, свои достоинство и честь. К примеру, в сюжете сказки о Красавице Елене и богатыре-женщине, повествуется о том, как герой обрел жену, но также быстрее ее потерял [Фольклор адыгов 1979: 365–390]. Таким образом, он оказывается в положении человека, который либо должен смириться с положением дел, следовательно, утратить свой авторитет в обществе, либо любыми способами разыскать беглую жену и этим отстоять свое достоинство. Здесь герой подвергается разным испытаниям в результате преодоления которых, он не только восстанавливает свой статус, но и находит новую по-настоящему достойную жену. Как видим, в сказке присутствует контаминация нескольких сюжетов, которые разворачиваются вокруг одного главного героя. Первый – это поиск невесты, ее исчезновение и возвращение. Данный мотив поиска пропавшей жены примечателен тем, что

помимо главного героя Карабатыра, появляется еще и новый герой-помощник, который в дальнейшем играет немаловажную роль в повествовании. Так в схватке за Елену Карабатыр и его спутник проявляют равноценное мужество и решительность. В то же время для героя не так важно вернуть беглянку-жену, как очиститься от позора в случае невыполнения трудной задачи. И как только жена оказывается возвращена, Карабатыр с легкостью соглашается на то, чтобы его спутник поделил ее подобно трофею на равные части, а точнее разрубил бы ее надвое: «... все равно мне с ней нет житья!» [СМОМПК 1891: 61]. Следующий сюжет – это поиски новой, поистине достойной спутницы жизни, которую он получает в качестве своеобразного вознаграждения. Но и здесь герой подвергается своего рода испытаниям. Это и победа над соперником в состязаниях по метанию или толканию камня, и доказательство собственного превосходства над новой супругой, уже после ее приезда дом Карабатыра. Точнее – это скрытое участие в компании наездников под предводительством переодетой молодой жены, в ней неожиданно для себя герой узнает помощника-богатыря, который вместе с ним отвоевывал Елену. Вполне очевидное и доказанное превосходство его над ней приводит к тому, что женщина порывает с прежним образом жизни, больше не облачается в мужскую одежду, перестает заниматься ратными делами и полностью посвящает себя женским обязанностям. В этом сюжете резонно выделить такие компоненты как поиски, сватовство, испытания, женитьба. В данной сказке В. Ф. Миллер находит параллели с гомеровским эпосом, а образ богатыря-женщины – с мировым мотивом «благодарный мертвец» [СУС 1979: 144–146].

Мотив переодевания девушки в мужское облачение обозначен и в предании о женитьбе нарта Шауея. Это повествование по типологической разновидности стоит на стыке нартского эпоса с историко-героическим.

Нарт Шауей, сын Канжа и великанши, подвергается испытаниям со стороны будущей жены, которая переодевшись в мужскую одежду, предлагает ему содержать гостя (то есть себя) на определенных условиях. Далее следует более опасное испытание – участие в походе и бое с великанами [Нарты 1974: 313–318]. Такой же мотив и в сказании «Чачана сын Чачаны» из цикла, посвященного нарту Бадиноко / Шабатыныко. В поисках пропавшего отца он вступает в бой с жестокими великанами, с которыми не могла справиться сама девушка, облаченная в мужскую одежду (или же ее брат), а после удостаивается ее руки [Нартхэр 2002: 209–229, 238–240, 241–278]. Отметим, что в архаическом эпосе чаще встречаются сюжеты, где женитьба происходит по вольному выбору самих молодых людей. К примеру, сказание о нарте Хымыше, который оказавшись в гостях новоявленного кунака из племени карликов-испов, знакомится с его дочерью. Между молодыми людьми возникают взаимные симпатии и по общему согласию они соединятся узами брака [Нартхэр 1970: 16–18, 20–22, 22–23].

Конечно же, приведенными примерами многообразия форм отражения представленного отрезка жизненного цикла не исчерпывается. В то же время, на основании проанализированного материала мы можем себе позволить сделать некоторые выводы.

Прежде всего, уместно заметить, что между достоверными сведениями о формах заключения брака и их фольклорным отражением налицо как совпадения, так и расхождения. Так, случаи официального *сватовства*, *предсвадебных испытаний*, *умыкания* в схожей форме представлены в нартском эпосе и в сказке. Правда, формы объективации могут различаться соответственно жанровой принадлежности. В нартском эпосе мотив женитьбы приближен к архаическому мифу о подвиге героя (*добывание блага* (в данном случае – *невесты*). В сказке на первом месте заданная цель, исходящая либо от старших, либо от кого-то другого, либо вызванная обстоятельствами.

Побудительный мотив в эпосе более реалистичен, так как герои и события не воспринимаются как вымысел. Следовательно, сватовство это комплекс сюжетов

соединяющихся с мотивом добывания или упорядочения пространства путем устранения зла. Герой в эпосе преодолевает такие же трудности что и мифический герой, который приносит людям огонь, отвоевывает пространство о фантастических существ и пр. Таким образом, появляется некая вторичность сюжета акта женитьбы.

В сказке же сватовство и женитьба выступают полноправными сюжетобразующими мотивами. В ней больше очевидна условность, которая характерна общей для сказок разных народов закономерностью. В русском фольклоре эта закономерность обозначена фразой «сказка — ложь, да в ней намек». Эта же фраза указывает на свободу осознанного вымысла.

Действия, описываемые в историко-героическом эпосе, более всего приближены к реальности, а условность занимает в них сугубо подчиненное положение, которое служит непосредственно воспринимаемым эстетическим целям.

В заключении мы приходим к выводу о том, что фольклор как искусство имеет свою систему условностей, основой которых является реальная действительность, пропущенная через художественное восприятие и поэтому не повторяющая ее с фотографической точностью. Причем в каждом жанре эта система имеет такие особенности, которые могут быть сопоставимы с общими тенденциями.

Список источников

АУ 1979 – *Адыгэ уэрэдыжъхэр*. Налшык: Эльбрус, 1979. Н. 224 // *Адыгские народные песни*. Нальчик: Эльбрус, 1979. С. 67–68. (На кабард.-черк. яз.)

Бгажноков 2011 – *Бгажноков Б.Х.* Базовые принципы и основные условия заключения брака // *Этнография адыгов*. Нальчик: Эльбрус, 2011. С. 307–341.

Гарданов 1967 – *Гарданов В. К.* Общественный строй адыгских народов. М.: Наука, 1967. 330 с.

Джандар 1991 – *Джандар М. А.* Брак и формы заключения брака // *Песня в семейных обрядах адыгов*. Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1991. 143 с.

Джимов 1986 – *Джимов Б. М.* Социально-экономическое и политическое положение адыгов в 19 в. Майкоп: Краснодарское государственное книжное издательство, 1986. 190 с.

Къэбэрдей уэрэдхэмрэ... 1948 – *Къэбэрдей уэрэдхэмрэ псалъэжъхэмрэ*. Налшык: Къэбэрдей къэрал тхыль тедзапIэ, 1948. Н. 197 // *Кабардинские песни, пословицы и поговорки*. Нальчик: Кабардинское государственное книжное издательство, 1948. 197 с. (На кабард.-черк. яз.)

Мафедзев 2000 – *Мафедзев С.Х.* Адыги. Обычай. Традиции. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 359 с.

Нарты 1974 – *Нарты*. *Адыгский героический эпос*. М.: Наука, 1974. 416 с.

Нартхэр 1970 – *Нартхэр*. *Адыгэ эпос*. Т. IV. Мыекъуапэ: Краснодар къэрал тхыль тедзапI. 1970. 311 н. / *Нарты 1970: Нарты*. *Адыгский эпос*. Т. IV. Майкоп: Краснодарское государственное книжное издательство, 1970. 311 с. (На диалектах адыгского языка)

Нартхэр 2002 – *Нартхэр*. *Адыгэ эпос*. Мыекъуапэ: ГУРИПП Адыгея, 2002. 319 с. // *Нарты 2002 – Нарты*. *Адыгский эпос*. Майкоп: ГУРИПП Адыгея, 2002. 319 с. (На кабар.яз.)

НПИНА 1986 – *Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов*. М.: Советский композитор, 1986. 264 с.

Покровский 1958 – *Покровский М. В.* Адыгейские племена 18 первой половины 19 века // *Труды института этнографии*. Новая серия. Т. 10. 6. М.: 1958. 122 с.

СМОМПК 1891 – *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Вып. 12 // *Разд.: Кабардинские предания, сказания и сказки, записанные по-русски*. Тифлис, 1891. 618 с.

СУС 1979 – *Сравнительный указатель сюжетов*. *Восточнославянская сказка*. Ленинград: Наука, 1979. 438 с.

С. Хан-Гирей 1978 – *Султан Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1978. 335 с.

Фольклор адыгов... 1979 – *Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX вв.* Нальчик: Эльбрус, 1979. 404 с.

References

- ADY`GE`UE`RE`DY`ZH`XE`R. Nalshy`k: E`l`brus, 1979. N. 224. // Ady`gskie narodny`e pesni. [Adyghe folk songs]. Nalchik: Elbrus, 1979. P. 67–68/ (In kab/-circ.lang.)
- BGAZHNOKOV B.X. *Bazovy`e principy` i osnovny`e usloviya zaklyucheniya braka* [Basic principles and conditions of marriage]. E`tnografiya ady`gov [Adyghe ethnography]. Nalchik: Elbrus, 2011. P. 307–341. (In Russian)
- GARDANOV V.K. *Obshhestvenny`j stroj ady`gskix narodov* [The social system of Adyghe people]. M.: Nauka, 1967. 330 p. (In Russian)
- DZHANDAR M.A. *Brak i formy` zaklyucheniya braka* [Marriage and forms of marriage] // *Pesnya v semejny`x obryadax ady`gov* [Song in the family rites of Adyghe]. Maikop: Adyghe book publishing company, 1991. 143 p. (In Russian)
- DZHIMOV B.M. *Social`no-e`konomicheskoe i politicheskoe polozhenie ady`gov v 19 v.* [Socio-economic and political situation of the Adyghe in the 18-th century]. Maykop: State book publishing comp. of Krasnodar, 1986. 190 p. (In Russian)
- K`E`BE`RDEJ UE`RE`DXE`MRE`... . *K`e`be`rdej ue`re`dxe`mre` psal`e`zh`xe`mre`* [Kabardian songs, proverbs and sayings]. Nalchik: K`e`be`rdej k`e`ral txy`l` tedzapI`, 1948. P. 197 // *Kabardinskie pesni, poslovicy i pogovorki* [Kabardian songs, proverbs and sayings]. Nalchik: Kabardian state book publishing comp., 1948. 197 p. (In kab.-circ.lang.)
- MAFEDZEV S.X. *Ady`gi. Oby`chai. Tradicii* [Adyghe. Customs. Traditions]. Nalchik: El-Fa, 2000. 359 p. (In Russian)
- NARTY *Ady`gskij geroicheskij e`pos* [Narts. Adyghe heroic epos]. M.: Nauka, 1974. 416 p.
- NARTXE`R. *Ady`ge`e`pos. T. IV.* [Narts. Adyghe epos. Volume IV] – . My`ek`uape` : Krasnodar k`e`ral txy`l` tedzapI. 1970. 311 n. // Narty`. *Ady`gskij e`pos. T. IV* [Narts. Adyghe epos. Volume IV]. Maykop: State book publishing comp. of Krasnodar, 1970. 311 p. (In adyghe lang. dialects)
- NARTXE`R. *Ady`ge`e`pos.* [Narts. Adyghe epos]. My`ek`uape` : GURIPP Ady`geya, 2002. 319 s. // NARTY. *Ady`gskij e`pos* [Narts. Adyghe epos]. Maykop: GURIPP Ady`geya, 2002. 319 p. (In kab-n lang.)
- NPINA. *Narodny`e pesni i instrumental`ny`e naigry`shi ady`gov* [Folk songs and instrumental tunes of the Adyghe]. Moscow: Soviet composer, 1986. 264 p. (In Russian)
- POKROVSKIJ M. V. *Ady`gejskie plemena 18 pervoj poloviny` 19 veka* [Adyghean tribes in 18 the first half of 19 th century] // *Trudy` instituta e`tnografii. Novaya seriya. T. 10-6* [Proceedings of the institute of Ethnography. New series. Volume 10-6]. M.: 1958. 122 p. (In Russian)
- SMOMPK. *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza. Vy`p. 12* [Collection of materials to describe the localities and tribes of the Caucasus. 12-th Issue] // *Razd.: Kabardinskie predaniya, skazaniya i skazki, zapisanny`e po-russki* [Kabardian legends, tales and fairy tales recorded in Russian language]. Tiflis, 1891. 618 p. (In Russian)
- SUS. *Sravnitel`ny`j ukazatel` syuzhetov. Vostochnoslavyanskaya skazka* [The comparative index of plots. East Slavic fairy tale]. Leningrad: Nauka, 1979. 438 p. (In Russian)
- FOL`KLOR ADY`GOV... . *Fol`klor ady`gov v zapisyax i publikacijax XIX — nachala XX vv.* [Folklore of Adyghe in records and publications of the XIX-th and early XX-th centuries]. Nalchik: Elbrus, 1979. 404 p. (In Russian)
- S. XAN-GIREI. *Zapiski o Cherkessii* [Notes on Circassia]. Nalchik: Elbrus, 1978. 335 p. (In Russian)

Информация об авторе

Л.А. Гутова – кандидат филологических наук, ст.научн. сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the author

L.A. Gutova – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Adyghe Folklore Department.

Статья поступила в редакцию 22.11.2023, одобрена после рецензирования 03.12.2023, принята к публикации 26.12.2023.

The article was submitted 22.11.2023, approved after reviewing 03.12.2023, accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья

УДК 398.2

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-123-130

ОБ ИМЕНОВАНИИ БЁРЮ «ВОЛКА» В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Лейла Созакбаевна Гергокова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, leylagergokova79@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7998-2075>

© Л.С. Гергокова, 2023

Аннотация. Идеино-композиционные особенности собственных и нарицательных наименований героев являются специфической чертой карачаево-балкарского устного народного творчества. Система именований персонажей имеет установленные функции, дает описание, характеристику, а также подвергается классификации в рамках жанра.

В работе на примере ряда произведений устного народного творчества карачаевцев и балкарцев исследуется наименование бёрю «волк» в карачаево-балкарских мифологических произведениях и сказках о животных. Наблюдается, что в древних воззрениях имя хищника было табуировано, поскольку этот персонаж считался темным, что можно проследить и в культурах других народов. Древним названием волка у карачаевцев и балкарцев было *буд / бут*, от слова «боз», как утверждают многие ученые.

В статье отмечается, что, переходя из мифических рассказов в сказки о животных, культ бёрю «волка» уходит и появляется аллегория человека. Обращается внимание на то, что исследуемый персонаж способен проявлять положительные, но чаще всего отрицательные качества характера. Волк в животных произведениях обретает черты злого, подлого, хищного героя. Животному в данных сказках приписываются антропоморфные черты, поэтому здесь встречаются наименования собственные, что можно считать пережитком культовых взглядов.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, мифологические тексты, сказки о животных, волк, тотем, персонаж, наименование

Для цитирования: Гергокова Л.С. Об именовании бёрю «волка» в карачаево-балкарском фольклоре // Вестник КБИГИ. 2023. № 4 (59). С. 123–130. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-123-130

Original article

ABOUT THE NAMING OF BERYU “WOLF” IN KARACHAY-BALKARIAN FOLKLORE

Leila S. Gergokova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, leylagergokova79@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7998-2075>

© L.S. Gergokova, 2023

Abstract. The ideological and compositional features of the heroes' proper and common nouns are a specific feature of karachay-balkarian oral folk art. The character naming

system has established functions, gives description, characteristics, and is also classified within the genre.

Using the example of a number of works of oral folk art of the karachais and balkarians, the work examines the naming of *beryu* “wolf” in karachay-balkarian mythological works and fairy-tales about animals. It is observed, that in ancient views the name of the predator was taboo, since this character was considered totemic, which can be traced in the cultures of other peoples. The ancient name of the wolf among the karachais and balkarians was *bud / but*, from the word “*boz*,” as many scientists claim.

The article notes, that, moving from mythical stories to fairy-tales about animals, the cult of the *beryu* “wolf” disappears and an allegory of man appears. Attention is drawn to the fact, that the character under study is capable of demonstrating positive, but most often negative, character traits. The wolf in animalistic works takes on the features of an evil, vile, predatory hero. Animals in these fairy-tales are attributed anthropomorphic features, so proper names are found here, which can be considered a relic of cult views.

Keywords: karachay-balkarian folklore, mythological texts, fairy-tales about animals, wolf, totem, character, naming

For citation: Gergokova L.S. About the name of *beryu* “wolf” in karachay-balkar folklore. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 4 (59): 123–130. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-123-130

Изначально считалось, что именованья животных в фольклорных жанрах должны меняться в зависимости от возраста и статуса сказочника: для артистичных, виртуозных сказителей были установлены свои формульные именованья персонажей. Но данная гипотеза не была подтверждена, поскольку особых названий «от себя» у сказочников не наблюдалось. Основная стилистическая роль именованья заключалась в том, что они являлись главным средством художественного обобщения.

Именованье персонажей в карачаево-балкарских устных народных произведениях приобретает особую функцию, позволяющую открывать в фольклорных текстах оттенки смыслов, после чего произведения приобретают более яркий эмоциональный колорит. Языковая семантика нарицательных именованья в сказках формирует особое, художественное значение апеллятивного лексикона.

Образ *бёрю* «волк» в народных произведениях претерпевает изменение от тотемного животного до персонажа народных сказок о животных: из культового зверя он превращается в простодушного героя. В работе впервые исследуются имена нарицательные и собственные, как средства обозначения данного животного, изучаются вопросы системы именованья и ее роли в раскрытии типа персонажа, анализируется семантика апеллятивных и собственных именованья данного персонажа, функционирующего в народном фольклоре, что обуславливает актуальность данного исследования. Материалом изыскания явились нарицательные имена, прозвища волка в мифологических нарративах и сказках о животных карачаевцев и балкарцев. Основными методами, применяемыми при разборе, предстали описательный и сравнительно-исторический.

Использование разнообразных номинаций для обозначения персонажа *бёрю* «волк» выполняет в тексте разные функции: информативную, выделительную и др.

Тотемизм у карачаевцев и балкарцев, как поклонение животным, появился еще на ранних этапах исторического развития: здесь животные наделяются сверхъестественной силой, поэтому люди обращаются к их помощи или же опасаются их и остерегаются. В этот период именованье персонажей в фольклорных произведениях приобретает особенные смыслообразующие функции, одной из которых является табуирование имени *бёрю* «волк». Культ данного хищника можно обнаружить у многих народов Евразии. В устных произведениях часто встречается слово *бёрю* «волк» с эпитетом *боз* «серый». Многие исследователи это связывают с тем, что имя хищника в древние времена скрывали и называли «*буд*» от слова «*боз*».

М. Джуртубаев отметил, что *бүд* – вариация от общетюркских *бу* и *буз* «серый» [Джуртубаев 1991: 36]. «Табу на имя волка – это следствие и сакрализации образа животного. Волк покровительствовал охотникам и воинам, которые, отправляясь на охоту, возносили ему молитвы и приносили жертвы. Но в более поздний период на первый план выходят хозяйственные интересы, связанные со скотоводством и желанием для себя и своего скота избежать опасности, не накликав беду» [Текеева 2012: 37]. Чтобы защитить домашних животных от клыков хищника, у тюркских народов существовали заговоры. Многие помнят, что в детстве старейшины повторяли какие-то слова и завязывали семь узелков, но после того, как скотина находилась, узелки развязывали и читали другой заговор при этом они не произносили имя *бёрю* «волк».

Приведем пример одного из заговоров, где скрывали и не называли волка по его нарицательному имени, давали ему другие имена – *бүд*, *атайтмаз*, *жанлы* «волк, неназываемый, сторонний»:

*Бүд кьойлагъа кирмесин,
Бүд аланы кёрмесин,
Аузун Тейри кьуруштурсун,
Итлерибизге аланы сюрюшдюрсюн.
Кийиз къамичи беригиз,
Тёгерекге айланайым,
Келип, къамичини жерге урайым,
Атайтмазны бери келмезча этейим* [Джуртубаев 2011: 15].

Пусть **волк** на овец не нападет,
Пусть **волк** их не увидит,
Пусть Тейри сведет его челюсти,
Пусть даст нашим собакам прогнать их (волков).
Войлочную плеть дайте (мне),
Округу обойду,
Вернувшись, плетью ударю по земле,
Сделаю так, чтобы **неназываемый** сюда не приходил.

Описывая разные культовые обряды, Л.К. Текеева отмечает, что тема человека-волка изображена в самых разнообразных традициях у многих народов. Этого зверя тюркоязычные народы Северного Кавказа наделяли сверхъестественными возможностями, поэтому считали его священным животным. Автор описывает обряд наделения силой и отвагой ребенка с применением волчьего сердца, или же наказания воров при помощи волчьей жилы. Чтобы уличить вора, сжигали волчью жилу и произносили заговор. В связи с этим в народе по отношению к человеку, которого подозревали в обмане / воровстве, появилась фраза «*Кьолунга бёрю сингир берге эдим*» – «Дал бы тебе в руки волчью жилу», настолько велика была вера в ее магические свойства [Текеева 2012: 38].

По мере эволюции человеческого общества разные верования, затрагивавшие многих представителей животного мира, в том числе и *бёрю* «волка», трансформировались, приспособляясь к условиям существования. Поэтому из мифологических рассказов о культовом животном исследуемый персонаж перешел в животные сказки, потеряв свои тотемные качества и приобретая новые – аллегория, чаще всего с образом человека-притеснителя.

В карачаево-балкарском фольклоре *бёрю* «волк» является одним из главных героев, но при этом в основном он является отрицательным персонажем. Поэтому в животных сказках содержатся оценочные номинации для данного персонажа, обладающие негативной коннотацией: *жыртхыч бёрю* «хищный волк», *акъылсыз бёрю* «безумный / глупый волк» и др.

Интересно и то, что в народном сказочном пространстве встречается только один представитель данного класса животных. Например, если в сказке главным героем выступает волк, то редко встречаются такие варианты, где могут быть другие подобные животные. То же самое можно сказать о медведе и ряде других животных персонажей. Однако в случае с лисой возможны отступления. Так, в сказке «*Бишангысыз юч нёгер*» – «Ненадежные три друга» [КъМФС III 2017: 560–602] в числе одураченных трикстерным героем персонажей наряду с волком оказывается и стая лис, которые лишаются своих хвостов по коварному замыслу своей соплеменницы, желающей избежать заслуженной расплаты.

В системе именовании героев в карачаево-балкарских анималистических сказках как стилевой компонент рассматриваются имена собственные и имена нарицательные, а иногда номинативные различия между ними практически уравниваются. В данных произведениях имя хищника уже не скрывается, поскольку он не носит настолько большой смысловой нагрузки, как в мифологических рассказах. Следовательно, в таких народных произведениях возникает онимизация имен нарицательных. Это проявляется в их написании с заглавной буквы: *Тюлкю* – «Лиса», *Бёрю* – «Волк», *Айыу* – «Медведь», *Теке* – «Козел», *Агъач тауукъ* – «Куропатка» и др.

Например, в сказках «*Айыу, Бёрю, Тюлкю*» – «Медведь, Волк, Лиса» и «*Бёрю бла Агъач тауукъ*» – «Волк и Куропатка» [КъМФ 1987: 322] именование волка и других персонажей происходит с заглавной буквы:

«*Эртте-эртте бир Айыу, бир Бёрю, бир Тюлкю болгъандыла*» [КъМФ 1987: 322]

«Давным-давно жили один Медведь, один Волк, одна Лиса»;

«*Айыуну къарны болгъанды эм уллу. Айыуну тюнге басхандыла да кесгендиле Бёрю да, Тюлкю да*» [КъМФ 1987: 322]

«У медведя оказался самый огромный живот. И Волк, и Лиса подмяли Медведя под себя и зарезали»;

«– *Ой, сен жапысыз! Жанымы алып къойдунг да! Туугъанлы кюрешесе, сени ююннг не бир битмейди, не чирип, бир оюлмайды!* – дегенди Бёрю.

– *Сен а жаратылгъанлы кюрешесе – урлагъанны къоймайса! Не юсюнге эт къонмайды, не къарынынг тоймайды,* – дегенди *Агъач тауукъ*» [КъМФ 1987: 325]

«– Ой, нелепый! Ты чуть душу мою не забрал! С рождения стараешься, твой дом не заканчивает строиться, или не разваливается, сгнив! – сказал Волк.

– А ты с рождения стараешься – не перестаешь воровать! Не поправляешься (досл.: к тебе мясо не пристает) и не наедаешься».

Исследователь И.Е. Пенская делает вывод о том, что точку зрения, соотношением которой между именами нарицательными и именами собственными проходит резкая граница, можно считать неправомерной. Обнаружение функциональных эквивалентов имен собственных подтверждает то, что между ними наличествует промежуточная категория номинативных единиц. Автор отмечает, что в ходе исследования было выявлено: «...явление, ранее не отмечавшееся исследователями – особая номинативная категория лексических единиц, занимающая промежуточное положение между именами собственными и именами нарицательными.

Эти единицы имеют форму имен нарицательных и могли бы, в принципе, использоваться для номинации класса объектов (денотата) или для каждого из нескольких референтов в рамках одного денотата» [Пенская 2008: 9].

Целесообразно отметить и то, что в качестве способов именовании героев в зооморфных сказках встречаются имена нарицательные (*бёрю* – «волк», *жанлы* – «сторонний» и др.):

«Айыу сорду:

– Не болгъанды, **бёрю**, айт хапар.

– Не болуп а: биягъы сюрючюнню сокъур жаны бла бара тургъанымлай, жетгендиле да, ёлтюрюрге аздан къоюн, алай къутулгъанма, – деди» [КъМФС III 2017: 610]

«Медведь спросил:

– Что случилось, **волк**, рассказывай.

– А что могло случиться: когда я проходил опять со слепой стороны пастуха, меня догнали и чуть не убили, еле унес ноги, – рассказал волк»;

«Бир заманда Албёрю уянын къараса, къойла жокъ. **Жанлы** сюрюп кетди деп, ызлары бла тартып талагъа чыкъса, къойла отлай, Тутбёрю да арлакъда таланып, хурттак-хурттак болуп тургъанын кёреди. Сынчыкълап бетине къарайды да: ‘Аха, жат энди, хыйлачыны эки юлюшю башына’, – деп, къойларын да сюрюп, юйюне кетеди» [КъМФС III 2017: 654]

«Вдруг, когда Албёрю проснулся и посмотрел, баранов не было. Подумал, что **сторонние** их погналы, и пошел за ними, поднялся на холм, а там пасутся бараны. Видит, что Тутбёрю лежит чуть дальше от них растерзанный, разорванный в клочья. Доковыляв, посмотрел в лицо: ‘Аха, лежи теперь. Хитрый платит дважды’, – сказал, и, погнав баранов, пошел домой».

В сказочных текстах обилуют производные от этих апеллятивных именований, лексем (*бёрючюк* «волчок», т.е. «маленький волк» и т.п.):

«Къозу къочхарчыкъ, ёхтемленип, тик къаран, суху ён бла:

– Сау бол, къарт **бёрючюк**, – деп жууаплагъанды.

...

– Темир къылычларым!

– Аланы неге жюрютесе?

– Сени кибик аман **бёрючюклени** ёлтюрюрге!» [КъМФС III 2017: 734]

«Барашек, гордо посмотрев сверху вниз, резко грубым голосом ответил:

– Спасибо, старый **волчок**.

...

– Железные мечи.

– Для чего их носишь?

– Чтобы таких плохих **волчков**, как ты, убивать!».

Карачаево-балкарские сказки о животных изобилуют именами нарицательными *бёрю* «волк», *жанлы* «сторонний» с постоянными эпитетами *боз бёрю* «серый волк», *къарт бёрю* «старый волк»:

«Сюрюу иги да узайгъынчы, бир **боз бёрю** къозуларыма чанды» [КъМХЖ I 2012: 557] – «Пока стадо еще недалеко ушло, один серый волк напал на моих ягнят»;

«Ана къой чырпы ичи бла бара, аны аллына кесича бир къарт **жанлы келди**» [КъМХЖ I 2012: 557] – «Когда овцематка шла через кусты, к ней навстречу пришел такой же старый, как и она сама, сторонний».

В зооморфных сказках редко, но встречаются имена собственные («*Къурта*» [КъМХЖ I 2012: 574], «*Чомарт бла Момарт*» [КъМХЖ I 2012: 549]). «Это, безусловно, можно объяснить тем, что человеческие персонажи в сказках о животных являются второстепенными, хотя и могут выполнять функцию трикстера в отдельных сюжетах» [Мариничева 2016: 35].

Приведем пример названия сказочного персонажа волка именем собственным – «*Аппа бла Къурта*» – «Старик и Курта» [КъМХЖ I 2012: 574]:

«Бёрюлени ичинде бир бек хыйлачы, адамлары, итлени да алдап кетиучю бир *Къурта бёрю* болгъанды. Ол бёрю, маллагъа кюндюзгю кюнде окъуна чаба, къойлары,

эчкилени да бууа, Аппаны башын суугъа атарыкъ этген эди. Бир кюн а Аппа: “Къуртаны харам ашагъанын бир къусдурмасам, башыма бёрк киймем”, – деп ант этгенди» [КъМХЖ I 2012: 574–575].

«Среди волков самый хитрый, и людей, и собак, обманув, ухотивший один волк Курта был. Этот волк, напал на скот даже среди бела дня, душил баранов и коз, чем довел Аппу до состояния броситься в омут с головой. Однажды Аппа: «Если я не сделаю так, чтобы Курта отыгнул то запретное, что съел, не носить мне шапку на голове», – сказав, поклялся».

В других обстоятельствах именованья носят нейтральный характер и сходятся с лексическим названием животного персонажа. Различия в именованьях героев выявляются между повествованием и диалогом. Сказки о животных в основном состоят из диалогов между ее главными и второстепенными персонажами, а повествовательная часть занимает незначительный фрагмент всего произведения: одно или два предложения в начале текста. Например:

«Эртте-эртте бир къозулу къой бла бёрю шүёх болгъандыла. Къой отларгъа кетгенде, къозусун бёрюге аманат этип болгъанды. Бир кере къой отларгъа кетгенде, бёрюню эсине аман акъыл келип, къозусун ашаргъа умут этгенди. Бёрю къозуну ашаргъа тебирегенде, хоншусу айтханды:

– Да сен, бёрю, анасы бла шүёх болуп, баласын къалай ашарса? – дегенди.

– Аны, анасы бир кере бир аман къаргъагъан эди да, андан ашайма, – деп, жууап бергенди бёрю» [КъМФС III 2017: 659]

«Давным-давно одна овца с ягненком и волк подружились. Когда овца уходила пастись, ягненка она доверяла волку. Однажды, когда овца ушла пастись, в голову волка пришла хитрая мысль: задумал он съест ягненка. Когда волк собрался съест ягненка:

– Ты, волк, дружишь с его матерью, как ты съешь ее детеныша? – спросил сосед.

– Однажды мать очень сильно его прокляла, поэтому и съем, – сказав, отвел волк».

«Начало диалогов в сказке о животных и есть начало движения сказочного сюжетного развития. Переключение сказочником своей речи на речь персонажей происходит тогда, когда нейтральное именование персонажей изменяется и становится обращением. Сказочное обращение, таким образом, оказывается сильной начальной позицией всего сказочного действия [Мариничева 2012: 109]. Такой эффект Ю.Ю. Мариничева называет *переключением регистра сказочной речи*. Автор считает, что нужно использовать это для того, чтобы оказаться в мире сказки. Для этого нужно изменить голос, а также применить характерные для каждого персонажа обращения. Эти обращения-именования являются завязкой поступков героев и сказочного конфликта.

Из представленных сказок видно, что имена персонажей и их значение особенно сильно актуализируются в диалогах. Здесь же происходят основные действия.

Таким образом, можно сделать, что в повествовательной речи устного народного творчества карачаевцев и балкарцев именование *бёрю* «волка» прослеживается и в мифологических произведениях. Еще со времен, когда волк был культовым животным, его имя табуировали. Именование этого героя является проводником из мифологических рассказов в сказочный мир, где сказители в основном пользуются обычными названиями животных: *бёрю* «волк», *тылюкю* «лиса» и т.д., без какой-либо характеристики и эпитетов. Лишь в одном случае встречается название сказочного персонажа волка именем собственным – *Къурта* – «Курта». Свои имена герои народных произведений получают не в упоминаниях сказителей, а в диалогах или обращениях.

Список источников

- Джуртубаев 1991 – *Джуртубаев М.Ч.* Древние верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 1991. 256 с.
- Джуртубаев 2011 – *Джуртубаев М.Ч.* Мифология и эпос карачаево-балкарского народа: Древние верования балкарцев и карачаевцев. Карачаево-балкарский героический эпос. Нальчик: Эльбрус, 2011. 488 с.
- КъМФ 1987 – Къарачай-малкъар фольклор: нарт таурухла, айтыула, хапарла, джомакъла / джыйгъан, джарашдыргъан, ал сёзюн эмда эсгертиулени джазгъан Ортабайланы Р.А.-К. Черкесск: Ставрополь китаб басманы Къарачай-Черкес бёлюмю, 1987. 344 б. (Карачаево-балкарский фольклор: нартские сказания, легенды, новеллы, сказки / сост., вступ. ст., коммент. Р.А. Ортабаевой. Черкесск: Карач.-Черкес. отд-ние Ставроп. кн. изд-ва, 1987. 344 с.).
- КъМФС III 2017 – Къарачай-малкъар фольклорну своду. 3-чю том. Къарачай-малкъар жомакъ / жуапшы редактор Малкъондуланы Х.Х. Нальчик: РИА КъМИЦ ГИИ-ни редакторлу-басма бёлюмю, 2017. 990 б. (Свод карачаево-балкарского фольклора. Том 3. Карачаево-балкарская сказка / отв. ред. Х.Х. Малкондуев. Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 990 с.).
- КъМХЖ I 2012 – Къарачай-малкъар халкъ жомакъла. Экикитап тобламасы. Биринчи китабы / басмагъа жарашдыргъан Мусукаланы С.А. Нальчик: Эльбрус, 2012. 592 б. (Карачаево-балкарские народные сказки: в 2 кн. Кн. 1 / сост. С.А. Мусукаева. Нальчик: Эльбрус, 2012. 592 с.).
- Мариничева 2012 – Мариничева Ю.Ю. Русские сказки о животных: историография, сюжеты и персонажи: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2012. 206 с.
- Мариничева 2016 – *Мариничева Ю.Ю.* К вопросу об именах собственных в русской сказочной речи // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. № 3. С. 34–40.
- Пенская 2008 – *Пенская И.Е.* Имена собственные в русских народных сказках и способы их передачи на английский язык: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008. 23 с.
- Текеева 2012 – *Текеева Л.К.* Культ волка в традиционных представлениях тюркоязычных народов Северного Кавказа // Вестник пермского университета. 2012. № 3 (20). С. 37–42.

References

- DZHURTUBAEV M.CH. *Drevnie verovaniya balkarcev i karachaevev* [Ancient beliefs of balkarians and karachais]. Nalchik: Elbrus, 1991. 256 p. (In Russian)
- DZHURTUBAEV M.CH. *Mifologiya i epos karachaevo-balkarskogo naroda: Drevnie verovaniya balkarcev i karachaevev. Karachaevo-balkarskij geroicheskij epos* [Mythology and epos of karachay-balkarian people: Ancient beliefs of balkars and karachais. Karachay-balkarian heroic epos]. Nalchik, Elbrus, 2011. 488 p. (In Russian)
- K"arachaj-malk"ar fol'klor: nart tauruhla, ajtyula, haparla, dzhomak"la* [Karachay-balkarian folklore: Nart tales, legends, short stories, fairy-tales] / compilation, introductory article, comments by R.A. Ortabaeva. Cherkessk: Karachay-Cherkessian branch of Stavropol book publishing house, 1987. 344 p. (In Karachay-Balkarian)
- K"arachaj-malk"ar fol'klornu svodu. 3-chyu tom. K"arachaj-malk"ar zhomak"* [The set of karachay-balkarian folklore. Vol. 3. Karachay-balkarian fairy-tale] / Executive editor H.H. Malconduev. Nalchik: Publishing department of IHR KBSC RAS, 2017. 990 p. (In Karachay-Balkarian and in Russian)
- K"arachaj-malk"ar halk" zhomak"la* [Karachay-balkarian folk fairy-tales]: in 2 books. Book 1 / compiled by S.A. Musukaeva. Nalchik: Elbrus, 2012. 592 p. (In Karachay-Balkarian)
- MARINICHEVA YU.YU. *Russkie skazki o zivotnyh: istoriografiya, syuzhety i personazhi* [Russian fairy-tales about animals: historiography, plots and characters]: diss. ... cand. of philol. sciences. St. Petersburg, 2012. 206 p. (In Russian)
- MARINICHEVA YU.YU. *K voprosu ob imenah sobstvennyh v russkoj skazochnoj rechi* [On the issue of proper names in russian fairy-tale speech]. IN: *Vestnik SpbGU* [Bulletin of St. Petersburg State University]. Ser. 9. Philology. Oriental studies. Journalism. 2016. № 3. P. 34–40. (In Russian)

PENSKAYA I.E. *Imena sobstvennye v russkikh narodnyh skazkah i sposoby ih peredachi na anglijskij yazyk* [Proper names in russian folk fairy-tales and methods of their translation into english]: abstract of the diss. ... cand. of philol. sciences. Moscow, 2008. 23 p. (In Russian)

ТЕКЕЕВА Л.К. *Kul't volka v tradicionnyh predstavleniyah tyurkojazychnyh narodov Severnogo Kavkaza* [The cult of the wolf in traditional ideas of the turkic-speaking peoples of the North Caucasus]. IN: *Vestnik permskogo universiteta* [Bulletin of the Perm University]. 2012. № 3 (20). P. 37–42. (In Russian)

Информация об авторе

Л.С. Гергокова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора.

Information about the author

L.S. Gergokova – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Sector of Karachay-Balkarian Folklore.

Статья поступила в редакцию 12.12.2023; одобрена после рецензирования 20.12.2023; принята к публикации 26.12.2023.

The article was submitted 12.12.2023; approved after reviewing 20.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья

УДК 398.21

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-131-139

ЧУДЕСНЫЕ ПРЕДМЕТЫ-ТРАНСФОРМАТОРЫ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

Фаризат Хасановна Гулиева (Занукоева)

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, gfariza37@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8883-4613>

© Ф.Х. Гулиева (Занукоева), 2023

Аннотация. Представленная статья продолжает серию исследований по систематизации и характеристике чудесных предметных реалий, встречающихся в волшебных сказках карачаевцев и балкарцев. Объектом научного интереса в данном случае являются так называемые трансформаторы, т.е. средства, способные изменять внешность сказочных персонажей. Условно в обозначенной категории чудесных предметов можно выделить ряд подгрупп: а) по происхождению – естественные (природные) или искусственные (объекты материальной культуры); б) по характеру воздействия – изменяющие облик (превращающие в животное / птицу и обратно) и изменяющие внешность (преображающие или уродующие; меняющие возраст). Трансформирование внешности или облика под воздействием соответствующих предметных реалий по характеру волеизъявления может быть добровольным (в том числе случайным) или принудительным (по воле другого персонажа), а по сроку действия –ременным (обратимым) или постоянным (необратимым). В рамках одного и того же произведения может использоваться только один изменяющий предмет, либо фиксироваться применение нескольких трансформирующих предметов с разным сроком действия. Отмечается, что в карачаево-балкарских волшебных сказках оборачивающий предмет не всегда выполняет функцию развоплощения: иногда требуется другой предмет или выполнение определенного условия. Данное обстоятельство подтверждает теорию о том, что не всякий предмет любого рода может обладать чудесными свойствами, а только добытый определенным путем / из определенного места / правильно примененный. Выявлено, что проанализированные чудесные средства изменения облика, как и остальные группы волшебных предметов, тесно связаны с древними религиозно-мифологическими представлениями народа (анимизм, тотемизм, фетишизм) и основаны на вере в магию. В заключение делается вывод о том, что дальнейшие систематизация и изучение специфики чудесных предметов не только внесут значительный вклад в исследование поэтики волшебных сказок, но также позволят ввести полученные результаты в широкий научный обиход.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, волшебные сказки, чудесные предметы, трансформаторы, изменение облика, преобразование, перевоплощение

Для цитирования: Гулиева (Занукоева) Ф.Х. Чудесные предметы-трансформаторы в карачаево-балкарских волшебных сказках // Вестник КБИГИ. 2023. № 4 (59). С. 131–139. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-131-139

Original article

WONDERFUL TRANSFORMER OBJECTS IN KARACHAY-BALKARIAN MAGIC FAIRY-TALES

Farizat H. Gulieva (Zanukoeva)

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, gfariza37@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8883-4613>

© F.H. Gulieva (Zanukoeva), 2023

Abstract. The presented article continues a series of studies on the systematization and characterization of wonderful objective realities, found in magic fairy-tales of the karachais and balkarians. The object of scientific interest in this case is the so-called transformers, i.e. means, that can change the appearance of fairy-tale characters. Conventionally, in the designated category of wonderful objects, a number of subgroups can be distinguished: a) by origin – natural or artificial (objects of material culture); b) by the nature of the impact – transforming into animal / bird and back and transforming or disfiguring; changing age. Transformation of appearance under the influence of corresponding objective realities can be voluntary (including accidental) or forced (at the will of another character) by the nature of the expression of will, and by the duration of action – temporary (reversible) or permanent (irreversible). Within the same work, only one transforming item can be used, or the use of several transforming items with different durations can be recorded. It is noted, that in karachay-balkarian magic fairy-tales the wrapping object does not always perform the function of disembodiment: sometimes another object or the fulfillment of a certain condition is required. This circumstance confirms the theory, that not every object of any kind can have wonderful properties, but only those, obtained in a certain way / from a certain place / correctly applied. It was revealed, that the analyzed wonderful means of changing appearance, like other groups of magical objects, are closely related to the ancient religious and mythological ideas of the people (animism, totemism, fetishism) and are based on belief in magic. In the end it is concluded, that further systematization and study of the specifics of wonderful objects will not only make a significant contribution to the study of the poetics of magic fairy-tales, but will also make it possible to introduce the results obtained into broad scientific use.

Keywords: karachay-balkarian folklore, magic fairy-tales, wonderful objects, transformers, change of appearance, transformation, impersonation

For citation: Gulieva (Zanukoeva) F.H. Wonderful transformer objects in karachay-balkarian magic fairy-tales. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 4 (59): 131–139. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-131-139

Сказка, особенно ее волшебная разновидность, всегда привлекала внимание своими красочными образами, занимательными сюжетами, захватывающими приключениями героев, своей фантастичностью и необычностью. Она не раз становилась и объектом пристального научного интереса. В многочисленных трудах отечественных и зарубежных фольклористов (В.Я. Проппа, Е.М. Мелетинского, А.Н. Веселовского, Н.А. Померанцевой, В.П. Аникина, Н.В. Новикова, А. Аарне, С. Томпсона, В. Эберхарда, П. Боратава и др.) затрагивались такие проблемы, как классификация сказок, история сбора, публикации и изучения сказочного эпоса, эволюция сказочного мышления, исследование образно-поэтической системы, композиционной структуры, составление указателей сказочных сюжетов и т.д. Значительное внимание уделялось и элементам, формирующим специфику сказочной поэтики, к которым, несомненно, можно причислить и волшебные предметы.

Несмотря на то, что предметные реалии, обладающие сверхъестественными свойствами, подвергались анализу в русской и ряде других национальных фольклористик [Пропп 2014; Добровольская 2009; Сокаева 2009; Джанибекова 2015;

Денисова 2016; Странадко 2016; Пилия 2020; Алиева, Мухамедова 2022], в трудах карачаево-балкарских ученых они в большинстве случаев лишь упоминались, перечислялись и получали краткую характеристику [Караева 1966: 18; Холаев 1981: 26; Ортабаева 1986: 120; Урусбиева 2001: 47; Хаджиева 2014: 563]. Нами также затрагивалась данная проблема в рамках монографического исследования карачаево-балкарской волшебной сказки [Гулиева 2019: 78–93], однако в этом труде чудесным предметам-трансформаторам, которые являются объектом изучения в представленной статье, не было уделено достаточного внимания.

Таким образом, целью данной работы является выявление, систематизация и характеристика чудесных средств изменения внешности (облика), которые встречаются в волшебных и волшебно-героических сказках карачаевцев и балкарцев.

Отсутствие обобщающих, систематизирующих изысканий в данной области карачаево-балкарской филологии обусловило необходимость обращения при проведении нашего исследования к опыту других отечественных сказковедов.

Так, В.Я. Пропп, отмечая в своей работе «Русская сказка» значительность числа волшебных предметов, в то же время подчеркивал, что «действия их, наоборот, весьма ограничены. Единообразие этих действий скрывается, скрашивается многообразием исполнителей и форм исполнения» [Пропп 2011: 206]. Применим данный тезис к изменяющим облик чудесным предметам карачаево-балкарских волшебных сказок.

Перечень предметных реалий, изменяющих внешность или облик / форму сказочных персонажей, довольно широк. Они могут быть как естественного (природного), так и искусственного (объекты материальной культуры) происхождения. Герой может применять их по собственной воле (добровольная трансформация), сам, не ведая о свойствах предмета (случайное превращение), либо одни персонажи (как главные герои, так и их антагонисты) могут применять их по отношению к другим (принудительная трансформация). В этом случае речь может идти как о наказании / испытании героя, так и о его вознаграждении.

По времени действия эффект может быть временным (обратимое превращение) или постоянным (необратимое превращение).

По форме воздействия можно выделить средства:

- трансформирующие внешность или физиологические качества героя (преображение, уродование, старение / омоложение);
- изменяющие форму существования персонажа (превращение в животное, птицу и т.д.).

Рассмотрим основной круг чудесных предметов-трансформаторов карачаево-балкарских волшебных сказок в этом разрезе.

Е.В. Добровольская в своей монографии «Предметные реалии русской волшебной сказки» в числе средств личной трансформации рассматривает группу объектов, изменяющих физические качества героя (вода, яблоко, молоко, ягоды, лента, булавка, волос, зелье, гусли, сердце чудесной птицы, цветок). Однако при более подробной характеристике выясняется, что часть из них влияет на физиологическое состояние героя (волос, лента, булавка, гусли, зелье усыпляют героев, цветок, наоборот, отгоняет сон), трактуется как средства исцеления (вода может вернуть зрение или отрастить руки или ноги), убийства (кусочек яблока), некоторые выступают в качестве снабжающих средств (сердце чудесной птицы) [Добровольская 2009: 41–42]. Поскольку перечисленные предметы не изменяют внешности героя, а выполняют несколько иные функции, мы не будем их рассматривать в рамках данного исследования, а остановимся на средствах преобразующих, уродующих, состаривающих или омолаживающих.

Нередко в пределах одного произведения мы сталкиваемся одновременно и с преобразующими, и с уродующими средствами. В тех случаях, когда данные изменения связаны с мотивом неудачного подражания и соответствующие

трансформации выступают в качестве вознаграждения за добродетели или наказания за пороки, изображение подобных реалий осуществляется в противоположном ключе. Так, в волшебной сказке «*Ёксюз Фатиматчыкъ*» – «Сиротка Фатимат» [АНТЖЖЭ 1997: 35–37] жившая в земляной норе эмегенша превратила главную героиню в красавицу, одна щека которой сияла как луна, а вторая светила как солнце, умыв ее белой водой, а ее завистливую, ленивую сводную сестру сделала уродиной, у которой одна щека стала собачьей, вторая – обезьяньей. В других текстах на данный мотив обе трансформации могут быть следствием применения одного и того же средства. Так, в произведении «*Мусилия*» [КЪМФ 1987: 92–96] изменяющим внешность предметом является чудесная лопатка великанши.

В волшебной сказке «*Къарауаш къызчыкъ*» – «Девочка-прислужница» [КЪМЖТА II 2003: 19–22] средством, усиливающим красоту героини, предстает плечевой сустав ее умершей матери, которым мачеха была падчерицу в надежде сделать ее уродливой. Интересно отметить, что здесь прослеживается элемент культа предков, которые даже после смерти защищают своих потомков.

Еще одно преобразующее средство мы находим в тексте «*Абдулкерим*» [КЪМЖТА II 2003: 60–67]: главный герой избавляется от уродства, испулавшись в пятницу в молоко черной коровы. В данном случае мы сталкиваемся с тем, что получение нужного эффекта от чудесного средства требует еще и соблюдения конкретного условия. Кроме того, следует отметить, что все описанные выше изменения являются необратимыми.

В сказке «*Жарлы киши*» – «Бедняк» [МХЖ 1992: 40–43] средствами упомянутых выше трансформаций выступают волшебные плоды: когда главный герой съел яблоко, на его голове выросли два дерева, слива удалила деревья, но превратила его в осла, а чтобы вновь стать человеком, потребовалось съесть грушу. Т.е. здесь мы сталкиваемся с тем, что одно и то же средство не всегда может изменить, а затем и вернуть прежний облик персонажу. Чтобы избавиться от приобретенного уродства, герою приходится перенести еще и промежуточное превращение в животное с помощью второго средства, а вернуться в прежнюю ипостась помогает применение третьего средства.

В качестве средств омоложения / старения в волшебной-героической сказке «*Дерт*» – «Месь» [МХЖ 1989: 33–41] используются чудесные мази. Главный герой произведения Баба с их помощью в целях конспирации изменял свой возраст, нанося их на лицо. Здесь также одно средство изменяет внешность, а второе возвращает к исходному состоянию.

Мази, изменяющие внешность, упоминаются и в сказке «Женщина с серыми глазами» [КБФДЗП 1983: 158–162]: колдунья, чтобы выйти замуж за вдовца с тремя дочерьми с помощью волшебных мазей превращает свои черные волосы в рыжие, а глаза становятся серыми.

Вторую группу чудесных трансформаторов составляют предметные реалии, изменяющие форму существования персонажа. Данную функцию могут выполнять платья, различные личины, кожа, кнут, плоды, вода из лужи или водоема и др. По справедливому замечанию Е.В. Добровольской, «Практически все они способствуют принятию человеком и человекоподобным персонажем зооморфного облика» [Добровольская 2009: 41] (человек – животное – человек, человек – животное – птица – человек и т.п.).

В случаях, когда в сказках повествуется о чудесных супругах или помощницах главного героя, нередко говорится о перевоплощении с помощью одежды, в частности платья, надев которое чудесная дева превращается в птицу («Аладин» [БКС 1983: 90–97]; «*Сют кёл*» – «Молочное озеро» [КЪМФС III 2017: 200–209]), орлиной личины («*Жарыкъбий*» – «Жарыкъбий» [КЪМФС III 2017: 159–178]; «*Батыр жаши*» – «Отважный парень» [КЪМЖТА II 2003: 134–150]), шкуры («*Къозучукъ*» –

«Ягненок» [КъМФС III 2017: 402–404]; «Макъа келин» – «Невеста-лягушка» [КъМЖТА I 1999: 252–257]). Здесь мы имеем дело с влиянием древних религиозно-мифологических воззрений (анимизма, тотемизма, фетишизма).

Довольно популярным средством межвидовой трансформации, упоминающимся как в сказках, так и в нартских сказаниях карачаевцев и балкарцев, является чудесная плеть. Чаще всего она принадлежит антагонисту главного героя и с ее помощью его превращают поочередно в разных животных или птиц: серого жеребца, черного жеребца, белую собаку, филина («Магомед Индырбаев» [КБФДЗП 1983: 189–192]); осла, собаку, стрижа («Бедняк и ханская дочь» [БКС 1983: 52–56]); осла, собаку, филина («Бай улу Бат» – «Баев Бат» [КъМФС III 2017: 285]). Средством развоплощения в данном случае также выступает сама плеть, до которой главному герою с большим трудом удается добраться по совету благодарной ведьмы. В конце главный герой превращает своих мучителей в ослов / быка и корову / кабана и свинью. Интересно отметить, что в сказке «Тюш» – «Сон» [МХЖ 1989: 41–54] плеть обладает свойством трансформировать не только живых существ, но и неживые объекты. Так, враждебный главному герою хан с ее помощью превратил свое имущество в деревянный чурбан.

Чудесным средством принудительного перевоплощения в сказке «Невеста-лягушка» [КБНС 1957: 71–74] выступает и черный оселок, полученный героем (младшим сыном хана) от своей умершей бабушки и принесенный им с того света. Будучи переданным отцу с соответствующими словами, он превратил злокозненного хана-отца в черного кабана, а его жену – в полосатую свинью. Как видим, здесь мы также сталкиваемся с культом предков и условием, которое необходимо выполнить, чтобы средство сработало правильно.

Чудесные плоды, как уже упоминалось выше, могут не только изменять внешность, но и перевоплощать в животное и обратно в человека. Так, в сказке «Пасынок» [КБФДЗП 1983: 162–165] персонажи, отдававшие грушу и рожки превращаются в буйвола, а для развоплощения требуется съесть яблоко. В тексте «*Ёксюз жаишчыкъны насыблылыгъы*» – «Удачливость мальчика-сироты» [МХЖ 1963: 108–113] груша превращает отдававшего в облезлого коня. Средством развоплощения также выступает яблоко, но вдобавок к этому ему приписывается свойство придавать красоту съевшему его человеку, т.е. оно выполняет и функцию преобразования.

Перевоплощающим свойством в сказках «Илеука» [МХЖНСЭ 1959: 188–192], «*Къызчыкъ бла къозучукъ*» – «Девочка и ягненок» [МХЖ 1992: 136–141], «Илеука» [БКС 1983: 37–43] наделяется вода из водоема, откуда пил или через которое проходил скот. Брат главной героини превращается в козленка выпив такой воды, развоплощение же происходит, когда умершая, а затем воскресшая сестра рассказывает хану историю своей жизни и в качестве подтверждения своих слов произносит фразу, призывающую чудо свершиться (по типу «Если я говорю правду, пусть ягненок обратится в моего брата»), т.е. здесь для возвращения человеческого облика требуется не применение другого чудесного средства, а выполнение некоего условия, которое не было известно заранее.

Таким образом, проведенное исследование подтвердило, что спектр изменяющих предметных реалий, применяемых в карачаево-балкарских волшебных и волшебнo-героических сказках довольно обширен и может быть систематизирован по ряду критериев (происхождение, форма применения, время действия, характер воздействия). В пределах одного текста могут функционировать один или несколько трансформирующих предметов, при этом оборачивающий предмет не во всех случаях является также и развоплощающим: иногда оказывается необходимым использовать другой предмет или выполнить некое (не всегда известное) условие. Данное обстоятельство подтверждает теорию В.Я. Проппа о том, что не всякий предмет любого рода имеет чудесные свойства, а только добытый определенным путем из определенного места и правильно примененный [Пропп 2014: 166].

Анализ основного круга средств изменения облика выявил, что, как и остальные группы чудесных предметов, они уходят своими корнями в такие древние религиозно-мифологические представления этноса, как анимизм, тотемизм фетишизм, культ предков, а их действие основано на вере в магию.

Все изложенное позволяет констатировать актуальность дальнейшей разработки проблемы систематизации и изучения специфики чудесных предметных реалий, что внесет значительный вклад в исследование поэтических особенностей карачаево-балкарской волшебной сказки и позволит присоединить полученные данные к фонду отечественного и общемирового сказковедения.

Список источников

Алиева, Мухамедова 2022 – *Алиева Ф.А., Мухамедова Ф.Х.* Функции чудесных предметов и явлений в волшебных сказках даргинцев // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 4 (95). С. 267–270. DOI: 10.24412/1991-5497-2022-495-267-270

АНТЖЖЭ 1997 – Алгышыла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле...: къарачай-малкъар фольклор жыйымдыкъ / жарашдыргъанла Биттирланы Т.Ш., Габаланы А.Б. Нальчик: Эльбрус, 1997. 344 б. (Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки...: хрестоматия по карачаево-балкарскому фольклору / сост. Т.Ш. Биттирова, А.Б. Габаева. Нальчик: Эльбрус, 1997. 344 с.).

БКС 1983 – Балкарские и карачаевские сказки / обраб. А. Алиевой, А. Холаева. М.: Дет. лит., 1983. 112 с.

Гулиева 2019 – *Гулиева (Занукова) Ф.Х.* Карачаево-балкарская волшебная сказка. Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. 108 с.

Денисова 2016 – *Денисова И.М.* Мифо-космологические аспекты сказочных предметов // Вестник антропологии. 2016. № 1 (33). С. 58–78.

Джанибекова 2015 – *Джанибекова Д.С.* Предметы-помощники героев сказок казаков-некрасовцев: лингвокультурологический аспект // Заметки ученого. 2015. № 5-1. С. 52–54.

Добровольская 2009 – *Добровольская В.Е.* Предметные реалии русской волшебной сказки. М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2009. 224 с.

Караева 1966 – *Караева А.И.* Очерк истории карачаевской литературы. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1966. 320 с.

КБНС 1957 – Карачаевские и балкарские народные сказки / сост. Х. Лайпанов. Фрунзе: Киргизское гос. изд-во, 1957. 88 с.

КБФДЗП 1983 – Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях / сост., вступ. статья и коммент. А.И. Алиевой; отв. ред. Т.М. Хаджиева. Нальчик: Эльбрус, 1983. 432 с.

КъМЖТА I 1999 – Къарачай-малкъар жомакъла, таурухла, айтыула: экитомлукъ. 2-чи тому / жарашдыргъан Хаджиланы Т.М. Нальчик: Эльбрус, 1999. 472 б. (Карачаево-балкарские сказки, легенды, предания: в 2-х томах. Т. 1 / сост., предисловие Т.М. Хаджиевой. Нальчик: Эльбрус, 1999. 472 с.).

КъМЖТА II 2003 – Къарачай-малкъар жомакъла, таурухла, айтыула: экитомлукъ. 2-чи тому / жарашдыргъан Хаджиланы Т.М. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 472 б. (Карачаево-балкарские сказки, легенды, предания: в 2-х томах. Т. 2 / сост., предисловие Т.М. Хаджиевой. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 472 с.).

КъМФ 1987 – Къарачай-малкъар фольклор: нарт таурухла, айтыула, хапарла, жомакъла / джыйгъан, жарашдыргъан, ал сёзюн эмда эсгертиулени джазгъан Ортабайланы Р.А.-К. Черкесск: Ставрополь китаб басманы Къарачай-Черкес бёлюмю, 1987. 344 б. (Карачаево-балкарский фольклор: нартские сказания, легенды, новеллы, сказки / сост., вступ. ст., коммент. Р.А. Ортабаевой. Черкесск: Карач.-Черкес. отд.-ние Ставроп. кн. изд-ва, 1987. 344 с.).

КъМФС III 2017 – Къарачай-малкъар фольклорну своду. 3-чю том. Къарачай-малкъар жомакъ / жууаплы редактор Малкъондуланы Х.Х. Нальчик: РИА КъМИЦ ГИИ-ни редакторлу-басма бёлюмю, 2017. 990 б. (Свод карачаево-балкарского фольклора. Том 3. Карачаево-балкарская сказка / отв. ред. Х.Х. Малкондуев. Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 990 с.).

МЖНСЭ 1959 – Малкъар жомакъла, нарт сёзле, элберле / жарашдыргъан А.Х. Соттаев. Нальчик: Къабарты-Малкъар китаб басмасы, 1959. 268 б. (Балкарские сказки, пословицы, загадки / сост. А.Х. Соттаев. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1959. 268 с.).

МХЖ 1963 – Малкъар халкъ жомакъла / жарашдыргъан С.А. Отаров. Нальчик: Къабарты-Малкъар китаб басмасы, 1963. 324 б. (Балкарские народные сказки / сост. С.А. Отаров. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1963. 324 с.).

МХЖ 1989 – Малкъар халкъ жомакъла / жыйгъан эм басмагъа жарашдыргъан З.М. Улаков. Нальчик: Эльбрус, 1989. 112 б. (Балкарские народные сказки / сост. З.М. Улаков. Нальчик: Эльбрус, 1989. 112 с.).

МХЖ 1992 – Малкъар халкъ жомакъла / жарашдыргъан Мотталаны С.М. Нальчик: Эльбрус, 1992. 188 б. (Балкарские народные сказки / сост. С.М. Моттаева. Нальчик: Эльбрус, 1992. 188 с.).

Ортабаева 1986 – *Ортабаева Р.А.-К.* Карачаево-балкарская сказочная традиция // Традиции и современность. Метод и жанр. Черкесск: КЧНИИИФЭ, 1986. С. 117–132.

Пилия 2020 – *Пилия М.Ф.* Предметные реалии абхазских волшебных сказок, влияющие на облик персонажей // IV Всероссийский конгресс фольклористов: сб. науч. трудов. В 3-х т. Т. 3. М.: Гос. Росс. Дом народного творчества им. В.Д. Поленова, 2020. С. 165–171. DOI: 10.24411/9999-022A-2020-10316

Пропп 2011 – *Пропп В.Я.* Русская сказка. М.: Лабиринт, 2011. 384 с.

Пропп 2014 – *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки / сост., науч. ред., текстологический комментарий И.В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2014. 332 с.

Сокаева 2009 – *Сокаева Д.В.* Место и роль чудесных объектов в волшебной сказке (на материале сюжетов 530, 530 АТ, СУС) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 4-2. С. 142–148.

Странадко 2016 – *Странадко М.В.* Волшебные предметы помощники героя в структуре волшебной сказки // Актуальные проблемы филологии: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2016 г.). Краснодар: Новация, 2016. С. 41–44. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/177/9576/> (дата обращения: 27.10.2023).

Урусбиева 2001 – *Урусбиева Ф.А.* Избранные труды: очерки, эссе, статьи. Нальчик: Эльбрус, 2001. 176 с.

Хаджиева 2014 – *Хаджиева Т.М.* Фольклор // Карачаевцы. Балкарцы. М.: Наука, 2014. С. 522–584.

Холаев 1981 – *Холаев А.З.* Народное устно-поэтическое творчество // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 13–31.

References

ALIEVA F.A., MUHAMEDOVA F.H. *Funkcii chudesnyh predmetov i yavlenij v volshebnyh skazkah dargincev* [Functions of wonderful objects and phenomena in the fairy-tales of the dargins]. IN: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education]. 2022. № 4 (95). P. 267–270. DOI: 10.24412/1991-5497-2022-495-267-270 (In Russian)

Alg'yshla, nart taurukhla, zhomak'la, zhyrla, elberle... [Wishes, legends about narts, fairy-tales, songs, riddles...]: Readings on karachay-balkarian folklore / collected by T.Sh. Bittirova, A.B. Gabaeva. Nalchik: Elbrus, 1997. 344 p. (In Balkarian)

Balkarskie i karachaevskie skazki [Balkarian and Karachay fairy-tales] / edited by A. Alieva, A. Holaeв. Moscow: Children's literature, 1983. 112 p. (In Russian)

GULIEVA (ZANUKOEVA) F.H. *Karachaev-balkarskaya volshebnyaya skazka* [Karachay-balkarian magic fairy-tale]. Nalchik: Publishing department of IHR KBSC RAS, 2019. 108 p. (In Russian)

DENISOVA I.M. *Mifo-kosmologicheskie aspekty skazochnyh predmetov* [Mythological and cosmological aspects of fairy-tale objects]. IN: *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology]. 2016. № 1 (33). P. 58–78. (In Russian)

DZHANIBEKOVA D.S. *Predmetry-pomoshchniki geroev skazok kazakov-nekrasovcev: lingvokul'turologicheskij aspekt* [Items-assistants of the heroes of fairy-tales of Nekrasov Cossacks: linguoculturological aspect]. IN: *Zametki uchenogo* [Notes of a scientist]. 2015. № 5-1. P. 52–54. (In Russian)

DOBROVOL'SKAYA V.E. *Predmetnye realii russkoj volshebnoj skazki* [Subject realities of the russian magical fairy-tale]. Moscow: State republican center of russian folklore, 2009. 224 p. (In Russian).

- KARAEVA A.I. *Oчерk istorii karachaevskoj literatury* [Essay on the history of karachay literature]. Moscow: Science. Main edition of oriental literature, 1966. 320 p. (In Russian)
- Karachaevskie i balkarskie narodnye skazki* [Karachay and Balkarian folk fairy-tales] / compiled by H. Laipanov. Frunze: Kirgiz state publishing house, 1957. 88 p. (In Russian)
- Karachaevo-balkarskiy fol'klor v dorevoljucionnykh zapisyakh i publikatsiyakh* [Karachay-balkarian folklore in pre-revolutionary records and publications] / compiler, author of introductory article and comments A.I. Alieva; editor-in-chief T.M. Hadzhieva. Nalchik: Elbrus, 1983. 432 p. (In Russian)
- K"arachaj-malk"ar zhomak"la, tauruhla, ajtyula* [Karachay-balkarian fairy-tales, legends, legends]: In 2 volumes. Vol. 1 / compilation, foreword by T.M. Hadzhieva. Nalchik: Elbrus, 1999. 472 p. (In Karachay-Balkarian)
- K"arachaj-malk"ar zhomak"la, tauruhla, ajtyula* [Karachay-balkarian fairy-tales, legends, legends]: In 2 volumes. Vol. 2 / compilation, foreword by T.M. Hadzhieva. Nalchik: El-Fa, 2003. 472 p. (In Karachay-Balkarian)
- K"arachaj-malk"ar fol'klor: nart tauruhla, ajtyula, haparla, dzhomak"la* [Karachay-balkarian folklore: Nart tales, legends, short stories, fairy-tales] / compilation, introductory article, comments by R.A. Ortabaeva. Cherkessk: Karachay-Cherkessian branch of Stavropol book publishing house, 1987. 344 p. (In Karachay-Balkarian)
- K"arachaj-malk"ar fol'klornu svodu. 3-chyu tom. K"arachaj-malk"ar zhomak"* [The set of karachay-balkarian folklore. Vol. 3. Karachay-balkarian fairy-tale] / Executive editor H.H. Malkonduev. Nalchik: Publishing department of IHR KBSC RAS, 2017. 990 p. (In Karachay-Balkarian and in Russian)
- Malk"ar zhomak"la, nart syozle, elberle* [Balkarian fairy-tales, proverbs, riddles] / collected by A.H. Sottaev. Nalchik: Kabardino-Balkarian book publishing house, 1959. 268 p. (In Balkarian)
- Malk"ar halk" zhomak"la* [Balkarian folk fairy-tales] / compiled by S.A. Otarov. Vol. II. Nalchik: Kabardino-Balkarian book publishing house, 1963. 324 p. (In Balkarian)
- Malk"ar halk" zhomak"la* [Balkarian folk fairy-tales] / compiled by Z.M. Ulakov. Nalchik: Elbrus, 1989. 112 p. (In Balkarian)
- Malk"ar halk" zhomak"la* [Balkarian folk fairy-tales] / compiled by S.M. Mottaeva. Nalchik: Elbrus, 1992. 188 p. (In Balkarian)
- ORTABAEVA R.A.-K. *Karachaevo-balkarskaya skazochnaya tradiciya* [Traditions and modernity]. IN: Tradicii i sovremennost'. Metod i zhanr [Traditions and modernity. Method and genre]. Cherkessk: KChSRIHPhE, 1986. P. 117–132. (In Russian)
- PILIYA M.F. *Predmetnye realii abkhazskih volshebnyh skazok, vliyayushchie na oblik personazhej* [Subject realities of abkhaz fairy-tales that influence the appearance of characters]. IN: *IV Vserossijskij kongress fol'kloristov* [IV All-Russian congress of folklorists.]: collection of scientific works. In 3 volumes. Vol. 3. Moscow: State russian house of folk art named after V.D. Polenov, 2020. P. 165–171. DOI: 10.24411/9999-022A-2020-10316 (In Russian)
- PROPP V.YA. *Russkaya skazka* [Russian fairy-tale]. Moscow: Labyrinth, 2011. 384 p. (In Russian)
- PROPP V.YA. *Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [Historical roots of magic fairy-tale] / compilation, scientific editing, textual commentary by I.V. Peshkov. Moscow: Labyrinth, 2014. 332 p. (In Russian)
- SOKAEVA D.V. *Mesto i rol' chudesnyh ob"ektov v volshebnoj skazke (na materiale syuzhetov 530, 530 AT, SUS)* [The place and role of wonderful objects in a fairy-tale (based on plots 530, 530 AT, SUS)]. IN: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka state university for the humanities]. 2009. № 4-2. P. 142–148. (In Russian)
- STRANADKO M.V. *Volshebnye predmety pomoshchniki geroya v strukture volshebnoj skazki* [Magic objects are the hero's assistants in the structure of a fairy-tale]. IN: *Aktual'nye problemy filologii* [Current problems of philology]: materials of the II International scientific conference (Krasnodar, February 2016). Krasnodar: Novation, 2016. P. 41–44. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/177/9576/> (access date: 27.10.2023). (In Russian)
- URUSBIEVA F.A. *Izbrannye trudy: oчерki, esse, stat'i* [Selected works: essays, essays, articles]. Nalchik: Elbrus, 2001. 176 p. (In Russian)
- HADZHIEVA T.M. *Fol'klor* [Folklore]. IN: *Karachaevtsy. Balkartsy* [Karachais. Balkarians]. Moscow: Science, 2014. P. 522–584. (In Russian)
- HOLAEV A.Z. *Narodnoe ustno-poeticheskoe tvorchestvo* [Folk oral-poetic works]. IN: *Oчерki istorii balkarskoy literatury* [Essays on the history of balkarian literature]. Nalchik: Elbrus, 1981. P. 13–31. (In Russian)

Информация об авторе

Ф.Х. Гулиева (Занукоева) – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора.

Information about the author

F.H. Gulieva (Zanukoeva) – Candidate of Science (Philology), Senior researcher of the sector of karachay-balkarian folklore.

Статья поступила в редакцию 02.12.2023; одобрена после рецензирования 18.12.2023; принята к публикации 26.12.2023.

The article was submitted 02.12.2023; approved after reviewing 18.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.

Научная статья

УДК 398.22

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-140-150

СИМВОЛИКА УВЕЧЬЯ В ПОЭТИКЕ АДЫГСКОГО ЭПОСА

Лиана Славовна Хагожеева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, liana1771@mail.ru., <https://orcid.org/0000-0003-1811-5183>

© Л.С. Хагожеева, 2023

Аннотация. В статье анализируется характер отражения символики «увечья» в поэтике историко-героического эпоса. Доказывается, что данный символ содержит глубокие мифологические корни, соотносится с аналогичными воззрениями во многих культурных традициях и имеет отчетливое отражение в фольклоре адыгов.

Результатом проделанной работы является вывод о том, что указание на увечье бедер, коленей, предплечья, а также хромоту героя используется в повествовании как средство художественной выразительности и оказывается одним из способов выражения нравственного этнического сознания. Отражение символической семантики данных элементов в фольклорных образах приводит к реализации главной цели народного эпоса – выделению и возвышению образа главного героя. Выявление характера объективации данного символа в историко-героическом эпосе – цель нашей работы. Для ее достижения были поставлены следующие задачи: проанализировать тексты историко-героического эпоса; изучить символику «увечья» в его эстетическом плане; проследить специфику репрезентации сакральной основы данного художественного элемента.

Анализ символа «увечья» может дополнить состав знаковой системы. Кроме того, рассмотрение художественных средств и приемов в соотношении с их мифопоэтической основой и системой этических норм и установок, существовавшей в традиционном адыгском обществе, является актуальным для комплексного изучения фольклора. В этом заключается новизна данного исследования.

Работа проводится с использованием историко-сравнительного, структурально-го и культурологического методов.

Теоретической базой послужили разработки отечественных и зарубежных исследователей, в их числе специалистов в области кавказоведения.

Практическая значимость работы состоит в том, что его результаты могут быть полезны для специалистов в области фольклористики, а также для круга читателей, интересующихся народной традиционной культурой.

Ключевые слова: мифологические представления, народный эпос, художественная система, символ, знаки, увечье, бедро, колени, предплечье, хромота

Для цитирования: Хагожеева Л.С. Символика увечья в поэтике адыгского эпоса // Вестник КБИГИ. 2023. № 4 (59). С. 140–150. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-140-150

Original article

SYMBOLISM OF MUTILATION IN THE POETICS OF THE ADYGHE EPIC

Liana S. Khagozheeva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific

Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, liana1771@mail.ru.,
https://orcid.org/0000-0003-1811-5183

© L.S. Khagozheeva, 2023

Abstract. The article analyzes the nature of the reflection of the symbolism of “mutilation” in the poetics of the historical-heroic epic. It is proven that this symbol contains deep mythological roots, correlates with similar views in many cultural traditions and is clearly reflected in the folklore of the Circassians.

The result of the work done is the conclusion that the mutilation of the hips, knees, forearms, as well as the lameness of the hero appear in the narrative as a means of artistic expression and turn out to be one of the ways of expressing moral ethnic consciousness. The reflection of the symbolic semantics of these elements in folklore images leads to the realization of the main goal of the folk epic – highlighting and elevating the image of the main character. Identifying the nature of the manifestation of this symbol in the historical-heroic epic is the goal of our work. To achieve the goal, the following tasks were set: analyze the texts of the historical-heroic epic; study the symbolism of “mutilation” in its aesthetic sense; to trace the specifics of the representation of the sacred basis of this artistic element.

Analysis of the “mutilation” symbol can complement the composition of the sign system. In addition, consideration of artistic means and techniques in relation to their mythopoetic basis and the system of ethical norms and attitudes that existed in traditional Adyghe society is relevant for a comprehensive study of folklore. This is the novelty of this study.

The work is carried out using structural-comparative and cultural methods.

The theoretical basis were inspired by the developments of domestic and foreign researchers, including specialists in the field of Caucasian studies.

The practical significance of the work lies in the fact that its results can be useful for specialists in the field of folklore, as well as for readers interested in folk traditional culture.

Keywords: mythological representations, folk epic, artistic system, symbol, signs, injury, hip, knees, forearm, lameness

For citation: Khagozheeva L.S. Symbolism of mutilation in the poetics of the Adyghe epic. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 4 (59): 140–150. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-140-150

В символической системе адыгского эпоса важное место занимает такой художественный элемент как «увечье». Заметим, что данный компонент близок к известному мотиву «уязвимого места на неуязвимом теле» и мотиву «отсеченных ног». В свою очередь, как было отмечено ранее В.Я. Проппом, Б.Д. Фрейзером, А.Т. Шортановым, А.И. Алиевой, А.М. Гутовым и др., позже И.А. Ципиновым, уязвимость исходит из мифологического представления о том, что вместилищем души человека являются разные части его тела или тела животных, а также различные предметы [Ципинов 2012: 191]. В системе адыгских мифопоэтических воззрений эти мотивы лежат в сфере восприятия, предшествующего эпической традиции. Примеров их проявления в адыгском мифологии и фольклоре достаточно много и они были разработаны ранее многими исследователями. Из них опорой в нашей работе послужили анализы А.С. Куека [Куек 2020], З.Ж. Кудаевой [Кудаева 1986], И.А. Ципинова [Ципинов 2012], и др. Для полного освещения заявленной темы, нам придется в некоторых аспектах повторять некоторые их суждения. В своих трудах ученые находят объективацию мотивов в мифологических представлениях, связанных с Созерешем, в образах Тлепша, Сосруко, Андемиркана и т.д. Исследователи находят аналоги в других культурных традициях в образах Гефеста, Ахиллеса, Зигфрида, и т.д. Сравнительный анализ позволил выявить мифологические истоки мотива и проследить его эволюцию. Нельзя не согласиться с мнением З.Ж. Кудаевой, что символика «отсеченных ног» в адыгском мифо-эпическом и мифо-ритуальном комплексе является семантическим знаком отнесенности к «нижнему» миру [Кудаева 1986: 13]. А принадлежность к хтоническому миру,

как известно, служит очевидным указанием на исключительную и божественную природу героя. Исходя из этого, уязвимое место Сосруко (по одним вариантам бедра героя, по другим оба колена, иногда левое колено, или правая нога), хромота Тлепша на обе ноги, «отсечение ног» этих героев; представление о Созереше, божестве с отсеченной ногой – есть ничто иное, как художественный прием повествования, имеющий выраженную знаковую сущность. Однако в результате эволюции словесного творчества названные мотивы переходят из категории сугубо мифологических нарративов в разряд фольклорного художественного повествования. Они продолжают продуцировать в историческом эпосе как эстетическая основа символа «увечья». Свойства приемов «уязвимости» героя и «отсечения ног» в адыгской мифоэпической традиции, а также знаковость «увечья» в адыгском историко-героическом эпосе позволяют рассматривать их как элементы единой знаковой системы мировосприятия, имеющие общие мифологические корни. Вероятнее всего, истоки надо искать в культуре одноногих и однуруких сверхъестественных существ. Обратившись к анализу исследователей, которых интересовало происхождение одноногих мифических образов, мы видим, что названный художественный элемент – это результат антропоморфизации змеи как существа мифологического, и он является поздним переосмыслением змеиного хвоста. Связь одноногости (хромоногости) и змеи выявляется в древних образах, имеющих змеиное происхождение. Согласно традиционному бытующим убеждениям, к ранним признакам этих существ, следует отнести его перевоплощение в змею или наличие у него змеиного хвоста. При дальнейшем развитии змеиный хвост приобретает новые фантастические признаки. По К.Д. Лаушкину она выходит в следующую схему:

1. змея (первобытная стадия);
2. человекоподобное существо со змеиным хвостом (стадия Эрихтония);
3. одноногое божество;
4. хромоногое божество (стадия Гефеста);
5. божество, имеющее недостаток в ноге (стадия Эдипа);
6. божество вполне «очеловеченное», на былую хромоту которого намекает только миф или ритуал (стадия Зевса) [Лаушкин 1970: 183].

Последние признаки оказались более стойкими, и стали развиваться в жанрах народного творчества. Таким образом, соглашаясь с мнением предшественников, есть основания признать, что линия развития образа змеи переходит в символический элемент «увечья», который мы рассматриваем в историко-героическом эпосе. Согласно такому предположению, увечье бедер, коленей, предплечья, а также хромота героя выступают как художественное средство. При этом ключевым в строении образа может стать не сам факт увечья, но и превосходящие свойства данного объекта, или же акцентное указание на него. В связи со спецификой жанра, данный признак, отражая внутреннюю природу, выделяет сильного героя и возвышает его. В фольклоре песни максимально нагружены эмоционально-экспрессивными средствами. Исходя из этого, в поэтическом тексте свойства данной символики более ярко выражены, чем в прозаическом повествовании. Наблюдения и выводы вышеназванных фольклористов-адыгovedов опираются в основном на материалы мифологических нарративов и нартского эпоса. Мы сделали попытку дополнить их наблюдения раскрыв характер отражения символики в историко-героическом эпосе. В этом и заключается актуальность и новизна данной работы.

При первом же знакомстве с фактическими материалами обращает на себя внимание преобладание в поэтическом тексте исторического эпоса образов раненных бедер. Использование такого символического аспекта неслучайно. Ведь в знаковой системе бедро используется как символ фаллоса, откуда прослеживается связь с созидательной силой и воспроизведением [Клопер 1995: 25]. В древние времена подносимое в качестве жертвоприношения бедро быка служило знаком

для обозначения человеческой руки, и было символом силы. Об одном месте в потустороннем мире говорится: «Семь локтей длины бедра духовной сущности, которую здесь видят». Наряду с голенью бедро также является мифическим органом для родов. Так бог Херпи происходит из бедра своей матери Нут. Отец вина и пьянства Бахус, доносил сына, вложив его в свое бедро после смерти жены. Из бедра Зевса появился Дионис [Мифы... I 1980: Мифы... II 1982]. Позже бедро стало часто упоминаться и в Библии. Например, «Препояшь Себя по бедру мечом Твоим» (Пс. 44: 2–4); «и будет препоясанием бедер Его – Истина» (Ис. 11:5). Исходя из этого, можно полагать, что бедро выступает обозначением самого обладателя, становится его продолжением и показателем его силы. Таким образом, выделение в поэтическом тексте данного элемента должно послужить указанием его жизненной силы, а его увечье соотносится с отнятием жизни. В связи с этим в песнях историко-героического эпоса увечье бедра имеет столь очевидное многообразие в разработке. Особенно широкий семантический спектр он приобретает в ряде песен о героях, получивших рану в боевом сражении.

Так рана на бедре героя песни стала символом его смерти. Каширгов Алихан, заступаясь за своего отца, ударил уорка, чем оскорбил его дворянскую честь. За это его сын нанес обидчику смертельную рану. Так как бедра являются обозначением второго «я», соперник выстрелил именно в бедра героя:

*Си шхужьыщхьитри (уой) шэ пцтырым есыр,
Уо зэрагьэпцэжурэ си лыр зыгьэгъу (жи) –*

Мои бедра (уой) пуля горячая пронзила,
Уо, [мое тело] пока выправляли, кровь моя засохла (жи)
[НПИНА III-2 1990: 453, 455].

Смерть другого героя песни Ханахокова Махамата передается прямым указанием на увечье его бедер:

*Ипсэ пшъэхьорзэпэут,
ЫкопкьытIур зэпаут. –*

Его жизни ток прерывается,
Его оба бедра перебивают [АПВКВ 2014: 399, 400].

Кроме того, данная символика может стать указанием на мужественное сражение до конца, до самой смерти:

*Утыкум ныщизэрыхьым
Хьэжь хабзэу нызэбгыреху,
И куэпкьыщхьэр кьрегьэкьутэ... –*

Когда оказался в кругу среди них
Как волков <стаю, он их> разогнал,
И бедра свои <позволил> раздробить... [АПВКВ 2014: 457–458, 459].

В следующей песне указанием на жестокое сражение и его многочисленные жертвы становится увечье бедер его участников:

*Пщакъэ щхьэдэхьыжыпIэм
НэзэщIэпыджэр шагьэш,
Льэгуанжэр кьрегьэкьутэр –*

На Пшако (горный хребет близ г. Ставрополя) перевале
Рубка жестокая идет,
<В этой рубке> бедро раздробляют [АПВКВ 2014: 488, 489].

Поскольку колени являются знаковым вариантом бедер, в данном тексте дается смысловой перевод слова *лъэгуанжэ* (колени), так как здесь он был более уместным по значению.

Неизмеримые бедствия и многочисленные жертвы также могут быть обозначены в образе потока крови достающей до бедер:

*ДыгъэмкIэ дыхудэплъейм
МелэIычхэр къыттофэразэ,
ЩыльгэмкIэ дыкъеплъыхыжым
Лъыпсей гуцэр лъэкIэбдзым къос. –*

На солнце, вверх, поглядим –
Ангелы над нами кружатся,
На землю, вниз, поглядим –
Кровь, <поднимаясь>, до бедер достает [АПВКВ 2014: 416, 418].

В особую группу правомерно отнести женские образы, объективирующие данную символику в значении отражения глубины происходящей трагедии или негодования по погибшим героям. Одним из таких примеров может стать образ Зейнаб, которая в своем горе растерзала свои бедра:

*...Ар зэхэзыхым я гур къреч,
Зейнэб и куафэр къричыжащ. –*

...У тех, кто это слышит – сердце разрывается,
Зейнаб себе бедра растерзала [АПВКВ 2014: 492, 493].

Однако стоит заметить, что главной семантической основой «увечья» стоит считать репрезентацию доблестной природы воина. Вполне объяснимо, что эта символика с художественным выражением мужества и героизма широко развита в песне исторического эпоса. В плаче о Щеретлуковых указанием на мужественность становится образ окровавленных бедер героя Мхамата:

*Шьо шуцIэу къэптаны шуцIэ гуцэр
Копкы кIэгъым къыщыогъэшъуи. –*

Из кожи черной кафтан черный (гуца)
На твоём бедре [кровью] пропитался [АПВКВ 2014: 285, 288].

В другой песне Лох из рода Деровых, был ранен в плечо. Операцию без обезболивающих средств он переносит стойко, но умирает после операции. В поэтическом тексте это отражается в строках: (*Уар*) и *блыпкъыщхъэми шэр къыщыхахкIэрэ, сэмыркъом и чэфри къытхухыумынэт* – (*Уар*) из плеча пулю, когда вынимали, он шутить и веселиться не переставал [НПИНА III-2 1990: 112, 113]. Таким образом, данное обстоятельство стало обозначением стоицизма и мужественности. Ну а пуля, пущенная в бедро героя в начале повествования, стала средством выделения героя среди остальных: (*А*) *жэщыбгмэ къэуа шэ закъуэри, (уей) куэпкъыщхъэмэ къыщызэпхедэт* – (*А*) в полночь пущенная пуля одинокая, (*уей*) бедренную кость пробивает [НПИНА III-2 1990: 112]. Заметим, что символика одинокой пули

усиливает эмоциональное напряжение и проявляется знаковым предвестником грядущей трагедии.

Символ «увечья» бедра с семантическим контекстом мужества может стать определяющей чертой образа героя, а также основой его превосходства над остальными. При этом акцентной стороной может стать не само увечье, но и знаковая характеристика самого объекта. Так, внесение данного элемента в повествование становится ключевым в отражении доблести его обладателя:

*(Уэр) си цей джэхужь гуцэри кIэбдзауэт,
(Уэр) Жаниболэт гуцэр мэуэхъур. –*

(Уар) моей черкески серой, старой, о горе, полы по бедрам бьют,
(Уар) Жаниболат, о горе, без пощады бьет [НПИНА III-2 1990: 16, 17].

В другой песне возвышение образа воина происходит также введением данного приема:

*Дзэху-дзатIэу си куафэишхуитIым
Шэ уэфхэр нытызогъахэ... –*

Словно оловом покрытые мои большие бедра
Пули градом осыпают... [АПВКВ 2014: 461, 463].

В песне о битве в долине устья Шахе, благородный образ молодых дворянок, постигнувших бесчестье, в ряду других художественных средств выделяется посредством акцента на возвышенные характеристики атрибутов на их плечах:

*А, дэхэнэпэфыхэр кьегьэкIы,
АплIэу гуцэхэри, о, тыжыным кьеуфэ... –*

А, красавиц белолицых <оттуда> выводят,
Их плечи [закорки], гуша, от серебра сгибаются...
[АПВКВ 2014: 365, 368].

Кроме того, знаковость «увечья» может быть свойством и коня воина. В этом случае она оценивается, как достоинство самого героя и призвана стать базой, акцентирующей его исключительность. Таким образом, объективация данной символики в образе коня героя становится в повествовании исторического эпоса средством идеализации.

*Уи шы кьарэжьыр хуэльэпцт,
И лъэгуажьэпцэм кьыщецтэ... –*

Твой конь черный могуч,
Бедрами выше колена берет... [АПВКВ 2014: 514, 515]

*(А-рай) бэлэтокъуэ гуцэурэ (ра) бэлэто (уо)
къуатхъуэ гуцэти (уае-рэией) –
Шы тхъуэжьсый гуцэри (уей, маржэ, ар) лъэгуажьэ фIыцIи. –*

(А-рай) балатоко (т.е. конь балатоковской породы верховых лошадей),
балатоко чалый (гуша, уае-раией) –
Это конь чалый (гуша, уей, маржа, ар) с коленями черными
[НПИНА III-2 1990: 209, 210].

Таким образом, мужество и силу может символизировать и увечье на предплечье героя, которое, судя по всему, является отголоском архаического мотива уязвимости лопатки. Так, например, у Зигфрида, героя германского эпоса, на теле уязвимое место – одна точка между его лопатками, где во время купания в крови дракона, которого он победил в схватке, прилип липовый лист. Впоследствии тело героя стало абсолютно неуязвимым, кроме того места, куда кровь не достала. Бытование в адыгской народной культуре подобных представлений подтверждается популярностью магических гаданий на бараньей лопатке [Мижгаев... 2012: 108].

Можно предположить, что, символизм лопатки соотносится с культом об одноруких божествах у многих народов. Например, в германо-скандинавском пантеоне Тюр – однорукий бог воинской доблести, мужества и отваги. Образное воплощение лопатки также указывает на эти атрибуты. Реализация таких древних мотивов в образах героического эпоса тоже является интерпретацией названных характеристик. Только здесь она проявляется в акте увечья предплечья:

Блыпкытлуэ илэр фочышэкІэ парегъэуд... –

Оба предплечья свои ружейными пулями дает перебить...
[АПВКВ 2014: 109].

Бесспорным указанием мужества и героизма служит ранение бедра или же предплечья, полученное в боевом сражении:

*Чъыр щабэхэр зыкопкъым хэльэу
УлагъэкІэ кьинэр зэльэгъор, –
ЦундэкъокІэ нІэшъхъагъынчъэжъ. –*

Со множеством стальных пуль в бедре
Ранение тяжелое кто испытывает, –
<Это> Чундоков неженатый [АПВКВ 2014: 354–355, 357].
Ой, сломал ты в бою предплечье... [АПВКВ 2014: 176].

Кроме того, в знаковый ряд, обозначающий превосходство и мужество героя, без всякого сомнения, правомерно отнести и указание на хромоту героя. Данный феномен, несомненно, является признаком его особенности. Ведь, как уже известно, это хромота сближает образы адыгских воинов с образами одноногих мифических богов. Из них, обратимся к образу хромононогого бога ветра Хуракан, чье имя означает «одноногий». Внешние характеристики бога ветра можно соотнести с адыгским Созареш, который мог ходить по волнам и которому подчинялись ветры и воды. Следовательно, он может выполнять функции бога ветра. Интересно то, что его образ в народном представлении был тоже связан с хромотой. Данный дефект мы наблюдаем и у Зевса. Как было отмечено К.Д. Лаушкиным. Зевс не считался хромоногим, но так как он имел свойство обращаться в змея, исследователь начал искать миф, связанный с увечьем его ног. Поиски привели его к эпизоду, где древнегреческий бог в борьбе с Тифоном, стал хромоногим. Тифон вырезал у него жилы на ногах, а Гермес и Эгипан похитили жилы у Тифона и снова вставили их Зевсу [Лаушкин 1970: 184]. Таким образом, змеиные свойства Зевса, а также его временная хромоногость, дают основание отнести его к богам с увечьем ног. Аналогичные представления о природе божества грома и молнии наблюдается и у адыгов. А.Т. Шортанов пишет, что у народа не было представления об облике Шибле. Однако соглашаясь с мнением П.У. Аутлева, одной из версий о происхождении бога, считает, что он когда-то представлялся адыгами в образе змеи, перенесенной с земли на небо [Шортанов 1982: 65]. Вместе с тем, Шибле, как и Зевс не считался хромоногим.

Теперь, обратимся к гипотезе о возникновении образа хромоногости. Существует мнение, что хромота является олицетворением огня, который рождается слабой искрой [Любкер 1885], а зигзаги молнии сравнивались с торопливым бегом хромого [Schurtz 1900]. Согласно мифологии многих народов, молнию отождествляли с небесным огненным конем, на котором ездит бог-громовик. На основе таких представлений адыги считали, что Шибле ездит по небу на вороном жеребце, раскаты грома происходят от ударов его копыт, а молния высекается этими ударами [Шортанов 1982: 62]. Согласно этому, А.Т. Шортанов делает вывод, что первоначально Шибле воспринимался адыгами как божество молнии – огня... А непосредственная связь Шибле с испрашиванием дождя ... – есть последующий этап развития небесного огненного бога и бога, ниспосылающего небесную благодать – дождь [Шортанов 1982: 65]. А.Т. Шортанова в этом поддерживают М.И. Мижаев и М.М. Паштова, которые допускают, что этимология слова *щыблэ* означает (*мафIэр кызытихыу узгум щыблэ*) огненное сверкание в небе [Мижаев...2012: 364].

Если свести все в одну картину, появляется надежда, что Шибле имел какую-то связь с хромоногостью. Возможно даже, что некогда адыги имели образ хромоногого Шибле, который с течением времени был утрачен. Если данный признак в мифологии принадлежит божествам, генеалогическая линия в адыгской культуре выделяет образы эпических героев Тлепша и Сосруко, а также образ героя младшего эпоса Андемиркана, у которого в одном из вариантов сказаний подрезаны сухожилия на правой ноге. Здесь налицо, что хромота есть определяющая черта персонажа, художественная основа его превосходящей природы. К тому же, это еще и признак эволюции мотива от мифологического представления до уровня художественного приема. Так, герой, противопоставляющийся в песне изменнику, описан как хромой на одну ногу:

*И льякьуэ лъэныкьуэр кыщIесэ,
Инэралым зыпэщIесэж. –*

На одну ногу он хромает,
Против генерала выступать смеет [АПВКВ 2014: 125, 126].

Помимо поэтического повествования, в текстах преданий историко-героического эпоса, отчетливо просматривается художественная форма знаковой символики «увечья». Аналогичные признаки мы находим в сказании «*Лыхъуцэжэ и кьуэ Шауэрэ Къанжэ и кьуэ Шауейрэ*» – «Шао, сын Тлихуцажа и Шауей, сын Канжа» [Нарты 2020: 339–348]. Сюжет сказания строится на том, что к красавице Биче одновременно сватаются два богатыря. Став соперниками, они отправляются в наезд за славой, чтобы завоевать сердце девушки. После прохождения женихами всех испытаний оказывается, что неизвестный скромный наездник Шао оказывается мужественнее и достойнее второго, тем самым он заслуживает предпочтение красавицы. Когда дело подошло к празднованию, и начались танцы, Биче заметила, что подол ее платья цепляется за то, что торчало из мышцы голени героя. Оказалось, что Шао, не придавая никакого значения своей ране, танцевал удж, стоически перенося боль на раненных ногах.

Неожиданный поворот событий, в котором проявляется стойкость духа героя, усиливает эстетическое восприятие повествования. Здесь налицо объективация символа в образе эпического героя.

В одном из преданий о братьях Ешаноко, славный воин по имени Жанакет, клятвой дружбы породнился с братьями. Наездники стали гостями одного селения неподалеку от них, и обманувшись их льстивым гостеприимством, сняли с себя все оружие. В это время те похитили все доспехи и окружили дом, в котором

находились герои. В неравном сражении два Ешаноко были убиты. У Жанакета бедра были раздроблены, но и без ног он ловил руками подвернувшихся и душил, рвал на части, пока его тоже не убили [ФАИГИКБНЦРАН. Кол. 663-ф/28, кас. 528].

Отметим, что в данном варианте предания исполнитель делал упор на превосходство Жанакета над братьями Ешаноко, хотя те тоже не были лишены мужества. В таком случае не удивительно, что рассматриваемое средство приписывается именно Жанакету. Благодаря такому приему образ героя рельефно был выделен в предании. Задача исполнителя, усилить акцент превосходящего мужества и достоинства Жанакета, был решен таким образом.

Сила духа и мужественная стойкость другого эпического героя, сына прославленного наездника Кание, просматривается в сцене их знакомства. В сюжетной линии предания она наполнена максимальным эмоциональным напряжением. Так как герой был отдан на воспитание, отец с сыном еще никогда не виделись. Лишь после того, как Кербеч получил смертельную рану и люди потеряли надежду что он поправится, они решили устроить эту встречу. Кербеч в раннем возрасте начал совершать набеги в одиночку. В последнем наезде, он возвращался домой, и по обычаю, по пути зашел в одно ногайское селение и согнал скот, и когда он уже переходил реку через лежащий мост, он получил первый выстрел в сосок и ему отстрелили сосок. Второй выстрел попал в верхнюю часть его бедра и выбил из седла, и он слег в постель. В тот момент, когда Кание приехал и уже заходил к сыну, Кербеч резко встал, схватившись за полотенце, которое весело над ним. Он не хотел, чтобы отец увидел его лежащим и немощным. Время, когда тот дверь открывал и заходил, и когда другой вставал, совпало, нога его отвалилась, и Кербеч упал на кровать. Отец, восхитившись стоицизмом и неугомонным характером сына, подошел, и помог ему ложиться, поднял отвалившуюся ногу и положил под кровать [ФАИГИКБНЦРАН. Кол. 722-ф/28, кас. 28]. Таким образом, обнаруживается очевидное включение свойств символики «увечья», которое служит средством идеализации героя.

Достоин внимания и образ стрелка, старика-ногайца – единственного во всем селении, решившегося расправиться с Кербечем. Как указано в повествовании, этот старик был редкостным метким стрелком, что даже, летящую птицу не пропускал. И что самое интересное, у него не было обоих бедер. Получается, признаки рассматриваемой символики свойственны и противнику главного героя. Очевидно, что это художественный прием, усиливающий его деяние с указанием, что одолеть героя способен только особенный человек.

В свете вышеизложенного правомерно сделать следующие выводы:

– В адыгских культурных воззрениях мотив «уязвимости» героя, а также символы «отсечения ног» и «увечья» стоит считать элементами единой знаковой системы.

– Они лежат в сфере восприятия, предшествующего эпической традиции и соотносятся с аналогичными воззрениями в культурных традициях многих народов. Речь идет, в частности, об одноногих и однуруких мифических божествах, признаки одной руки или одной ноги и хромоты которых являлись амбивалентным символом божественной сущности и связанности с иным миром.

– Настойчиво повторяющийся в эпическом повествовании адыгов символ «увечья», является поздним переосмыслением подобных мифологических представлений, и выступает как средство художественной выразительности. Таким образом, символ эволюционирует от мифологического верования в средство фольклорного выделения.

– Семантическое проявление данного символа разнообразно, и подчиняется специфическим свойствам изучаемого жанра. Так как главная задача историко-героического эпоса – выделение и возвышение образа героя, роль данного символа состоит в подчеркивании мужества и силы воина. Ни одна война не обходится без жертв и трагедии. В связи с этим, героическому эпосу свойственно отражение

глубины переживания и негодования по погибшим героям. Поэтому символ «увечья», помимо мужества объективирует и смерть.

– Рассматриваемый признак может быть свойством и коня героя, или же его противника. И в этом случае данный прием оказывается средством идеализации самого героя.

– Помимо этого, знаковое содержание имеет не только факт увечья, но и акцентное указание на сам объект или его высокие качественные характеристики.

Список источников

АПВКВ 2014 – Адыгские песни времен кавказской войны. Изд. второе дополненное / под общ. ред. В.Х. Кажарова. – Нальчик: «Печатный двор», 2014. 656 с.

Кудаева 1986 – *Кудаева З.Ж.* Паремнологические жанры адыгского фольклора. Автореферат диссертации кандидата филологических наук / Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. М., 1986. 21 с.

Кук 2020 – *Кук А.С.* Мифоэпические мотивы и образы адыгского (черкесского) нартского эпоса. Автореферат диссертации доктора филологических наук / ФГБОУ ВО Адыгейский государственный университет. Майкоп, 2020. 56 с.

Купер 1995 – *Купер Дж.* Энциклопедия символов. Серия «Символы». Книга IV. Москва: Ассоциация Духовного Единения «Золотой Век», 1995. 398 с. URL: <https://djvu.online/file/jJ1oOvWuMEbd> (дата обращения: 01.12.2023).

Лаушкин 1970 – *Лаушкин К.Д.* Баба-Яга и одноногие Боги. (К вопросу о происхождении образа) // Фольклор и этнография. Ленинград: Наука, 1970. С. 181–186. https://history.eso/laushkin_baba_yaga_i_odnogie_bogi/ (дата обращения: 30.11.2023).

Любкер 1885 – *Любкер Ф.* Реальный словарь классических древностей / перев. и ред. членов общества классической филологии и педагогики Ф Гельбке, Л. Георгиевского, и др. Спб.: издание общества классической филологии и педагогики, 1885. 1212 с. https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_00359938?page=2&rotate=0&theme=white (дата обращения: 01.12.2023).

Мижаяев, Паштова 2012 – *Мижаяев М.И., Паштова М.М.* Энциклопедия черкесской мифологии. Майкоп: «ИП Паштов З.В.», 2012. 460 с.

Мифы... 1980, 1982 – Мифы народов мира. Энциклопедия: в двух томах / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, Т. 1: 1980. 671 с.; Т. 2: 1982. 719 с.

Нарты IV 2020 – Нарты. Адыгский эпос. Т. 4. Разрозненные сказания / сост., перев., коммент. М.Ф. Бухурова, А.М. Гутова и др. Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2020. 420 с.

НПИНА III-2 1990 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. В 4-х томах / сост. В.Х. Барагунов, З.П. Кардангушев; под ред. Е.В. Гиппиуса. Т. III. Ч. 2. М.: Сов. композитор, 1990. 485 с.

ФАИГИКБНЦРАН – Фоноархив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

Ципинов 2012 – *Ципинов И.А.* Феномен уязвимости как элемент образостроения персонажей мифо-эпической традиции адыгов // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. № 1 (45). 2012. С. 191–196.

Шортанов 1982 – *Шортанов А.Т.* Адыгская мифология / под ред. А.И. Алиевой. Нальчик: Эльбрус, 1982. 194 с.

Schurtz 1900 – *Schurtz H.* Urgeschichte der Kultur. Leipzig und Wien. Bibliographisches Institut. 1900. 658 p. https://archive.org/details/bub_gb_YNpfAAAAIAAJ/page/n10/mode/1up (дата обращения: 01.12.2023).

References

Adygskie pesni vremen kavkazskoj vojny [Adyghe songs of the times of the Caucasian war]. Ed. second augmented. Under total. ed. V.Kh. Kazharova. Nalchik: «Printing House», 2014. 656 p. (In Adyghe and in Russian).

KUDAIEVA Z.Zh. *Paremiologicheskie zhanry adygsckogo fol'klora. Avtoreferat dissertacii kandidata filologicheskikh nauk* [Paremiological genres of the Adyghe folklore. Abstract of the

dissertation of the candidate of philological sciences]. Institute of World Literature named after A.M. Gorky RAS. Moscow, 1986. 21 p.

KUEK A.S. *Mifoepicheskiye motivy I obrazy adygskego cherkesskego nartskogo epasa. Avtoreferat dissertatsii doktora filologicheskikh nauk* [Mythoepic motifs and images of the Adyghe (Circassian) Nart epic. Abstract of the dissertation of Doctor of Philology]. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Adyghe State University. Maykop. 2020. 56 p.

COOPER J. *Entsiklopediya simvolov. Seriya «Simvoliy». Kniga IV* [Encyclopedia of symbols. Series “Symbols”. Book IV]. Moscow: Association of Spiritual Unity “Golden Age”, 1995. 398 p. URL: <https://djvu.online/file/jJ1oOvWuMEbd> (access date: 12/01/2023). (In Russian)

LAUSHKIN K.D. *Baba Yaga I odnogie Bogi (K voprosu o proiskhozhdenii obraza)* [Baba Yaga and the one-legged Gods. (On the question of the origin of the image)]. Folklore and ethnography. Leningrad: Nauka, 1970. Pp. 181–186. URL: https://history.eco/laushkin_baba_yaga_i_odnogie_bogi/ (access date: 11.30.2023).

LYUBKER F. *Real'nyy slovar' klassicheskikh drevnostey* [Real Dictionary of Classical Antiquities] Ed. transl. and ed. members of the Society of Classical Philology and Pedagogy F. Gelbke, L. Georgievsky, and others. St. Petersburg: publication of the Society of Classical Philology and Pedagogy, 1885. 1212 p. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_00359938?page=2&rotate=0&theme=white (access date: 12.01.2023). (In Russian)

MIZHAEV M.I., PASHTOVA M.M. *Entsiklopediya cherkesskoy mifologii* [Encyclopedia of Circassian mythology]. Maykop: IP Pashtov Z.V., 2012. 460 p. (In Adyghe).

Mify narodov mira. Enciklopediya: v dvuh tomah [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: in two volumes]. Ch. ed. S.A. Tokarev. Moscow: Sov. encyclopedia, T. 1: 1980. 671 p.; T. 2: 1982. 719 p. (In Russian)

Narty. Adygskiy epos. T. 4. Razroznennyye skazaniya [Narts. Adyg epic. Vol. 4. Scattered legends] / compilation, translation, comments by M. F. Bukhurov, A. M. Gutov, etc. Nalchik: Editorial and publishing department of the IHR KBSC RAS, 2020. 420 p. (In Adyghe and in Russian)

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov [Folk songs and instrumental tunes of the Circassians]. In 4 volumes / compilers V.H. Baragunov, Z.P. Kardangushev; edited by E.V. Gippius. Vol. 3. Ch. 2. Moscow: Soviet composer, 1990. 485 p. (In Adyghe and in Russian)

FAIGIKBNTSRAN – *Fonoarhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* [Phonoarchive of the Institute for Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences].

TSIPINOV I.A. *Fenomen uyazvimosti kak element obrazostroyeniya personazhey mifoepicheskoy traditsii adygov* [The phenomenon of vulnerability as an element of image-building of characters in the mythical-epic tradition of the Circassians] News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. No. 1 (45). 2012. P. 191–196.

SHORTANOV A.T. *Adygskaya mifologiya* [Adyghe mythology]. Ed. A.I. Alieva. Nalchik: Elbrus, 1982. 194 p.

Schurtz H. *Urgeschichte der Kultur*. Leipzig und Wien. Bibliographisches Institut. 1900. 658 p. https://archive.org/details/bub_gb_YNpfAAAAIAAJ/page/n10/mode/1up (дата обращения: 01.12.2023). (In German)

Информация об авторе

Л.С. Хагожева – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the author

L.S. Khagozheeva – Candidate of Science (Philology), researcher of the sector of adyghe folklore.

Статья поступила в редакцию 07.12.2023; одобрена после рецензирования 20.12.2023; принята к публикации 26.12.2023.

The article was submitted 07.12.2023; approved after reviewing 20.12.2023; accepted for publication 26.12.2022.

Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «ВЕСТНИК КБИГИ»

Условия публикации

Журнал публикует статьи на русском, кабардино-черкесском и карачаево-балкарском языках, посвященные исследованию языков, фольклора и литературы, этногенеза и этнической истории, социальной организации, общего и особенного в материальной и духовной культуре народов региона, их места в исторических процессах средневековья, нового и новейшего времени, проблем исторического и современного развития народов и общества Северного Кавказа.

Подаваемые статьи не должны быть опубликованы ранее, представлены на конференциях, проводившихся ранее, а также не должны находиться на рассмотрении в редакциях других журналов.

Отправляя статью в редакцию журнала, автор выражает согласие на ее размещение в открытом доступе в сети Интернет и в наукометрических базах.

Поступившая в редакцию статья проверяется на наличие некорректных заимствований. При обнаружении плагиата или самоплагиата статья исключается из номера на любом этапе подготовки выпуска.

Затем статья направляется на рассмотрение одному-двум членам редакционной коллегии. При необходимости к рецензированию привлекаются приглашенные эксперты. Имена рецензентов не сообщаются авторам. Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации. При положительном заключении рецензентов о качестве статьи она формируется в очередной выпуск.

Статьи не публикуются в авторской редакции. В случае необходимости внесения правки, ответственный секретарь журнала оповещает автора статьи о необходимости ее доработки. После внесения авторской правки силами редакционной коллегии выполняется редактирование текста.

1. Требования к оформлению статьи

1.1. Общие

- статьи принимаются в электронном виде, в формате doc, docx;
- объем статьи в пределах 20 000–40 000 знаков с пробелами (12–25 с.);
- страницы формата А4, поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, остальные – 2 см., абзацный отступ – 1,25 см.

1.2. Комплектность статьи

- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- тип статьи (научная статья, обзорная статьи, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, рецензия на книгу, и т.п.) в верхнем левом углу;
- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- DOI статьи в верхнем левом углу;
- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя, отчество и фамилия автора(ов);
- контактная информация об авторе(ах): место работы, электронный адрес, ORCID каждого автора(ов);
- аннотация (резюме) статьи на русском языке (100–250 слов);
- ключевые слова (5–7 слов на русском языке);
- заглавие статьи на английском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя и фамилия автора(ов) (английская транскрипция);
- abstract (резюме) на английском языке (100–250 слов);
- keywords (5–7 слов на английском языке);
- контактная информация об авторе(ах) на английском языке: место работы, электронные адреса, ORCID каждого автора(ов);
- основной текст статьи;

- список источников;
- список источников на латинице (References);
- дополнительные сведения об авторе(ах) (ученая степень, ученое звание, должность);
- сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов

1.3. Требования к оформлению отдельных элементов статьи

1.3.1. Заглавная часть

1.3.1.1. **ТИП СТАТЬИ** (научная статья, обзорная статьи, рецензия на книгу и т.п.) в верхнем левом углу, шрифт обычный, размер 14 пт.

1.3.1.2. **ИНДЕКС УДК** (универсальная десятичная классификация) слева, шрифт обычный, размер 14 пт.

1.3.1.3. **ЗАГЛАВИЕ СТАТЬИ** на русском языке прописными (заглавными) буквами, шрифт полужирный, размер 14 пт., размещение по центру.

1.3.1.4. **ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ(АХ)** располагаются под заголовком – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине без абзачного отступа. Основные сведения об авторе содержат:

- имя, отчество, фамилию автора (полностью);
- наименование организации (учреждения), её подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т.п.);
- адрес организации (учреждения), её подразделения, где работает или учится автор (город и страна);
- электронный адрес автора (e-mail) приводится без слова “e-mail”, после электронного адреса точка не ставится;
- открытый идентификатор учёного (Open Researcher and Contributor ID – ORCID); ORCID указывается в форме электронного адреса в сети «Интернет», в конце ORCID точка не ставится.

Наименование организации, её адрес, электронный адрес и ORCID автора отделяют друг от друга запятыми.

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>

В случае, когда автор работает (учится) в нескольких организациях (учреждениях), сведения о каждом месте работы (учебы), указывают после имени автора на разных строках и связывают с именем с помощью надстрочных цифровых обозначений:

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов^{1,2}

¹**Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>**

²**Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия**

Если статья написана в соавторстве, то имена авторов приводят в принятой ими последовательности; сведения о месте работы (учебы), электронные адреса, ORCID авторов указывают после имен авторов на разных строках и связывают с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений. При этом один из соавторов, ответственный за переписку, и его электронный адрес обозначаются условным изображением конверта .

ПРИМЕР:

Иванович Иванов¹, Петр Петрович Петров²

¹**Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>**

²**Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, petrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-1111-2222-3333>**

Если у авторов одно и то же место работы, учебы, то эти сведения приводят один раз:

Иван Иванович Иванов¹✉, Петр Петрович Петров²

^{1, 2}Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

¹ivanov@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

²petrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-1111-2222-3333>

Если авторов более 4, допускается приводить имена, отчества в форме инициалов и фамилии авторов. В полной форме эти данные, а также электронные адреса, ORCID помещают в этом случае в конце статьи вместе с дополнительными сведениями об авторах.

В случае написания статьи в соавторстве одного из авторов обозначают ответственным за переписку:

И.И. Иванов¹, П.П. Петров², В.В. Васильева³, Ф.Ф. Федоров⁴

^{1, 2}Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

^{3, 4}Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

Автор, ответственный за переписку: Иван Иванович Иванов, ivanov@mail.ru

1.3.1.5. *АННОТАЦИЯ* статьи на русском языке (не менее 150 слов, но не более 250 слов) – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см, предваряется словом «Аннотация.» (Abstract.).

1.3.1.6. *КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА* (5–7 слов и словосочетаний на русском языке) предваряются словами «Ключевые слова:» (“Keywords:”) и отделяются друг от друга запятыми; после ключевых слов точка не ставится – шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см.

1.3.1.7. *ДАННЫЕ О СТАТЬЕ И ОБ АВТОРЕ(-АХ) НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ* (оформление такое же, как и в русском варианте).

Если статья написана на одном из национальных языков, то вышперечисленные элементы издательского оформления сначала указываются на языке статьи, затем – на английском, потом – на русском языке.

1.3.2. Основной текст статьи.

Основной текст статьи в смысловом плане должен содержать авторское обоснование актуальности исследования, оценку состояния исследований по теме, краткую характеристику источников (материалов) и методов работы, собственно анализ и результаты исследования, выводы (заключение). Это необходимо, чтобы рецензенты и редакция могли быстрее и корректнее оценить является ли представленная работа оригинальным авторским исследованием, соответствует ли современному уровню исследований в данной области, отражает ли она умение автора свободно ориентироваться в существующем научном контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт, междустрочный интервал – 1,5, выравнивание по ширине.

1.3.3. Ссылки и список источников

В список источников включаются записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи. Ссылки на источники (литературу) в тексте статьи даются в квадратных скобках (указывается фамилия автора или начало заглавия работы, указывается год публикации работы, страницы приводятся через двоеточие): [Бархударов 1975: 31–33], [Актуальные вопросы... 2007: 140]; при ссылке на несколько источников позиции отделяются точкой с запятой [Бархударов 1975; Новиков 2012: 35]. Названия, имеющие общепринятое сокращение, могут сокращаться, например, «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов» – АБКИЕА [АБКИЕА 1974: 200]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно двумя авторами, указываются оба автора [Караулов, Чулкина, 2008: 141]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого автора и

писать «и др.» [Караулов и др. 1999]. При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя латинские буквы a, b, c к году издания [Новиков 2012a], [Новиков 2012b]. Архивные источники в тексте раскрываются полностью: [РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 255. Л. 15].

Список источников приводится в алфавитном порядке после основного текста с заголовком по центру; один источник может упоминаться только один раз, набирается с абзачным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине.

Библиографическое описание источников (литературы и интернет-источников) в списке дается в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008: при ссылке на книгу обязательно указывать издательство и общее количество страниц в книге; при ссылке на многотомное издание обязательно указывается, сколько всего томов и на какой именно том дается ссылка; ссылка на периодическое издание дается следующим образом: Ф.И.О. автора. Название статьи // Название журнала. Год. Том (Vol.). №. Интервал страниц статьи.

Если в списке источников и литературы есть работы с DOI (Digital Object Identifier), то обязательным требованием является указание DOI в полном библиографическом описании работы: Тимижев Х.Т. О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // Кавказология. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.

ПРИМЕР:

Список источников

Адыгэ псалъальэ 1990 – *Адыгэ псалъальэ* (Словарь кабардино-черкесского языка). Москва: Дигора, 1999. 860 с.

АИГИКБНЦРАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра.

Бархударов 1975 – *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.

Дзамихов, Кажаров 2019 – *Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г.* О национальной государственности народов КБР: история становления и конституирования (начало 1920-х гг.) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2019. № 3 (42). С. 39–58.

Добричев 2013а – *Добричев С.А.* К вопросу о природе конверсных отношений в английском языке // Язык. Культура. Речевое общение. 2013. № 1. С. 19–22.

Добричев 2013б – *Добричев С.А.* О прагматических аспектах в семантико-синтаксической категории конверсности // Филология и человек. 2013. № 4. С. 156–165.

Кыщокъуэ 2005 – *Кыщокъуэ А.* Хъуэпсэгъуэ нур. Налшык: Эльбрус, 2005. Т. 1. 600 н. (Кешоков А. Чудесное мгновение: роман. Налчык: Эльбрус. Т. 1. 600 с.).

Караулов, Чулкина 2008 – *Караулов Ю.Н., Чулкина Н.Л.* Русская языковая личность. Интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций: учеб. пособие. М., 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (дата обращения: 25.08.2015).

Къарачай-малкъар фольклор... 1996 – *Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия / жарашдыргъан Хаджиланы Т.М. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 б.* (Карачаево-балкарский фольклор: хрестоматия / сост. Т.М. Хаджиева. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 с.).

Конституция... 1918 – *Конституция* (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) [Электронный ресурс] // Электронный музей конституционной истории России: сайт. URL: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/> (дата обращения: 18.08.2021).

Новиков 2012 – *Новиков В. И.* Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики // Медиаскоп. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (дата обращения: 12.12.2015).

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

ТСРЯ 2007 – *Толковый словарь русского языка* с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. 1175 с.

Bassnett 2000 – *Bassnett S.* Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

1.3.4. Список источников на латинице (References)

Набирается с абзацным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине. Порядок должен сохраняться как в русском варианте.

В References вся информация о работах на русском языке должна быть транслитерирована на английский в соответствии с правилами транслитерации (**согласно стандарту BSI**). Транслитерацию можно осуществить на сайте <http://translit.ru> (в раскрывающемся списке с вариантами выбираем **систему кодировки BSI**).

Фамилии авторов на русском языке (в том числе и для источников на национальных языках) печатаются прописными буквами. Транслитерированные названия работ выделяются курсивом (в случае, если источник на национальном языке, транслитерируется оригинальное название), далее в квадратных скобках следует их перевод (для источников на национальных языках переводу подлежит их русскоязычное название). Если работа снабжена также англоязычным названием, в данном случае следует использовать его.

Перед заглавием сборника, многотомного или продолжающегося издания, периодического издания, в состав которого входит описываемая работа, знак «//» следует заменить на «IN:». Все источники на русском или национальных языках приводятся с соответствующей пометкой (In Russian / In Kabardino-Circassian / In Karachay-Balkarian).

Названия журналов приводятся в транслитерации, если нет официального названия на английском языке.

Названия сборников, коллективных трудов и т.п., на статью из которых дается ссылка, приводятся сперва в транслитерации (курсив), затем в квадратных скобках следует перевод на английский язык. Все дополнительные сведения (составитель, ответственный редактор и т.п.) приводятся в переводе. Место издания должно быть указано полностью. Город, название издательства, указания на том, выпуск, коллекцию и страницы также указываются на английском языке. Источники на латинице транслитерации и переводу не подлежат.

ПРИМЕР:

References

Adyge psal'al'e [Dictionary of kabardino-chircassian language]. Moscow: Digora, 1999. 860 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian)

Arhiv Instituta gumanitarnyh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra [Archive of the Institute for the Humanities Research of Kabardian-Balkarian Scientific Center]. Folder 1. Passport 1. (In Russian)

BARHUDAROV L.S. *Yazyk i perevod (Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda)* [Language and translation (Questions of general and private theory of translation)]. Moscow: International relations, 1975. 240 p. (In Russian)

DZAMIKHOV K.F., KAZHAROV A.G. *O natsional'noi gosudarstvennosti narodov KBR: istoriya stanovleniya i konstituirovaniya (nachalo 1920-kh gg.)* [On the national statehood of the peoples of the KBR: the history of formation and constitution (early 1920s)]. IN: *KBIHR Bulletin*. 2019. No. 3(42). P. 39–58. (In Russian)

DOBRICHEV S. A. *K voprosu o prirode konversnykh otnoshenii v angliiskom yazyke* [On the question of the nature of conversion relations in English]. IN: *Yazyk. Kul'tura. Rechevoe obshchenie*. 2013. № 1. P. 19–22. (In Russian)

DOBRICHEV S.A. *O pragmaticheskikh aspektakh v semantiko-sintaksicheskoi kategorii konversnosti* [On pragmatic aspects in the semantic-syntactic category of conversion]. IN: *Filologiya i chelovek*. 2013. № 4. P. 156–165. (In Russian)

KESHOKOV A. *H'uepseg'ue nur* [Wonderful moment]: novel. Nalchik: Elbrus, 2005. Vol. 1. 600 p. (In Kabardino-Circassian)

KARAULOV YU.N., CHULKINA N.L. *Russkaya yazykovaya lichnost'. Integrativnyj aspekt v usloviyah mezhhkul'turnyh kommunikacij* [Russian language personality. An integrative aspect in the context of intercultural communication]: textbook. Moscow, 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (date of access: 25.08.2015). (In Russian)

K'arachaj-malk'ar fol'klor: hrestomatiya [Karachay-Balkarian folklore]: reader / compiled by T.M. Hadzhieva]. Nalchik: El-Fa, 1996. 592 p.). (In Karachay-Balkarian)

Konstitutsiya (Osnovnoi zakon) Rossiiskoi Sotsialisticheskoi Federativnoi Sovetskoi Respubliki (prinyata V Vserossiiskim S'ezdom Sovetov v zasedanii ot 10 iyulya 1918 g.)

[Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (adopted by the V All-Russian Congress of Soviets at a meeting on July 10, 1918)]. IN: Electronic Museum of the Constitutional History of Russia: website. URL: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/> (access data: 18.08.2021). (In Russian)

NOVIKOV V.I. *Esse kak zhanrovaya dominanta novoj literaturnoj zhurnalistiki* [Essays as a genre dominant of new literary journalism]. IN: *Mediascope*. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (date of treatment: 12.12.2015). (In Russian)

Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian state archive of ancient acts]. (In Russian)

Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archives]. (In Russian)

Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov [Explanatory dictionary of Russian language with inclusion of information about origin of words] / edited by N.Yu. Shvedova. Moscow: Publishing center «Azbukovnik», 2007. 1175 p. (In Russian)

BASSNETT S. *Translation Studies*. London: Routledge, 2000. 524 p.

1.3.5. Дополнительные сведения об авторе (авторах) указываются в конце статьи (после «Списка источников» и «References») под заголовком «Информация об авторе (авторах)», дублируются на английском языке («Information about the author (authors)») и могут содержать информацию об ученой степени, ученом звании, должности.

ПРИМЕР:

Информация об авторах

И.И. Иванов – доктор филологических наук, профессор;

В.И. Чупров – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

I.I. Ivanov – Doctor of Science (Philology), Professor;

V.I. Chuprov – Candidate of Science (History), Professor.

1.3.6. Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов, приводятся в конце статьи после «Информации об авторах». Этим сведениям предшествуют слова «Вклад авторов:» (“Contribution of the authors:”). После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т.д.).

ПРИМЕР:

Вклад авторов:

И.И. Иванов – научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; участие в разработке учебных программ и их реализации; написание исходного текста; итоговые выводы.

П.П. Петров – участие в разработке учебных программ и их реализации; доработка текста; итоговые выводы.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

I.I. Ivanov – scientific management; research concept; methodology development; participation in development of curricula and their implementation; writing the draft; final conclusions.

P.P. Petrov – participation in development of curricula and their implementation; follow-on revision of the text; final conclusions.

The authors declare no conflicts of interests.

Или:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Усл. печ. л.
13.7

Формат 70x108 $\frac{1}{16}$
Цена свободная

Гарнитура Times
Заказ 295

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. Редакционно-издательским отделом *И.Х. Кушова*
Компьютерная верстка *А.В. Гергоковой*
Техническое редактирование *А.В. Гергоковой*